

ЛАРИСА СЕМЕНИЩЕНКОВА

ВДОХНОВЕНИЕ

Статьи о брянской литературе

Брянск, 2018

УДК 82-2
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
С 30

Лариса Семенищенкова. ВДОХНОВЕНИЕ. Статьи о
брянской литературе. - Брянск.: ООО Аверс, 2018, - 328 с.

В книгу Л.Л. Семенищенковой вошли статьи о творчестве брянских писателей, написанные ею в разные годы. Автор дает оценку литературным явлениям, связанным с именами классиков и наших современников. Сборник адресован всем читателям, интересующимся литературным краеведением. Представленные аналитические работы убеждают, что вдохновение дается критику так же, как и писателю-художнику, если его цель – раскрыть позитивную, одухотворяющую, суть таланта.

Печатается в соответствии с публикациями в указанных источниках.

ОБРАЗ Ф.И. ТЮТЧЕВА В ТВОРЧЕСТВЕ БРЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

По данным нашего исследования круга чтения современных брянских писателей, творчество Ф.И. Тютчева постоянно находится в центре их внимания. В ряду литературных пристрастий лишь А.С. Пушкин превосходит нашего поэта-земляка. Ф.И. Тютчев для наших авторов – и учитель в поэтическом мастерстве, и пример для подражания в гражданской позиции, и «маяк» в направлении творческих поисков. У каждого зрелого поэта мы непременно найдем стихотворения, посвященные Ф.И. Тютчеву, овстугской природе или празднику поэзии в Овстуге, другим местам, которые посещал великий поэт. Мы попытались проанализировать то, что создано в литературной брянской Тютчевиане с тем, чтобы оценить, что удастся и что не удастся художникам в попытке создать целостный образ Ф.И. Тютчева.

Прежде всего отметим, что именно на Брянщине создана убедительная научная Тютчевиана. Год 200-летия нашего замечательного поэта-земляка стал мощным стимулом к исследованию его жизни и творчества. Наиболее значительные, на наш взгляд, работы последнего десятилетия принадлежат В.Г. Деханову, И.Б. Непомнящему [16], В.Ф. Погорельцеву [19], Н.Н. Нифагиной [17], А.Л. Голованевскому [4, 5]. Можно сказать, что в России сегодня центр тютчеведения

переместился на Брянщину, и это вполне закономерно. Новые работы ученых-филологов все более укрепляют занятую позицию. Что же представляет собой сегодня на Брянщине художественная Тютчевиана?

Как было отмечено выше, многие поэтические подборки брянских поэтов украшают стихотворения, посвященные Ф.И. Тютчеву. Перелистывая индивидуальные и общие сборники последних лет, мы нашли посвящения Ф.И. Тютчеву и ссылки на его стихотворения у К. Асеевой, Л. Ашеко, А. Власова, В. Володина, В. Гамолина, В. Динабургского, Н. Ивакина, Н. Иванина, С. Кузькина, В. Крисановой, В. Пипченко, В. Потапова, Ю. Сальникова, М. Шумейко, А. Якушенко и многих, многих других. Если перечислить всех, то список получится довольно внушительный.

В поэзии доминирует авторское переживание, эмоциональное отношение к личности Ф.И. Тютчева и его творчеству. Оно у нас, как правило, восторженное, благоговейное, коленопреклоненное.

Начинать характеристику поэтической Тютчевианы на Брянщине нужно, конечно, с лирических откровений **В.Д. Гамолина**. Трудно и, наверное, невозможно найти другой пример, когда бы отношение к тютчевскому слову и жизни Ф.И. Тютчева стало для человека не только увлечением, литературным пристрастием или целью жизни, но стало самой судьбой. В предисловии к книге стихотворений В. Гамолина «Струны сердца» [3] В. Кожинков пишет: «Стихи В.Д. Гамолина – это лирический дневник, а не отчеканенные создания искусства. Но их достоинство

целиком обеспечено жизненным деянием. В сущности перед нами по-настоящему честное и полнокровное выражение самой жизни автора в стихотворном слове. И, вчитываясь в книгу, понимаешь, как и почему он смог совершить свой подвиг» [3, 6]. Безусловно, вся деятельность В.Д. Гамолина по увековечению памяти Ф.И. Тютчева есть подвиг, и, конечно, прав автор предисловия, когда утверждает: «Да, вглядываясь в стихи Владимира Гамолина, неопровержимо убеждаешься, что его жизненная цель не просто в возрождении тютчевского гнезда, но в возрождении народной жизни в целом» [3, 6].

Не удивительно, что первый раздел книги В. Гамолина «Струны сердца» назван «Овстуг – любовь моя». Это 58 признаний в любви своему краю, его людям и, конечно, любимому поэту. В цикле «Акростихи» определены доминанты нравственной, гражданской и эстетической позиции В. Гамолина. Это «Овстуг», «Тютчев», «Полонский», «Бирилев», «Мария Тютчева прекрасна», «Вщиж», «Брянск», внучка «Гурдина Оля» [3, 17 – 19].

Вслед за В. Кожиновым хочется подчеркнуть, что круг литературных интересов В. Гамолина не замыкался на поэзии Ф.И. Тютчева, он радел о судьбе русского слова и российской поэзии вообще; может быть, именно поэтому его подвижническая деятельность принесла реальные плоды. Наверное, если бы хватило сил и жизни, он столько же сделал бы и для А.К. Толстого, и других наших земляков:

Волнуясь и благоговая,
В сентябрьский день мы принесли
Земле Толстого Алексея
Привет от тютчевской земли.

Поэзии целебный воздух!
Я без него бы жить не смог.
Есть в Брянском крае милый Овстуг
И есть чудесный Красный Рог. [3, 16]

В другой книге В. Гамолина «Духовности святыя рубежи» [2] стихотворения, посвященные Овстугу и Ф.И. Тютчеву не выделены отдельно, но они обнаруживают сквозную линию самочувствия лирического героя. Поэт говорит с читателями о разном, но то и дело возвращается к мыслям о родине, о тютчевской поэзии:

Вот томик – маленькая книжка,
Прочти – на выбор стих открыв:
Здесь – что ни строчка – мысли вспышка
И чувства светлого порыв.

Кто, грому первому внимая,
Его классической строкой –
Люблю грозу в начале мая –
Восторг не выразит святой?! [2, 117]

Кажется, в стихотворениях В. Гамолина мы обнаруживаем все множество тем, возможных в поэтической Тютчевiane. Они представлены и у других

поэтов, а в разработке этих тем можно выделить сходные черты.

Например, характерен цикл стихотворений **В. Соловского**, лауреата премии им. А.К. Толстого «Серебряная лира» [9, с. 27 – 29]. Во-первых, автор гордится тем, что истоки поэзии Ф.И. Тютчева – на Брянщине: «Поэтом он явился свету // Под Брянском в Овстуге – у нас!» («Почти два века ищут, жаждут...»). Поэзия Ф.И. Тютчева – спасительный эликсир в минуты душевных волнений и разлада: «Когда в душе волненье и разлад, // Спасает эликсир его творений. // Страницу открываю наугад // И вот он рядом Тютчев – русский гений» («Когда в душе волненье и разлад...»). Или в другом стихотворении: «Его стихи, что в полночи костер – // Приют нежданный для души и сердца» («Его стихи, что в полночи костер...»). Для В. Соловского поэт Ф.И. Тютчев – учитель, нравственные «уроки» которого помогают нам, современникам, определить свои гражданские ориентиры, политическую позицию в сегодняшнем многополярном мире: «Все ниже и свинцовой тучи, // Зловещий сумрак все темней... // друзья! Чему учил нас Тютчев? // «Славянский мир, сомкнись тесней!» («Лукавый Запад – подпевала...»). Лирический герой уверен в неувядаемости тютчевских творений: «Доколе здравствует природа, // Дотоле Тютчев будет жить!» («Души, земли и небосвода...»). В ряде стихотворений В. Соловский образным языком характеризует особенности поэтического дара Ф.И. Тютчева: «Мир многолик под кистью у поэта... // Живая мысль и красок колорит!» («Ни почести, ни слава, ни

богатство...»); «Живая мысль, узорчатость в чеканке...// Стихи полны чарующего действа. // Не хриплый голос уличной шарманки, // А музыка скрипичного оркестра. // В истории словесности народной, // Его певучей, златострунной Лире // Вовеки пребывать оркестром сводным // В подлунном, поднебесном, Божьем мире» («Живая мысль, узорчатость в чеканке...»). В. Соловский преклоняется и перед личностными чертами гения Ф.И. Тютчева: «Ни почести, ни слава, ни богатство // Не занимали разума его. // Духовной высоты, любви и братства // У ангелов просил и у Богов» («Ни почести, ни слава, ни богатство...»); «Пусть кланчут благ придворные писаки, // Шумят, гремят, рвут галстуки и фракки. // Ему все это чуждо. Он Поэт!» («Его стихи, что в полночи костер...»).

Цикл из девятнадцати стихотворений «Слово о Тютчеве» есть в книге **М. Шумейко** «Русская околица» [25]. В стихотворении «Тютчеву» автор также выражает свое преклонение перед личностью Ф.И. Тютчева: «Он гениален, как поэт, // И мудр, как истинный философ» [25, 46]. В стихотворении «Тютчевским путем» утверждается мысль о всенародной славе великого поэта: «К Тютчеву рекой людской идем» [25, 46]. Одно из стихотворений («Нынче Овстуг в глубокой печали...») посвящено В.Д. Гамолину:

Федор Тютчев,
Владимир Гамолин —
Сыновья, край былинный, твои.
Первый славы земной удостоен,

А второй – всенародной любви. [25, 51]

Пафос лирических посвящений Ф.И. Тютчеву у разных поэтов очевидно сходен, хотя различны поводы к написанию, индивидуальна образная стилистика, различна степень художественных новаций.

Приведем примеры.

Для поэта **В. Володина** в аллегорическом стихотворении «Лестница к Тютчеву» [13, с. 185] путь к великому поэту долог и труден, но подняться к вершине, где царит гений, заманчиво и необходимо, потому что это ступени собственного роста:

Эта лестница манит,
гранитом ступенек играет;
Двадцать полных октав
плюс пяток завершающих нот;
Только глянешь наверх,
а и сердце, и дух замирает
От звенящих металлом,
сияющих славой высот.

Лирический герой добирается до вершины, но, по замыслу автора, это не уравнивает его с идеалом; между ними так и остается дистанция. Ф.И. Тютчев недосыгаем, как и прежде:

Я спешу, тороплюсь,
я почти что срываюсь
на дискант:
«Здравствуй, барин – Иваныч!
Учитель и гений, и бог!

Я у Ваших Сиятельных ног
чуть не сдох.

Глаз спят Ваших строк
светозарные, чудные блики! –
Так позвольте за это
«чуть-чуть»
На скамейку
присесть отдохнуть
Здесь, под тению Вашей
и именем Вашим великим!»

В маленьком и задушевном стихотворении **Е. Леоновой** «В сквере Тютчева ранняя осень» [11, с. 159] приобщение к поэтическому слову Ф.И. Тютчева равно ощущению благодати, воспоминание о нем – отдохновение для души:

В сквере Тютчева – маленький Овстуг.
Я сюда прихожу помечтать,
И ступаю, как будто на остров,
Где поэт царит благодать.

Ф.И. Тютчев – Учитель для **Ю. Сальникова** [10, с. 165]: «Не мечтаю лучшего: // Ночь, весна и строки, // Я читаю Тютчева! – // Я беру уроки...» («Уроки поэзии»).

Стихотворение **А. Тарасовой** «Праздник поэзии» [15, с. 268] о том, что «вещное слово» Ф.И. Тютчева тревожит «память и душу» наших современников,

поэтому лирического героя не покидает надежда, что «нет, не погибнет России душа!» Завершает стихотворение восклицание: «Как ты звучишь современно, поэт!»

У брянских авторов есть замечательные стихотворения, воссоздающие атмосферу Овстуга, некогда воодушевлявшую Ф.И. Тютчева, а теперь вдохновляет каждого, кто способен мыслить о высоком и любит поэзию. На мой взгляд, с этой художественной задачей прекрасно справляется **В. Крисанова**. Ее романтически-приподнятый слог как нельзя лучше приспособлен к передаче чувств возвышенных, противоположных всему низменному, обыденному, примитивному. Например, в стихотворении «Мой Овстуг» [9, с. 94] ее поэтический образ приобщает нас к состоянию вдохновения, оно передается нам вместе с воспоминаниями о Ф.И. Тютчеве и узнаваемыми строчками из его стихотворений:

...Я в этот сад на цыпочках входила,
Чтоб ненароком Музы не спугнуть.
Подслушивать дожди ее и грозы,
Дыханье ветра долгое в листве.
Там бродят сны и тютчевские слезы,
И перлы дождевые на траве.
Столетьем прошлым пахнет этот сад,
Там все еще живут его забавы,
Его свирели детские октавы
И Музы родниковые глаза
Глядят на нас из глубины столетий.
Мы новых дней родившиеся дети,

Под новым солнцем все цветет и дышит –
С поэзией мы выросли в тиши.
И ветер травы росные колышет
Над колыбелью тютчевской души...

В. Крисанова, действительно, выросла в Овстуге, училась здесь в школе, ее учителем был В.Д. Гамолин. Об Овстуге одни из лучших ее стихотворений.

У наших поэтов есть попытки представить Ф.И. Тютчева в моменты поэтического вдохновения, угадать состояние его души, рождающее стихи, смоделировать условия творчества. Прекрасное стихотворение «Вщиж» принадлежит **С. Кузькину** [8, с. 193]:

Далекий Вщиж... Десна под белой кручей.
Тревожит травы ветерок слегка.
Отсюда, с крутизны, когда-то Тютчев
Узрел, как *в искрах катится река..*

Тут, на холмах загадочного Вщижа,
Он трогал тростью прах времен былых
И шум дубов раскидистых расслышал,
Как чью-то *память роют корни их.*

Ловил полет он облаков высоких,
И бездны гул он чувствовал душой.
А где-то гром ворочался далеко,
Пьянили травы брагой молодой...

Меньше попыток у наших поэтов представить

суть личности Ф.И. Тютчева, но это интересные опыты, потому что художественное решение неизбежно сближается с эпосом, заставляет обращаться к событийному ряду жизни Ф.И. Тютчева. Личность поэта была многогранной, нередко противоречивой и сегодня остается неразгаданной вполне. Взяться за такую задачу может только тот, у кого сложилась концепция этой личности.

Такие стихотворения есть у лауреата Тютчевской премии «Русский путь» **Л.С. Ашеко**. Например, в ее поэтическом сборнике «Под вечным небом» [1] находим два стихотворения, посвященные Ф.И. Тютчеву – «Все-все написано о нем» [1, 103 – 104] и «Последнее стихотворение» [1, с. 102 – 103].

В первом жизнь поэта представляется как непрерывный процесс творчества, как постоянная трансформация состояний души в поэтическое слово:

...Все-все написано о нем.
И даже то, чего б не надо...
Он жил с божественным огнем,
В котором муки и отрада.
Святой огонь, как и живой,
То светит, греет... То сжигает!
Кто творчества вкусил, тот знает,
Как в мире пусто без него.
Над ним не властвовал покой:
Стихи поэта посещали
В минуты счастья и печали,
В моменты страсти роковой.

Тоскуя в скуке овстугской,
Он мыслил о строеньи мира.
И отзывалась звоном лира
На все, что ново под луной...

Во втором стихотворении даже в последние мгновения своей жизни Ф.И. Тютчев остается поэтом: «Душа терзалась в памяти греха, // Любовь была оплакана, отпета...// Последняя мелодия стиха // Оборвалась в душе поэта».

К. Асеева суть личности Ф.И. Тютчева видит в способности любить и дарить любовь с полной самоотдачей, независимо от «мнений света»:

Ложится за строкой строка
На маленьком листе бумажном.
Любил он гордо и отважно.
Любил он тайно. Разве важно?
Ведь главное – любил.
Пока...
Пока мог мыслить и творить,
Пока рука перо держала.
Он шел по лезвию кинжала.
Он шел. И продолжал любить... [13, с. 24]

Цитируемые выше стихотворения – результат не одномоментных чувств, но долгих раздумий о поэте, его человеческой судьбе.

Наконец, некоторые авторы обращаются к отдельным фактам биографии Ф.И. Тютчева, воссоздают

живую картину – эпизод из жизни поэта и в этой картине «прорисовывают» какую-то конкретную, важную черту человеческого облика Ф.И. Тютчева.

Показательно, например, стихотворение **В. Потапова** «У Вщижа» [12, с. 209]. Приведем его целиком:

...Я очи знал, о, эти очи.
Ф.И. Тютчев

Он вспоминал эти очи живые,
Чистые, как заревая роса...
Быстро стекали струи дождевые
И наполняли влагой глаза.
До перевозчика не докричаться,
Ветер доносит лишь отзвуки слов.
В Овстуге ждут уж давно домочадцы...
– Барин, водою весло унесло.
С темных бортов виснет рыжая пена,
Дождь не стихает,
Пронзает насквозь.
На берегу кто-то крикнул:
– Елена!
Сразу вдруг сердце отозвалось.
– Барин, ну что ж вы, как неживые,
Вон как застыли, накиньте пальто...
Тютчев смотрел сквозь струи дождевые,
Молча смотрел –
Отзовется ли кто?

Наша поэтическая Тютчевiana многоаспектна, достаточно обширна, однако, делая вывод, нужно сказать, что целостного образа нашего поэта-земляка не создает. Абсолютно все авторы сходятся в признании бессмертия духовного наследия Ф.И. Тютчева; для абсолютного большинства Ф.И. Тютчев – эталон поэтического мышлечувствования, недостижимая вершина, Учитель, маяк в творчестве, пример душевной щедрости и бескорыстия... Однако лирика ограничена в широте охвата жизненных обстоятельств Ф.И. Тютчева, она не претендует на объективность суждений, у поэзии свои отношения с действительностью; все же создание всеохватывающей панорамы жизни Ф.И. Тютчева – прерогатива прозы. Обратимся к ее анализу.

Думается, что тон художественному осмыслению творческого и жизненного пути Ф.И. Тютчева задал писатель Ю. Когин, выпустивший в 1983 году роман-хронику «Вещая душа» [7]. Родной Брянщине этот писатель посвятил не одно сочинение. Так и замысел книги «Вещая душа» о тютчевском окружении возник после посещения писателем Овстугского музея-усадьбы. Не будем давать запоздалую оценку этому произведению. Книга Ю. Когина заняла уже давно свое почетное место в художественной Тютчевiane. Отметим то, что это документальное повествование, основанное на тщательном изучении эпистолярного материала, архивных документов, исторических данных. Прежде всего в книге раскрывается судьба дочери Ф.И. Тютчева, Марии, но ее отцу уделено не меньше внимания. Выводы автора аргументированы документальными

материалами. Ю. Когинов приводит их, цитирует, ссылается на воспоминания современников – то есть проводит научное исследование. С другой стороны, автор дает волю фантазии и включает в повествование живые картины с описаниями, диалогами, как бывает в романе. Довольно сложно переключаться с научного стиля на художественный и наоборот, но автору это вполне удастся. Он создает образ Ф.И. Тютчева в сложные моменты его судьбы, и делается это тонко, с уважением к личности Федора Ивановича. Изображая поэта в быту, Ю. Когинов не приземляет своего героя, не допускает пошлости в интерпретации отношений его с женщинами... Это очень ценный труд, который, казалось бы, должен был обязательно найти продолжение в творчестве брянских авторов. И такое продолжение было.

В 1995 году в брянском издательстве «Придесенье» вышла в свет книга Г.В. Метельского «Заря вечерняя» [14] – повесть о последней любви Ф.И. Тютчева. В центре внимания автора – история взаимоотношений Ф.И. Тютчева и Е.А. Денисьевой. Творчество Г.В. Метельского получило широкое признание у критиков и читателей, и одно из направлений в его творчестве, по словам В.П. Парыгина, – «художественное освоение судеб известных исторических лиц» [18, 424], среди которых и наши выдающиеся земляки Ф.И. Тютчев и А.К. Толстой. Интерпретируя события жизни Ф.И. Тютчева и давая волю фантазии, автор повести все же стремится быть верным исторической правде. В произведении нет чего-либо такого, что противоречило

бы научным исследованиям биографии поэта. В книге много страниц проникновенных, психологически убедительных. Написана повесть с любовью к поэту; у автора нет стремления эпатировать читателя пикантными подробностями из личной жизни Ф.И. Тютчева. Он пытается понять внутренние мотивы драмы поэта, высветить духовные опоры, позволявшие Ф.И. Тютчеву пережить трагические события, связанные с потерей любимой женщины и детей. В конце повести убедительно показано состояние поэта после исповеди и причастия в храме, логична финальная сцена возвращения Ф.И. Тютчева в Овстуг. Мысль о родине согревает его сердце:

«Тютчев сел в коляску, принял удобное положение и закрыл глаза.

Колокольчик под дугою зазвенел снова.

– Скоро будем дома, Федор Иванович, – сказал Щука.

– Дома... – повторил Тютчев и облегченно, радостно улыбнулся» [14, 252].

Не удивительно, что книга Г.В. Метельского «Заря вечерняя» стала основой для разработки образа Ф.И. Тютчева в современной брянской литературе, в частности, в творчестве нашего драматурга В.И. Синицына. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

В 2002 году увидели свет сразу две пьесы о Ф.И. Тютчеве: В. Синицына «О, как убийственно мы любим», или Гамлет Брянского уезда» [24] и Л. Семенищенковой «Душа России» (Ф.И. Тютчев) [21]. Обе изданы на средства авторов. В 2008 году пьеса Л. Семенищенковой была опубликована в альманахе Брянской областной

общественной писательской организации Союза писателей России «Литературный Брянск» [12]. Публикация произведений не прошла незаметно. На пьесу В. Сеницына отозвался небольшим комментарием Е. В. Потупов в «Брянской Учительской газете» [20], назвав свою заметку «Гамлет Брянского уезда». Автор заметки не дает оценки произведению, лишь отмечает факт его появления. Он делает краткий обзор брянской драматургии, появившейся в печати, а по поводу пьесы В. Сеницына замечает: «Получит ли сеницынский «Гамлет Брянского уезда» свое театральное воплощение – говорить пока рано. Но в любом случае нельзя не поблагодарить автора за попытку перевести сложнейший образ на сцену театра, представить поэта таким, каким увидел его внимательный читатель Тютчева Владимир Сеницын» [20, с. 6]. Более развернутую характеристику произведению дал доцент Брянского государственного университета, кандидат филологических наук В.Ф. Погорельцев в предисловии к пьесе [24, с.3]. Как положительное он отметил то, что В. Сеницын «дает не фрагмент биографии замечательного деятеля, а почти всю его жизнь, канонически определяемую тремя наиболее выдающимися женщинами». Также удачей автора признается создание им образа Агента, отмечается глубокое проникновение во внутренний мир поэта-земляка. Использование В. Сеницыным «пластически выверенных ремарок», «воплотить которые в театре под силу только одаренным артистам», В.Ф. Погорельцев считает не просто удачей автора, но и продолжением классической традиции А.П. Чехова. Иных публичных

отзывов о пьесе В.И. Сеницына нет.

Не отрицая достоинств произведения В. Сеницына, хотела бы заметить то, что, на мой взгляд, снижает его литературное качество. Таких моментов я вижу несколько.

Во-первых, некоторые сцены написаны автором с явным намерением произвести впечатление на читателя не глубиной проникновения в психологию персонажа, а физиологическими подробностями, отличаются утрированной театральностью и больше напоминают пародию на низкопробные сочинения, которые в современном серьезном театре вряд ли возможны. Для примера процитируем текст начала пьесы, представляющий попытку самоубийства первой жены Ф.И. Тютчева:

«В левой кулисе, в распахнутой двери богатого дома освещена стоящая у порога НЕЛЛИ. Она в маскарадном костюме, по щекам обильно текут слезы. В правой руке – кинжал.

НЕЛЛИ (решительно). Я больше не стану мешать твоему счастью, Теодор! Освобождаю тебя от моего присутствия на грешной земле. Пусть судьба принесет вам с «кисанькой» неомраченный век! (трижды ударяет себя маскарадным кинжалом в грудь).

Из ран на платье вытекает кровь. Глаза женщины испуганно и удивленно выкатываются из орбит. Она в страхе хватается за раны, как бы пытаясь их заткнуть. Нож со звоном падает на пол, кровь продолжает сочиться из-под тонких пальцев. Лицо ее искажает гримаса ужаса и боли. Она выбегает на просцениум,

представляющий собой улицу Мюнхена. Падает ничком посреди просцениума» [24, с.5].

Сцена, конечно, впечатляет, но вряд ли вызовет глубокое сопереживание страданию Элеоноры Федоровны Тютчевой хотя бы потому, что читатель или зритель еще не осведомлены об отношениях супругов. Непонятно, почему глубокая драма первой жены Ф.И. Тютчева представлена маскарадным действием, в то время как событие имеет реальное, самое серьезное продолжение в той же пьесе.

Снижающими образ Тютчева кажутся мне так называемые постельные сцены, долженствующие, по замыслу драматурга, характеризовать отношения Ф.И. Тютчева и Е.А. Денисьевой, как, например, сцена 13 (Домик в Павловске. Леля, Тютчев). Такие сцены требуют от автора предельной корректности и такта, чтобы избежать пошлости, скандального эффекта. Конечно, интересно следить за воображением автора: вот Леля толкает Тютчева локотком, потом еще раз, а он, почесав ударенное место, улыбается... Вот она, «свернувшись калачиком, засыпает, как ребенок», а за нею и Федор Иванович, прошептав монолог о своей греховности, засыпает успокоенный рядом с возлюбленной... Действительно, подобные сценические откровения в театре под силу только исключительно одаренным артистам. Кстати, аналогичная сцена есть и в указанной выше книге Г. Метельского [14, 18 – 19], но выписана она более корректно.

Трудно назвать достойным поведение Тютчева в некоторых диалогах с Нести и Лелей. В качестве

примера выпишем одни только «чеховские» ремарки В. Синецына в сцене 14 (24, 19 – 20). Тютчев разговаривает с Нести, сообщает ей о поездке на Валаам, но она догадывается, что он едет с Е. Денисьевой. Тютчев отвечает на реплики Нести, «пряча смущение и глаза от ее взгляда», «склонив по-птичьи голову на плечо, хитро взглянув на нее», «усмехаясь», «смеясь», «подыгрывая», «целуя жену холодным поцелуем». Понятно, что ему неудобен разговор, но почему «усмехаясь»? Ведь, по крайней мере, взаимоуважение, если судить по письмам Ф.И. Тютчева, всегда присутствовало в отношениях супругов? Читая диалоги, в которых Тютчеву приходится откровенно лгать, уклоняться от прямых ответов, изворачиваться, выдумывать причины своего поведения, как-то забываешь о том, что персонаж переживает даже не драму, а, как утверждает автор его же устами, гамлетовскую трагедию. Хотя об этом постоянно упоминается, все же читательское сочувствие неизменно адресуется женщинам. В чем же состоит авторская идея? Может быть, в назидании? Ведь страдающий от бессилия сделать выбор Тютчев показан как постепенно разрушающаяся личность, обремененная сознанием своего греха. Конечно, попутно Ф.И. Тютчев изображен и в других своих ипостасях: как поэт, дипломат, патриот. В последней сцене пьесы, переживая потерю Лели и детей, он помнит и о Родине, но его итоговое самочувствие неопределенно. Ф.И. Тютчев, молящийся за усопших жен, «за души их голубиные» и за родину свою Россию, признается, что его «преследует чувство пустоты» от того, что он не смог помочь ни родине,

ни любимым женщинам. Всю вину за смерть Лели и ее детей он берет на себя. Его заключительные слова в произведении: «Больше не осталось слез. Нет в жизни ничего выразительнее смерти. От этого можно сойти с ума. Но никто не сходит. Прощайте, Нелли и Леля!.. До вечного свидания!» [24, с.60]. В контексте тютчевского переживания замечание «но никто не сходит» воспринимается неуместным умствованием. Как его понимать? И все содержание пьесы свелось в итоге к признанию и доказательству виновности Ф.И. Тютчева в душевных и физических страданиях близких ему женщин. Укрепляется эта мысль указанием автора на то, что в финале звучит романс на стихи Ф.И. Тютчева «О, как убийственно мы любим» [24, с. 60]. Собственно, что должен чувствовать читатель? Кому сочувствовать?

По-видимому, мы должны преклониться перед глубиной неискупленного страдания героя, искренностью его раскаянья, приведшего к молитвенному обращению к Богу: «Я тоже сегодня, Господи, верую и исповедую... (стоя на коленях перед иконой Богоматери)» [24, 60]. Но что означает слово «сегодня»? А – завтра?

Отношение к религии у Ф.И. Тютчева показано в динамике, постоянно сопоставляется с набожностью Лели. На протяжении всего действия поэт показан не просто нерелигиозным человеком, но почти что воинствующим атеистом. Вот, например, его высказывание на Валааме: «Грубы тут строения! А золота истрачено на купола – просто нестерпимое сияние! Лучше бы потратили благородный металл на вооружение России, на солдат ее. А то некому защитить

Державу, да и нечем! (Анне). Такая вот Россия наша. Примечай: тысячи курных соломенных избенок, а среди них вот такое – исполинское – кичливое, откуда можно без ущерба для своего богатства – дать по рублю избам и их обитателям. Ты намекни на службе своей кому следует в царских хоромаш»... [24, с.25].

В ответ на реплику Е. Денисьевой о том, что он сам стоял, скрестив руки на груди и восхищался, Тютчев отвечает: «Восхищался, но природой, панорамой, которую портили чересчур богатые строения! Достаточно мне русской суровой совершенной красоты!»

Обращение к Богу в последней сцене пьесы представляет, безусловно, иного Ф.И. Тютчева. Вот авторские ремарки: «Стоя на коленях перед иконой Богоматери», «Раскаяние, крестные знаменья, отчаяние, слезы». Так почему же все это только «сегодня»?

Намек на непостоянство тютчевских настроений смущает читателя. Отношение автора пьесы к главному персонажу расплывается. Ясно, что В. Синицын не стремится идеализировать героя, но что дает читателю постоянное снижение образа? Не в этом ли и состоит концепция: и великие не идеальны. Грешат и каются, но это питает их творчество. Они пишут гениальные стихотворения. Так, на мой взгляд, в представленном на суд читателя сюжете теряется духовная ипостась личности Ф.И. Тютчева, и очень жаль.

Зато весьма плодотворной в пьесе кажется мысль, высказанная вскользь в одной из реплик и развиваемая автором в нескольких сценах. Она касается тайны любовного треугольника Тютчев – Эрнестина

Федоровна – Елена Александровна, над разгадкой которой трудятся и исследователи, и художники. В. Синицын дает свое объяснение тому, как Ф.И. Тютчев мог любить одновременно двух женщин, так и не сделав свой выбор. Большинство существующих в литературе интерпретаций этой любовной интриги сводится к тому, что обе женщины красивы, обе умны, равны по своим достоинствам; различались в возрасте – Елена Денисьева моложе, и это якобы ее неоспоримое преимущество перед Эрнестиной Федоровной. Понимание житейское, потому для многих убедительное.

В. Синицын обратил внимание не на возраст, а на ментальность Эрнестины Федоровны и Елены Денисьевой. В пьесе мысль озвучивает Эрнестина Федоровна. Она говорит о Елене Александровне: «Для него же это неизвестный тип женщин. Он два десятка лет жил – мучился в Германии. Привык к немкам, приударял за ними, влюблялся... А тут перед ним русская, с русским характером, манерами, привычками, обликом [24, с. 23].

Справедливости ради отметим, что первым такое мнение высказал Г. Метельский в повести «Заря вечерняя». Сделаем выписку: «Четыре года Тютчев присматривался к Леле, и чем дальше, тем больше и сильнее она его удивляла. Это был совсем иной, неизвестный ему тип женщин. За два десятилетия, прожитых в Германии, он привык к немкам и влюблялся только в них. Теперь перед ним была русская женщина, с русским характером, манерами, привычками, обликом» [14, 14]. В последующем тексте повести эта мысль не акцентируется специально и уходит в подтекст.

В. Синицын пытается развить идею. Он использует речевые характеристики. Нести как воспитанная женщина говорит сдержанно, рассудительно, обдумывая сказанное, зато в речи Лели мы находим намеренно используемые особенности русской народной речи. Вот пример, на наш взгляд, не вполне удачной, но показательной стилизации под народность в диалоге Тютчева и Лели в сцене 44:

ЛЕЛЯ (по-бабьи причитая). Ой, да на кого ж ты нас, сироток, покидаешь? Ой, возьми и нас в сторонushку незнаемую!

ТЮТЧЕВ (пытаясь быть сердитым). Ой, да не вой ты надо мной, я не сегодняшний покойник! Не на тот свет, за границу провожаешь. И скоро я вернусь, обещаю.

ЛЕЛЯ (продолжая завывать, на самом деле так шутя). Ой, душа моя изныла, ой, скорее замири Россеюшку-красну девицу – с Западом – коварным и завистливым! (отворачивается, ее плечи трясутся от смеха) [24, с. 43].

Не давая оценку стилистическим находкам драматурга, отмечу плодотворность концепции отношений Нести, Лели и Тютчева в произведении. Подчеркнутая автором пьесы разница любимых Ф.И. Тютчевым женщин – ключ к пониманию этих отношений. С одной стороны, по-видимому, Ф.И. Тютчев был человеком, впитавшим особенности европейской культуры. С другой, он всегда оставался русским, что проявлялось в его повышенной, открытой эмоциональности, чистосердечии, доброте, способности

подчиниться стихии чувства, пренебрегая правилами светской жизни. В первом случае именно Эрнестина Федоровна была идеальной возлюбленной и женой с ее красотой, выдержкой, способностью глубоко чувствовать и понимать, но и умением сдерживать свои эмоции, не выставляя их напоказ, умением себя вести в светском обществе. В общении с Еленой Денисьевой раскрепощалась русскость характера Ф.И. Тютчева. Его пребывание в России лишь укрепляло его отношения с Е. Денисьевой и, с другой стороны, ослабляло брачные узы. Переезд в Россию оказался драматичным для всех троих. Такая интерпретация любовной интриги в жизни поэта высвечивает иную и, на наш взгляд, более значимую причину внутренней трагедии Ф.И. Тютчева. Это не слабование и природная влюбчивость в первую очередь, а трагедия человека, почти на четверть века отлученного от Родины.

Думается, и повесть Г. Метельского, и художественная логика «подсказывали» В. Сеницыну тот угол зрения на историю взаимоотношений героев, который исключает решение конфликта на уровне «семейных разборок» и высвечивает актуальнейшую во все времена проблему формирования нравственно-духовных основ личности. К сожалению, драматург не воспользовался вполне этими «подсказками». Но в том, что он четко обозначил возможную интерпретацию «любовного треугольника», плодотворную как для художников, так и для исследователей, его несомненная, на мой взгляд, заслуга.

О достоинствах и недостатках пьесы автора

данной статьи «Душа России» судить читателю. В печати она получила отрицательную оценку брянского критика Ю.П. Иванова в статье «И достижения, и огрехи...» [6]. Ю.П. Иванов упрекнул автора в отступлении от исторической правды и выразил сомнение в том, что эта пьеса может быть поставлена в театре. Предвидя упреки критиков, я написала статью «Моя работа над образом Ф.И. Тютчева» [23]. В ней объяснено, с какой художественной целью и в каких случаях я перенесла место действия, время происходивших событий в действительности и т.д., руководствуясь известным высказыванием А.К. Толстого о том, что художник связан прежде всего правдой художественной [23].

Подводя итог, отметим следующее: сегодня с уверенностью можно говорить, что в брянской литературе создана художественная Тютчевиана. И в поэзии, и в прозе, и в драматургии убедительно выражено отношение наших авторов к творчеству и личности Ф.И. Тютчева. Не все произведения художественно равноценны, но каждое является, на мой взгляд, неоценимым вкладом в общие усилия по осмыслению духовного наследия нашего великого земляка. Жизнь и творчество Ф.И. Тютчева неисчерпаемы, и хочется верить, что создание всеохватывающего, убедительного во всех отношениях художественного произведения, в котором был бы создан образ Ф.И. Тютчева во всех ипостасях его многогранной личности, еще впереди. Здесь примером являются усилия брянских ученых-тютчеведов, и в этом мы видим обнадеживающий знак. Без наработок науки создать такое художественное полотно вряд ли

ВОЗМОЖНО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашеко Л. Под вечным небом. – Брянск: «Брянская писательская организация», 2003.
2. Гамолин В. Духовности святыи рубежи. – М.: Издательский Центр «Классика», 2004.
3. Гамолин В. Струны сердца. – Брянск: Предприятие «Аварт», 1993.
4. Голованевский А.Л. Лексика и семантика «Поэтического словаря Ф.И. Тютчева». – Брянск: Брянский государственный университет, 2009.
5. Голованевский А.Л. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева. – Брянск: РИО БГУ, 2009.
6. Иванов Ю. И достижения, и огрехи... К выходу очередного номера альманаха «Литературный Брянск» (№ 1, 2008 г.) // Брянская Учительская газета, № 38 (295), 26. 09. 2008 г.
7. Когин Ю. Вещая душа. – М.: «Советский писатель», 1983.
8. Кузькин С. Золотая тропа. – Брянск: Фонд им. Св. благоверного князя Олега Брянского, 2006.
9. Литературный Брянск. Альманах. – Брянск: «Брянский писатель», 2005.
10. Литературный Брянск. Альманах. – Брянск: «Брянский писатель», № 2, 2006.
11. Литературный Брянск. Альманах. – Брянск: «Пересвет», № 1, 2007.
12. Литературный Брянск. Альманах. – Брянск:

«Пересвет», № 1, 2008.

13. Литературный Брянск. Альманах. – Брянск: «Пересвет», № 2 (6), 2008.

14. Метельский. Заря вечерняя. – Брянск: «Придесенье», 1995.

15. На земле Бояна. Альманах славянской литературы. – Брянск: Изд-й дом «Кириллица», 2003.

16. Непомнящий И.Б. «О, нашей мысли обольщение...» – Брянск: Изд-й дом «Кириллица», 2002.

17. Нифагина Н.Н. Личность Ф.И. Тютчева в изобразительном искусстве. – Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, 2007.

18. Парыгин В. На ощупь мир правдивей... – Брянск: «Придесенье», 1999.

19. Погорельцев В.Ф. Психология творчества Ф.И. Тютчева. Книга для учителя. – Брянск, 2009.

20. Потупов Е.В. Гамлет Брянского уезда // Брянская Учительская газета, № 3 (3), 24.01.2003 г.

21. Семенищенкова Л.Л. Душа России. – Брянск, 2002.

22. Семенищенкова Л.Л. Душа России // Литературный Брянск. Альманах. – Брянск: Пересвет, № 1, 2008.

23. Семенищенкова Л.Л. Моя работа над образом Ф.И. Тютчева (Комментарий к пьесе «Душа России») // «Поэтическое наследие Ф.И. Тютчева: литературоведение, лингвистика, методика». Материалы Юбилейной международно-практической конференции / Под ред. доктора филол. наук, проф. Голованевского А.Л. – Брянск: Изд-во БГУ, 2003.

24. Синицын В. «О, как убийственно мы любим», или Гамлет Брянского уезда. Пьеса о Ф.И. Тютчеве. – Брянск: «Земля Пересвета», 2002.

25. Шумейко М. Русская околица. – Белые Берега: «Десяточка», 2007.

Опубликовано: В сб.: «Здесь души моей частица» (Овстугский сборник). Материалы 3 и 4 Гамолинских научных чтений. Специальный выпуск альманаха «Брянский край». – Брянск: Группа компаний «Десяточка», 2010.

МОЯ РАБОТА НАД ОБРАЗОМ Ф.И. ТЮТЧЕВА

(Комментарии к пьесе «Душа России»)

Работая над историческим произведением с документальной основой, писатель испытывает особое чувство ответственности. Общеизвестно, что в художественной реальности события и факты, имевшие место в действительности, интерпретируются в соответствии с авторским замыслом. Уже отбор фактического материала определяется художественной задачей, а в итоге концептуальная нагруженность текста – один из важнейших критериев художественной полноценности произведения. Авторские «вольности» в обращении с фактами могут выражаться во введении их в вымышленные ситуации, в нарушении хронологической последовательности действительных событий, в переадресовке высказываний и т. д. Думаю, что объяснения автора по поводу допущенных им погрешностей в изображении реальных лиц и событий даст материал для размышлений тем, кого интересуют закономерности творческого процесса и проблема критериев художественности в литературе.

Пьеса «Душа России» (Семенищенкова Л., 2002) завершает цикл драматических произведений о русских писателях 19 века, над которым я работала около десяти лет. Это пьесы о Ф.М. Достоевском, А.А.

Григорьеве, Н.С. Лескове, И.С. Тургеневе, А.К. Толстом и др. В художественную задачу входило создание собирательного образа российского литератора. Мне хотелось показать, что при несходстве судеб и характеров моих героев их сближала способность чутко улавливать нравственный смысл происходящего вокруг и ориентироваться на него в своем творчестве и жизненной практике. Судьба Ф.И. Тютчева, его характер, каким он мне представлялся, давали возможность акцентировать мысль о неагрессивности духовно развитой личности и ее уязвимости в обществе, где есть место не только добродетели, но и пороку. Я хотела показать, что сердце большого поэта всегда «под прицелом»: он становится объектом сплетен и пересудов; он неудобен в кругу людей мелочных, эгоистичных, стремящихся извлечь лишь личную выгоду из любых ситуаций, способных ради этого плести интриги и даже преступить нравственный закон... Что же помогает поэту не растеряться в сложных жизненных обстоятельствах? Что дает ему силы не изменять высокому человеческому статусу? Вот вопросы, на которые мне хотелось ответить вместе с читателями. Этой цели подчинено все в пьесе «Душа России»: ее сюжетная основа, система образов, композиция, а также интерпретация фактов из реальной биографии Ф.И. Тютчева и его современников.

Приступая к работе над произведением, я руководствовалась высказыванием А.К. Толстого о праве драматурга распоряжаться историческим материалом: «Поэт ... имеет только одну обязанность: быть верным самому себе и создавать характеры так,

чтобы они сами себе не противоречили; *человеческая правда* – вот его закон; *исторической* правдой он не связан. Укладывается она в его драму – тем лучше; не укладывается – он обходится и без нее. До какой степени он может пользоваться этим правом, ... - это дело его совести и его поэтического такта» (Толстой, 1969, 449).

Действие пьесы происходит осенью 1853 года, накануне официального объявления войны России с Турцией. Далеко не все общество обеспокоено этим обстоятельством, о чем писал Ф.И. Тютчев своей жене из Петербурга: «Здесь, - в салонах, разумеется, - беспечность, равнодушие и косность умов феноменальны» (Тютчев, 1984, 198). Сам же Ф.И. Тютчев целиком поглощен тем, как развиваются события. Обеспокоенность судьбой России определяет его умонастроение в период, являющийся историческим фоном драматического действия. Кроме того, мне хотелось показать, что патриотическое чувство объединяло лучших писателей России и было основой их духовного родства. Вот почему я «сгруппировала» вокруг Ф.И. Тютчева писателей: И.С. Тургенева, А. Григорьева, А.К. Толстого. Каждый из них по-своему реагирует на историческую ситуацию. А.К. Толстой собирается пожертвовать часть своего состояния на военную кампанию. Литераторы из круга А. Григорьева рассуждают об особенностях русского характера, которые делают человека непобедимым: «В нас больше, чем в других, сочувствия, любви, если хотите. Такую нацию нельзя победить!» Внутренне они готовы встать на защиту Отечества. А. Григорьев далек

от того, чтобы взять в руки оружие, но его равнодушие к происходящему выражается в провозглашении тоста «за нашу поэзию, лучше которой ничего нет» и которую нельзя уничтожить, потому что «поэзия – душа России». Сам же Ф.И. Тютчев, сетуя на свою материальную несостоятельность, пишет жене о том, что его участие в кампании может быть выражено «лишь сочувствием и верой», о чем он, по-видимому, и говорит много с И.С. Тургеневым, вернувшимся в Петербург из ссылки.

Знающий читатель сразу же обнаружит фактические несоответствия между художественной реальностью и исторической правдой. Например, ссылка И.С. Тургенева в Спасское, о которой говорится в пьесе, на самом деле закончилась не осенью, а лишь в декабре 1853 года. Упомянутая в письме Ф.И. Тютчева встреча с А.К. Толстым могла в действительности состояться не раньше следующего года, а эпизод в петербургском кабаке с Аполлоном Григорьевым, который якобы приехал в Петербург посмотреть в театре знаменитую актрису, целиком вымышлен. Такая произвольная перегруппировка лиц в историческом пространстве позволила представить индивидуальное патриотическое переживание Ф.И. Тютчева как характерное для лучших людей России в сложный период ее истории. Озвучена авторская мысль высказыванием Ф.И. Тютчева в пьесе: «Похоже, по-настоящему сочувствуют всему происходящему одни наши литераторы». В результате – еще один штрих к собирательному портрету русского писателя.

Концептуальной задачей объясняется и введение в драматическое действие трех стихотворений Ф.И. Тютчева с нарушением хронологических рамок. Например, стихотворение «Я встретил вас...» было написано Ф.И. Тютчевым в 1870 году, а в одной из сцен пьесы романс на это стихотворение исполняет А. Григорьев. Романс оказался необходимым для создания в произведении лирического лейтмотива, акцентирующего особенность тютчевского мировосприятия – его способность предчувствовать перемены в жизни и верить в позитивное ее обновление. В этих стихотворениях есть образ весны как альтернатива застою, ненастью, тому, что угнетает и печалит человека. Строчки стихотворений «перекликаются» в художественном пространстве. Стихотворение, вынесенное в эпиграф ко всему произведению («Когда в кругу убийственных забот...») заканчивается строчками, озвученными в первой картине Эрнестиной Федоровной Тютчевой: «... Так иногда осеннею порой, / Когда поля уж пусты, рощи голы, / Бледнее небо, пасмурнее доли, / Вдруг ветер подует, теплый и сырой, / Опавший лист погонит пред собою / И душу нам обдаст как бы весною» Продолжается тема романсом «Я встретил вас...»: «... Как поздней осенью порою/ Бывают дни, бывает час, / Когда повеет вдруг весною/ И что-то встрепет в нас...» И, наконец, в заключительной сцене Эрнестина Федоровна читает стихотворение: «Еще земли печален вид, / А воздух уж весною дышит...» Дважды тексты озвучивает Эрнестина Тютчева, находящаяся в Овстуге. Образ весны вносит жизнеутверждающий пафос в повествование, обращает

нашу мысль к Овстугу с его особенной атмосферой, где «любовью воздух растворен».

Стихотворение «Я встретил вас...» имеет в пьесе еще одну художественную функцию. Им определяется градус нравственного чувства поэта и мера его таланта, - что и создает незримое препятствие для недоброжелателей к осуществлению их коварных замыслов. Сцена с Аполлоном Григорьевым стала решающей в выборе Милонова между Ф.И. Тютчевым и Горским, задумавшим убить поэта на дуэли. Прослушав романс, Милонов еще раз осознает преступность этого плана, понимает, что бросить вызов Ф.И. Тютчеву – значит посягнуть на душу России. Он отказывается поддерживать Горского, что следует из его молчаливого ухода из трактира. Высокая, гуманная поэзия – реаниматор добрых человеческих побуждений. В этой сцене нарушается равновесие противоборствующих вокруг Ф.И. Тютчева сил в пользу добра.

Особенно ответственной для меня была работа с письмами Ф.И. Тютчева. Введение в действие фрагментов переписки поэта с его женой давало возможность раскрыть героя «изнутри» - отнюдь не новый, но весьма привлекательный литературный прием. Его использование позволяло показать характер отношений супругов в сложной психологической ситуации (Ф.И. Тютчев влюблен в Е. Денисьеву). Обращение к письменной исповеди героя также должно было создать, согласно замыслу, впечатление некоей обособленности, отстраненности Ф.И. Тютчева

от светской суеты, отсутствия у него интереса к внешней стороне человеческих отношений и, наоборот, постоянное стремление осмыслить их духовные аспекты. И содержание, и пафос писем Ф.И. Тютчева должны были убеждать читателей в высокой духовности личности самого поэта, при этом вписываться гармонично в стилистику драматического повествования... Было ясно, что такое письмо, которое бы соответствовало всем параметрам авторского замысла, вряд ли удастся найти. Так и случилось. Четыре фрагмента из писем Ф.И. Тютчева, которые воспроизводятся в произведении, были составлены из разных текстов. Кроме того, они были существенно дополнены мною. За основу были взяты письма Ф.И. Тютчева от 17 декабря 1852 г., от 3/15 октября 1853 г., от 16/28 ноября 1853 г., от 19/31 декабря 1853 г. (Тютчев Ф.И., 1984). Все они адресованы Эрнестине Федоровне Тютчевой и посылались из Петербурга. Однако место пребывания адресата было мною изменено. В действительности Эрнестина Федоровна осенью 1853 года находилась в Мюнхене, в пьесе она живет в Овстуге, туда же приходят и письма. Таким образом в произведение была введена тема малой Родины Ф.И. Тютчева, а образ Эрнестины Федоровны представился, на мой взгляд, в ее наиболее характерной роли – «овстугской затворницы».

И эти, и другие художественные решения в пьесе «Душа России» направлены на раскрытие концепции личности Ф.И. Тютчева, нравственным стержнем которой, в понимании автора, была любовь к человеку, поэзии и Родине. Это вызывало ответное расположение к

Ф.И. Тютчеву окружающих и любовь близких, что, в свою очередь, ограждало поэта от попыток недоброжелателей опорочить его имя и по своему «сценарию» определить его судьбу. План Горского не удался, потому что только любовь – всегда плодотворный конструктор жизни, зло же обречено на самоистребление. Судьба такого поэта, как Ф.И. Тютчев, и не могла зависеть от амбициозного решения одного человека, потому что она – органичная часть общенародной истории.

Читателям судить о том, насколько целесообразной, убедительной оказалась в пьесе «Душа России» художественная интерпретация фактов, имевших место в биографии Ф.И. Тютчева. Выводы, которые сделают читатели, должны способствовать выработке критериев оценки исторической драматургии, широко представленной в отечественной литературе, в том числе и брянской.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Семенищенкова Л. Душа России. (Ф.И. Тютчев). – Брянск, 2002. Цитаты из произведения приводятся по этому изданию.
2. Толстой А.К. Проект постановки на сцену трагедии «Смерть Иоанна Грозного» // А.К. Толстой. Соб. соч. в 4-х томах, том 3. – М., 1969, с. 449.
3. Тютчев Ф.И. Письмо Э.Ф. Тютчевой от 3/15 октября 1853 г. // Ф.И. Тютчев. Соб. соч. в 2-х томах, том 2. – М., 1984, с. 198.

**Опубликовано: В сб.: «Поэтическое наследие
Ф.И. Тютчева: литературоведение, лингвистика,
методика». Материалы Юбилейной международной
научно-практической конференции. – Брянск: изд-
во БГУ, 2003 г**

ОБРАЗ А.К. ТОЛСТОГО В СОВРЕМЕННОЙ БРЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Вопрос о том, как в современной поэзии представлена личность Алексея Константиновича Толстого и отношение к его творческому наследию, отнюдь не праздный. Прочитать стихи, посвященные нашему великому земляку, – значит понять, что актуально в его творчестве, что способно служить делу духовного развития современного человека в наш сложный век социальных и нравственных потрясений. Отношение к А.К. Толстому на Брянщине, безусловно, особенное. Каждый интересующийся литературой брянец непременно побывал хоть один раз в Красном Роге (Почепский район Брянской области). К этому подвигают ежегодные праздники поэзии в бывшем имении писателя. На Брянщине и в самом Брянске много памятных мест, посвященных А.К. Толстому. К изучению жизни и творчества Алексея Константиновича внимательно относятся в школах и вузах. Неудивительно, что и написано об А.К. Толстом на Брянщине много и в поэзии, и в прозе. Поэзия мобильно отражает градус общественной заинтересованности в том или ином явлении жизни. Попробуем понять, что привлекает сегодня брянских поэтов в духовно-нравственном завещании А.К. Толстого потомкам.

Всемилюбителям творчества А.К. Толстого известно его отношение к Красному Рогу. Природа, атмосфера

этого уголка большой России многие годы укрепляли душевные и физические силы писателя, располагали к занятиям искусством, питали любовь к Отечеству. Побывав в Красном Роге, можно прочувствовать мысли поэта, запечатленные в его сочинениях, пережить гамму чувств и настроений, вылившихся в поэтические строчки А.К. Толстого; можно понять главное, что составляло стержень его личности, – глубокую привязанность к родной земле.

Брянский краевед, один из первых исследователей жизни и творчества писателя, Г. Стафеев назвал Красный Рог «колыбелью толстовской поэзии»: «Здесь, на этой дорожке, стоит остановиться, посмотреть, как постепенно окутывается прозрачной сиренево-голубоватой, потом туманно-синей мглой окрестность, и прислушаться к звукам наступающего летнего вечера. Как и в толстовские времена, медленно гаснет заря, на нивы, на луга нисходит тишина и становятся слышнее птицы. Где-то, далеко отсюда, возле речки, закричал коростель, откликнулся другой, еще дальше сорока застрекотала на раките, возле парка мелодично запела иволга. А со стороны села отчетливо доносятся звуки обычной в эту пору жизни: гогочут возвращающиеся домой гуси, перекликаются дети, разговаривают девушки у колодца, лязгают дужки ведер, слышится мягкий стук проезжающей телеги, удары топора дровосека. Где-то в центре села подала голос гармоника, ей откликнулись девичьи голоса. А на окраине толстовского парка, от ветхого «елового» домика сторожа, вдруг полилась негромкая, протяжная, берущая за душу старинная

народная песня... Вот она, колыбель толстовской поэзии, – неумирающая поэзия народной жизни. И все, что связано у него с нею, близко и дорого нам...»

Не удивительно, что **многие брянские поэты воспевают особенную атмосферу Красного Рога и неизменно соотносят краснорогские картины с именем А.К. Толстого. «Красный Рог и А.К. Толстой» – пожалуй, главная тема в нашей поэзии.**

Природа Красного Рога, преображенная любовью А.К. Толстого в его лирических стихах, воспринимается нашими авторами как душевная обитель А.К. Толстого, источник его вдохновения.

*...На влажное крыльцо
вновь распахнется дверь,
просторам голубым
шагнет поэт навстречу.
Звонящие ручьи
да жаворонка трель
неясную печаль
в душе его излечат...*

*И будет все опять,
как в пору юных лет:
помолодевший бор
и зелень рощ сквозная.
Извечный зов весны
вновь ощутит поэт –
и обожгут слова,
из сердца прорастая.
(С. Кузькин. Красный Рог)*

В брянской поэзии мы найдем немало замечательных стихотворений и выразительных строк, образно передающих отношение А.К. Толстого к Красному Рогу:

«Поэт немало вынес бед и горя, // Но никому о том не говорил. // Свою «любовь широкую, как море», // Он этим нивам сирым подарил» (Г. Стафеев. Красный Рог).

«... Он в дом вошел. // Скорей к столу, скорее, // Пока душа дорогою полна. // Он взял перо. // Над Красным Рогом реял // Весенний вечер. // Поднялась луна. // Писал поэт свои слова святыя, // Чтобы они остались на века...» (А. Якушенко. Вечер).

«Он в тебе // Растворился, природа, // Нежным сердцем, // Любовью, // Строкой» (А. Буряченко. ...Но тайна твои покрывала черты).

«В минуты грусти и больших волнений // Был Красный Рог ему как лучший друг. // В нем лечит он тяжелой жизни раны // И отдыхает от душевных мук» (В. Пасин. На родине А.К. Толстого).

«Здесь голос креп, // сил новых набирал. // Благословляли и поля, и горы. // И под уздой // ретивый конь играл, // И нес легко // в широкие просторы» (М. Шумейко. Певец земли родной...)

«... Под ногами хрусткость сучьев // да ковром лесные мхи. // И слагаются созвучья, // и рождаются стихи» (В. Динабургский. Графу А.К. Толстому).

«Он речек любил серебро // И сумрак лесов вдохновенный. // Творил он негромко Добро // И звал себя «инок смиренный» (М. Юницкая. Поедем с тобой в

Красный Рог).

*«Дыханье лета слышится окрест, // И все вокруг
еще теплом согрето, // И веет стариной от этих мест.
// О, Красный Рог, приют души поэта!»* (Г. Кистерный.
Душа поэта) и др.

Судьба А.К. Толстого и Красного Рога настолько слиты, что, читая стихи поэта, непременно думаешь о Красном Роге, и, приезжая в Красный Рог, обязательно вспомнишь строчки из его стихотворений. Реминисценции в стихотворных текстах у современных нам поэтов вводят в атмосферу жизни в Красном Роге, воссоздают самочувствие А.К. Толстого в родном краю, напоминают о его героях.

*У омута таинственная тишь.
Лишь где-то слышны трели соловья.
«Ты знаешь край, где все обильем дышит»,
Где пахнет хлебом тучная земля,
Ты знаешь край с грибною лихорадкой,
С черемухой обильной, словно снег.
Где воздух после гроз и свеж, и сладок...
Где синь озер, как будто синь небес.
(В. Пасин. У омута таинственная тишь).*

*...Там липы столетние зябли
И медом цветенья влекли,
**«Дождя отшумевшего капли
Тихонько по листьям текли...»**
Шептал я знакомые строки
И ждал, что в сиянии дня
Раздастся далекий-далекий*

Таинственный топот коня...

(Ю. Кравцов. В парке А.К. Толстого).

...Рассвет серебристые росы

В траве незаметно зажег.

И гнутся над омутом лозы

На узенькой речке Рожок.

(В. Селезнев. В Красном Рогу).

Здесь, на древней и светлой земле

Сквозь минувших столетий туман

Князь Серебряный скачет во мгле,

Грозным оком косит Иоанн.

(В. Сорочкин. Красный Рог).

Тема «Толстой и Красный Рог» логично переходит в тему «Толстой и граница», например, у Г. Метельского. Много лет этот писатель прожил в Литве, но всегда приезжал в родные места на Стародубщину, написал книги о людях и природе Брянщины. При каждом удобном случае он посещал тютчевский Овстуг и с. Красный Рог. Его собственная ностальгия по отчим местам, наверное подсказывала и тему, и нужные слова в передаче душевного состояния А.К. Толстого, нередко находившегося вдали от любимых мест. У Г. Метельского есть очень проникновенное стихотворение «От родины вдали». В нем две части. В начале говорится о том, что А.К. Толстой «любил бывать в чужих краях», что он мог «часами, стоя, созерцать» бессмертные творения великих скульпторов и художников в музеях Парижа, Рима, Генуи, Брюсселя, восхищался экзотическими красотами

природы... И вот – вторая часть стихотворения:

*Но часто среди этой красоты
он начинал глядеть куда-то мимо
сквозь роскошь пальм – на голые кусты,
на луг и православные кресты
над церковью в краю своем родимом.
Туда он устремлялся всей душой.
И пред его оцепенелым взором
вставала нива с узкою межой,
и днище лодки, тронутое ржой,
и пахнувший полынью сонный взгорок.
И всякий раз от Родины вдали
он чувствовал, что в мире нет красивей,
чем приколодезные журавли,
чем бричка, еле видная в пыли, –
весь этот пятачок родной земли,
затерянной посреди России.*

Хочу подчеркнуть, почему так важно сохранить для потомков усадьбу А.К. Толстого. **Хранить Красный Рог – значит хранить память о поэте, проявлять заботу о его духовном наследии.** Жизнь А.К. Толстого и его сочинения дают нам примеры истинного патриотизма, привязанности к родному краю поразительной. Эти примеры актуальны во все времена.

*...И пройти по множеству дорог
Брянский край – в нем все места святые!
И пока мы помним Красный Рог,
Будут жить Великие Толстые...*
(Ю. Сальников. Перед поездкой в Красный Рог).

Содержание личности А.К. Толстого – центр притяжения поэтических раздумий наших поэтов. Появляются новые научные исследования жизни и творчества писателя, но они лишь подкрепляют представление о нашем великом земляке как о человеке широкой души, честном, благородном, бескомпромиссном, истинном патриоте и «рыцарской натуре». Всем известно, что писатель стремился к уединению, чтобы заниматься литературой, мечтал навсегда поселиться в Красном Роге. Эта тема многократно отражена в творчестве брянских поэтов. Образ А.К. Толстого прежде всего и неизменно ассоциируется с образом покоя, тишины, гармоничного слияния с природой. Например, в стихотворении Г. Метельского «Толстой в Петербурге» деревенская тишина противопоставлена шумной, суетливой петербургской светской жизни, чуждой душевному настрою поэта:

*... Эти золотые кандалы
он готов отдать за шелест сада,
поменять на темные леса,
на игру слепого бандуриста,
на простые птичьи голоса
в гуще бора или в поле чистом,
на веселый у реки лужок,
на тропинку в чаще нелюдимой,
на ленивый, дремлющий Рожок,
что петляет по земле родимой.
Как туда он рвется!*

*А пока
с хоров вальс гремит, потом мазурка.
И на плечи давит как тоска
Серая громада Петербурга.*

Противопоставление Петербурга и Красного Рога находим и у других авторов, например, у А. Якушенко в стихотворении «Вечер»:

*... Что Петербург?
Там тягостно и душно.
А тут вишневый кипенный
 разлив,
А тут звенят лягушки
 в каждой луже,
И на Рожке купавы зацвели...*

Все, что громко, ярко, броско – противоречит, в представлении наших поэтов, личности А.К. Толстого. В стихотворении «У поэта» Л.Ашеко противопоставляет шумную атмосферу народного гулянья на празднике поэзии в Красном Роге уже в наши дни тихому настрою лирики А.К. Толстого, его предполагаемому самочувствию:

«Эта шумная, словно ярмарка, // Суматоха на целый день, // Площадная, лихая, базарная, // Свет поэзии гонит в тень...» Автор утверждает: *«Нет, такое поэту не снилось, // Это вряд ли по сердцу ему. // Он любил этот сад и аллеи, // И тропу в одиноком пути. // Тишина разливалась елеем, // Чтоб поэзии жить и цвести».*

Нетакпишется Ф.И. Тютчеве. В стихотворениях Л. Ашеко, посвященных Ф.М. Тютчеву, яркая, сверкающая

палитра красок, беспокойная картина бытия: *«заблещет красота», «ярко озарявшая поэта»; «он знал моря и берега страстей...»* («В усадьбе Тютчева»); *«и засиял звездой в ночи поэт»* («Звезда Тютчева»). В этом же стихотворении дважды употребляется слово «гений». Стихотворение «Живая поэзия» так и начинается: *«К нам Тютчева взывает гений»*. Это слово и в другой строчке: *«... с какой заботой гений // Пел об Отечестве своем»*... Об А.К. Толстом – по-другому.

На поэтический праздник собратьев по перу влечет атмосфера толстовского уединения: *«Так и хочется, просто и складно, // Рассказать о волненье души // И в усадьбе по залам прохладным // Побродить одиноко в тиши. // В мир взглядеться задумчивым взглядом...»* (Л. Ашеко. «Дорога к Толстому»). А вот – у Л. Мирошина в стихотворении «Под сень его деревьев»: *«Мы каждый год задумчиво-тихи, // Съезжаемся под сень его деревьев // И трепетно, с приятельским доверьем // Ему читаем новые стихи»*.

Другие авторы также избегают «громких» слов по отношению к А.К. Толстому. Все говорит о том, что стихотворения – результат вдумчивого, глубоко осмысленного отношения к личности великого писателя, его человеческой сущности. Наверное, в жизни А.К. Толстого сегодняшний человек видит идеал гармонических отношений человека с миром и собой. Тишина, равновесие, гармония – это то, что в сегодняшнем мире стало дефицитным и привлекает нас в образе А.К. Толстого.

Задушевность, искренность, отсутствие

артистического налета в поэтических строках А.К. Толстого приближают его к читателю. Многие поэты представляют А.К. Толстого своим собеседником и едут в Красный Рог как будто поговорить с писателем, поделиться с ним своими мыслями, переживаниями. Представление о духовности, высокой нравственности личности А.К. Толстого, сложившееся у читателей, вызывает желание обратиться к нему как духовному наставнику.

«А я поеду в Красный Рог. // Там, на церковный встав порог, // Я попрошу прощения, // Добра и вдохновения». (Л. Ашеко. Я снова еду в Красный Рог).

«Алексей Константинович, // сановный духовник, // Отпустите мне, // блудному сыну, // грехи». (А. Дрожжин. День поэзии у А.К. Толстого).

С поразительным постоянством у брянских авторов возникает поэтическая иллюзия, что А.К. Толстой где-то возле нас, живой, слышит нас и видит, и хочется с ним говорить.

«Я под Почепом брел налегке, // В Красном Роге... // И всюду я чуял – // Граф Толстой где-то здесь – // в ивняке, // С записною он // книжкой кочует» (А. Буряченко. ...Но тайна твои покрывала черты).

«Снова – Красный Рог, аллеи парка, // Прядки желтизны в прическах крон... // Снова встанет солнечная арка, // Из которой снова выйдет Он» (Л. Ашеко. Снова – Красный Рог, аллеи парка...)

«Там, где липы выстроились гуще, // Где играет ветер верховой, // Станет он в тени, и будет слушать // Голоса поэзии живой» (Л. Ашеко. Снова – Красный Рог,

аллеи парка...)

*«Уже осенних трав настой // Дурманит,
опьяняет... // И кажется, что граф Толстой // Среди
дерев гуляет...» (Л. Ашеко. В имении А.К. Толстого).*

*«Шаг за шагом приближусь к чудесному – //
Дню поэзии плодотворному, // Как и все, попрошу я
воскреснуть Вас, // Поучить нас труду упорному» (Ж.
Зарубина. А.К. Толстому).*

Есть в брянской поэзии не случайный эксперимент. Юрий Сальников дерзнул написать стихотворение «Письмо от А.К. Толстого». Это попытка передать вдохновенное самочувствие Алексея Константиновича в Красном Роге собственно Толстовским словом. Открытость, демократизм Толстого-человека, близость его мыслей и задушевного чувства каждому человеку делают возможным такой эксперимент, позволяют представить поэта, обращающегося к нам:

...Будь вечно молод, Красный Рог!

Земная ось моя, глубинка –

Ведет здесь каждая тропинка

Природы в царственный чертог.

Цветов божественный настой!

И в новом двадцать первом веке

Я – в каждом русском человеке –

Поэт, навеки ваш – Толстой.

Очень естественно звучит разговорная форма обращения к поэту во многих стихотворениях – Алексей Константинович. Он свой, близкий, не официальный собеседник. *«Нас на праздник к себе позовёт // Алексей*

Константиныч Толстой» (В. Сорочкин. Красный Рог).
*«Поразбрызгало нас, // Алексей Константиныч, // наши
великий земляк, // человек наш родной»* (А. Дрожжин.
Дни поэзии у А.К. Толстого). *«Реет в строгости и
величии // Алексей Константиныч Толстой»* (Л. Ашеко.
У поэта).

И, наконец, каждому понятна народность поэта,
которая выражалась в отношении А.К. Толстого к
народной речи, к устному творчеству народа и в
особенном душевном настрое, которое выдавало в нем
русского человека с русской душой:

И чувствуешь: есть у народа –

Надежна, щедра, хороша –

России живая природа,

России живая душа. (В. Селезнев. В Красном Рогу).

Красный Рог – место всенародного поклонения
А.К. Толстому. *«С больших дорог, тропинок узких // Река
людская в этот день, // Из городов старинных русских,
// Из русских сел и деревень»* стекается в Красный Рог
(И. Касацкий. В день памяти А.К. Толстого). И там же:
*«Сюда, поэту поклониться, // Сошлись, слетелись все,
кто мог. // Литературная с т о л и ц а // Для нас сегодня
– Красный Рог».*

Г. Метельский в стихотворении «У могилы А.К.
Толстого» пишет: *«И вновь свеча горит, что испокон //
над ним народ вся Русь затеплил».*

В Сорочкин: *«Нужно вслушаться, чтобы поэта
понять – // Весь размах этой русской души»* («Снова,
снова история наша темна...»).

Лирика А.К. Толстого общечеловечна, но она

отразила в себе наши национальные нравственные ценности, всегда хранимые русским народом. Поэтому и понятен А.К. Толстой прежде всего русскому человеку, тому, кто еще не оторвался от национальных нравственно-духовных корней. *«Его постиг народ. Он сам – народ // По языку, по мысли и по духу»* (Л. Ашеко. А.К. Толстому).

Абсолютное единодушие проявляют наши авторы, характеризуя поэзию А.К. Толстого. Их оценки вполне приложимы к народной лирической песне – искренней, задушевной, просветленной чистотой переживания, проникновенной и окрашенной светлой грустью, наполненной внутренней силой.

Сделаем выписки:

«...И звонко лился голос родниковый...» (Г. Метельский. У могилы А.К. Толстого).

«Писал поэт свои слова святые...» (А. Якушенко. Вечер).

«...Нежное слово поэта...» (Л. Ашеко. А.К. Толстому).

Поэт жив *«...в нежном звуке знакомых стихов // С тем сердечным лирическим светом...»* (А. Буряченко. ... Но тайна твои покрывала черты).

«...Ясные строки Толстого...» (В. Сорочкин. Песня о книгах).

«Стихов магической силой, сюда читателей собрав...» (И. Касацкий).

«И земля ему силы дала // И целебный распев русской песни» (А. Буряченко).

«...Понял я: его стихи врачуют // И бичуют гневно

и остро» (Л. Мирошин).

«Ваш вольный стих // влечет как океан, // И полон силы тайной, // как цунами» (М. Шумейко).

«...Стих сочиняет сердцем и душой...» (В. Пасин).

«... И обожгут слова, из сердца прорастая» (С. Кузькин).

«...Гордимся каждой доброю строкой» (Л. Мирошин).

И конечно – о пророческом даре А.К. Толстого:

«Да поможет в пророческих строчках Толстой

Нам себя сохранить и спасти!...» (В. Сорочкин.
Снова, снова история наша темна...)

То, что несет свет, добро, духовность, прозрение, врачует и помогает спасти себя и мир – это наше, русское слово, которым так прекрасно владел А.К. Толстой. Наш долг – сохранить эту поэтическую традицию. Отрадно замечать, что в брянской поэзии традиции А.К. Толстого просматриваются и в мироощущении авторов, и в использовании ресурсов родного языка.

Хочется среди других выделить поэзию Ю.И. Кравцова, одного из наших лауреатов премии имени А.К. Толстого «Серебряная лира».

Органичная связь поэзии Ю. Кравцова с толстовской лирикой выражается в умении передать глубокое равнодушие ко всему, что происходит вокруг и внутри нас ясным, естественно звучащим словом; это слышимая песенность многих стихотворений; конечно, искренность, которая передается читателю именно безыскусственностью поэтической строки,

умением сказать о главном, общем и при этом избежать риторики; способы «заземления» обобщенного образа... В самом поэтическом самочувствии лирического героя Ю. Кравцова слышится толстовская душевная привязанность ко всему, что есть добро, к родине, нашей природе... Это внутренний накал чувств и при этом отсутствие агрессивного начала, культура выражения чувства. Вот, например, стихотворение, в котором слышится поэтический голос А.К. Толстого:

*Клокочет небо птицами,
Куда ни кинешь взгляд,
Повсюду вереницами
Они домой летят.
Счастливые, усталые,
Летят с чужих морей,
И вдаль несутся талые
Снега тоски моей. («Клокочет небо птицами»).*

Образ Алексея Константиновича Толстого в брянской поэзии далеко не исчерпан. Есть темы, которых наши авторы касаются редко.

Например, тема «А.К. Толстой и С.А. Миллер». Казалось бы, очень богатый материал! Но известно, что отношения А.К. Толстого и Софьи Андреевны окружены тайной. В интерпретации этих отношений до сих пор расходятся литературоведы. Сам А.К. Толстой не хотел, чтобы его личная жизнь обсуждалась публично. Может быть, поэтому современные авторы если и касаются заповедной темы, то очень осторожно. Например, А. Остроухов в стихотворении «К Алексею Константиновичу

Толстому», передавая чувство А. К. Толстого к Софье Андреевне, активно использует языковые образы самого поэта из стихотворения «Средь шумного бала...» Они составляют канву произведения: *«Однажды, средь шумного бала, // Она пред тобою предстала // И сразу же близкою стала, // Хоть тайна слегка покрывала // Ее неземные черты...»*

Изредка в стихотворениях брянских авторов упоминается Козьма Прутков. *«Пусть смеётся бессмертный Прутков // Рядом с нами, теряясь в толпе»* (В. Сорочкин); *«Он был от времени, он был от мира. // Об этом нам сегодня говорят // Его нетленный юмор и сатира»* (Л. Ашеко); *«На полках много книжечек новых, // Их прочитать – соблазн велик. // Но «гениальный» лик Пруткова // Встречается частенько в них»* (Н. Шестакова). По-видимому, образ вымышленного писателя еще долго будет о себе напоминать, потому что само явление не изжито. Паразитируя на отсутствии литературного вкуса у читателей, Прутковы будут иметь популярность, и читаться, и распространяться, продаваться и покупаться. Тем более, что в сочинениях «бессмертного Пруткова» есть по-настоящему интересные, остроумные, афористичные строки, врезающиеся надолго в память.

И все же среди посвящений А.К. Толстому преобладает лирика, пронизанная прежде всего благоговейным отношением к нашему прославленному земляку. Народность, гуманность, любовь к русскому слову и Родине А.К. Толстого, по справедливому убеждению брянских поэтов, определили незабвенную

память о писателе, долгую жизнь его творений.

*Он в грудь кулаками не бил
И в верности вечной не клялся.
Он просто Россию любил
И в Памяти Вечной остался. (М. Юницкая)*

*Он – сын Земли,
 он часть души России –
Поэт ее великий – граф Толстой. (Л. Ашеко. А.К.
Толстому)*

Безусловно, за пределами нашего обзора осталось много стихотворений, посвященных любимому земляку. Пока версталась статья, появились новые произведения. Празднование 200-летия со дня рождения А.К. Толстого – хороший повод к тому, чтобы вновь возвратиться мыслями к его творениям и жизни. В статье обозначены лишь тенденции, которые убеждают: времена меняются, литературные приоритеты тоже, но творения А.К. Толстого остаются для нас высокими образцами художественного слова, а личность писателя – нетленным примером служения Родине и высокой духовности.

*Колышет Красный Рог листвою,
И в день сентябрьский снова
Нас всех объединил Толстой
Великим даром слова.
Во все века, во все года*

*И – до скончания мира
Да не умолкнет никогда
Серебряная Лира. (В. Сорочкин)*

Брянские писатели вносят свою лепту в это благородное дело.

А.К. ТОЛСТОЙ И ТЕАТР

(Задачи изучения)

Среди многих проблем, касающихся жизни и творчества Алексея Константиновича Толстого, недостаточно исследованной в современном литературоведении и театроведении остается тема «А.К. Толстой и театр». Задачи ее изучения обозначил еще Г.И. Стафеев в 1969 году [Стафеев Г.И., 1969], он составил библиографический список литературы, в котором представлены около двух десятков работ общего характера о драматургии А.К. Толстого и отдельные списки – к изучению сценической биографии его исторической трилогии «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис». Количественное соотношение списков убеждает, что внимание искусствоведов и литературоведов в конце 60-х годов 20 века сосредоточено прежде всего на драматургической трилогии писателя. Сегодня это соотношение мало изменилось. Вновь появляющиеся работы, в которых определяется роль писателя в развитии русского театра, прежде всего посвящены литературному анализу названных трех пьес и их неувядаемой сценической жизни. В соответствующей статье «Театральной энциклопедии» также справедливо отмечается трилогия А.К. Толстого как «одно из выдающихся явлений драматургии 1860-х гг.», вскользь

упоминаются «Посадник» и «Дон Жуан» [Театральная энциклопедия, т. 5, 1967, с. 222-223]. Тем не менее, факты творческой биографии А.К. Толстого, материалы по истории русского театра убеждают, что роль писателя в развитии реалистического театра в России не ограничивается литературными достоинствами и театральными постановками трех его произведений. Есть много свидетельств внимания к другим сочинениям А.К. Толстого режиссеров и актеров столичных и провинциальных театров в 19, 20 и 21 веках. В данной работе представлена попытка обозначить направления, на которые, думается, нужно нацелить коллективные исследовательские усилия, чтобы представление о вкладе А.К. Толстого в театральную жизнь России было наиболее полной картиной.

Во-первых, необходимо собрать подробные сведения о сценической судьбе других произведений А.К. Толстого на протяжении 19 века, и прежде всего, конечно, «Князя Серебряного», поставленного в театре при жизни писателя. Думается, история постановок романа А.К. Толстого – важная черта в общей картине становления русского реалистического театра во второй половине 19 века. Что нам известно о театральных постановках «Князя Серебряного»? Напомним скудные данные, приведенные в «Примечаниях» ко второму тому собрания сочинений А.К. Толстого за 1969 год. Количество попыток инсценировать роман со времени его опубликования поразительно.

В 1863 году инсценировку сделала Г.Т. Ниманд (К.В. Новосильцева). В 1966 году – С. Добров (С.Е.

Попов). В 1873 году К.С. Баранцевич написал белым стихом сценарий под названием «Опричнина». В 1897 году роман инсценировал Н.И. Собольщикова-Самарин. Одни из этих инсценировок были запрещены, (например, Н.И. Собольщикова-Самарина), другие – разрешены только для императорских театров; некоторые разрешены с изъятием отдельных мест. Не все из разрешенных появились на сцене. Предположительно лишь одна (Баранцевича) была напечатана, тексты остальных (кроме инсценировки Г.Т. Ниманд, сведения о которой находятся в цензурных делах – Центр. гос. исторический архив СССР. Драматическая цензура. Рапорты за 1863 г., лл. 68 – 70) сохранились в Театральной библиотеке в Петербурге.

При жизни писателя была создана опера композитора-дилетанта Ф.Б. Граверта на сюжет «Князь Серебряного». Затем оперу «Князь Серебряный» написал М.И. Марков (1884), Г.А. Казаченко (1888), а в 20 веке – П.Н. Триодин [См.: Толстой А.К. Собр. соч. в 4-х тт., т. 2, 1969, с. 521].

Никто из исследователей не изучал тексты сценических интерпретаций романа А.К. Толстого, сделанные в 19 веке. Нет подробных сведений об их авторах. Что привлекало их: любовная интрига, яркость характеров или народная мысль произведения? Какие сцены запрещались цензурой? Нет точных сведений о том, кто исполнял роли в поставленных спектаклях и т.д. Разрозненные в критической литературе сведения об этом лишь умножают количество вопросов.

В популярной книге Д.А. Жукова есть беглое

замечание о первых постановках произведения (речь идет о выборе актера на роль царя Иоанна в пьесе «Смерть Иоанна Грозного» в 1867 году): «Самойлову-то и предстояло играть Ивана Грозного. Он уже играл такую же роль в инсценировке «Князь Серебряный», которая была сделана неким С. Добровым и шла в Александринке. Толстому не понравился спектакль, а Самойлов, как он считал, должен играть роль Годунова» [Жуков Д., 1982, с.326]. Нужную информацию находим в письмах писателя.

Три письма А.К. Толстого дают представление о реакции А.К. Толстого на первую постановку «Князь Серебряный» в Александринском театре 11 ноября 1866 года (по инсценировке С. Доброва). В письме актеру В.В. Самойлову, который играл в этой инсценировке Иоанна Грозного, от 12 ноября 1866 года А.К. Толстой пишет: «На вчерашнее представление скажу Вам, что наружность Ваша была безукоризненна, но про игру Вашу судить не могу потому, что Вы вчера вовсе не играли; да, впрочем, и пьеса не стоила игры» [Толстой А.К., соб соч. в 4-х тт., т.4, 1964, с. 188-189]. Однозначно высказывается А.К. Толстой о пьесе С. Доброва в письме редактору «С.-Петербургских новостей», написанному между 12 и 18 ноября 1866 года: «Милостивый государь!

На сцене Александринского театра появилась на днях пьеса под заглавием: «Князь Серебряный», с примечанием, что она взята из моей повести того же названия.

Вопросы, делаемые мне со всех сторон по этому поводу, побуждают меня заявить, что я непричастен

к сочинению этой пьесы. Не входя в суждение о ее достоинстве, но не желая присвоивать себе чужого добра, я считаю долгом сказать, что я никогда не видал ее в рукописи, об имени ее автора узнал только из театральной афиши, а в содержании ее не нашел ничего общего с моим романом, кроме имен действующих лиц» [Толстой А.К. Соб. соч. в 4-х тт., т.4, 1964, с. 189].

Письмо А.К. Толстого было опубликовано в «С.-Петербургских ведомостях» 19 ноября 1866 года. Отметим: писатель ничего не сказал о том, как принимала пьесу публика, а ведь это очень интересно. Практика не раз показала, что отношение к спектаклю автора произведения, его постановщиков и зрителей не всегда совпадают. Возможно, в инсценировке были достоинства. Пьеса шла повторно в театре 14, 22, 24, 29 ноября и 1, 14, 28 декабря 1866 года, а также 4 января 1867 года – всего девять раз [История русского драматического театра, т. 5, 1980, с.462]. Интерес к пьесе не угасал, иначе как объяснить тот факт, что 23 мая 1869 года в Малом театре не кто-нибудь, а сам режиссер С. Черневский выбирает в свой бенефис пьесу «Князь Серебряный», инсценировку, сделанную С. Добровым (С.Е. Поповым) [Малый театр, т.1, 1978, с. 632]. Бенефис – спектакль особенный. В театр приходят, как правило, не случайные зрители, это праздник одного актера или режиссера, и выбор пьесы для этого случая очень важен. В Малом театре спектакль шел повторно 27 и 30 мая, 3 июня – всего четыре раза [История русского драматического театра, т.5, 1980, с. 462].

Реально предположить, что пьеса «Князь

Серебряный» ставилась и в провинциальных театрах.

Рассказ А.П. Чехова «Актерская гибель» – факт исключительно примечательный. В данном произведении речь идет о смерти провинциального актера. В одном из эпизодов к нему обращаются: «Выздоровливай, да завтра тебе нужно в «Князе Серебряном» Митьку играть. Больше ведь некому» [Чехов А.П., соб соч. в 30 тт., т. 4, 1976, с.346]. Рассказ был опубликован впервые в «Петербургской газете» в 1886 году. Обратим внимание: со дня первой постановки «Князя Серебряного» в Александринском театре прошло 20 лет! Какие воспоминания и от каких сценических версий романа были у А.П. Чехова? Известно, что первые театральные впечатления писатель получил в начале 1870-х годов в Таганроге. Не там ли он видел пьесу? Среди городов, в которых приходилось выступать герою его рассказа актеру Щипцову есть и этот город (названы Ростов-на-Дону, Херсон, Вязьма и – Таганрог). Не значит ли это, что пьеса была, как говорится, «на слуху»? В тексте писателя нет пояснений, стало быть, он рассчитывал на память читателей?

То, что «Князь Серебряный» был в репертуаре провинциальных театров, подтверждают факты творческой биографии известного русского актера М.Ф. Яковлева, представленные в «Истории русского драматического театра». Здесь отмечается удачное исполнение М.Ф. Яковлевым роли Грозного предположительно в Саратове [История русского драматического театра, т.5, 1980, с. 348].

Восстановить театральную судьбу романа А.К.

Толстого очень важно, потому что она имеет прямое отношение к процессу формирования репертуара русского реалистического театра, новой школы актерской игры в России в исключительно сложный период существования театра – в 60-е годы 19 века. Театральный критик тех лет А.Н. Баженов писал о позитивных процессах в русском театре этого времени: «Школа актеров-рутинеров... готова отойти с миром в вечность... На смену ей явилась школа актеров-воспроизводителей, толкователей истинной жизни, блюстителей на сцене жизненной простоты и правды» [История русского драматического театра, т.5, 1980, с.29]. Драматургия А.К. Толстого, представленная на сцене при жизни писателя «Смертью Иоанна Грозного» и «Князем Серебряным», отвечала принципам новой актерской школы, которые разрабатывал М.С. Щепкин. Это понимали или чувствовали сами актеры. А.П. Ленский писал в своих воспоминаниях, что драматургия А.К. Толстого требовала «филиграновой работы актеров» [Ленский А.П., 1950, с.159], к чему не каждый был подготовлен своим творческим опытом. Показательна в этом смысле сценическая эволюция актера М.Ф. Яковлева. Каждый сезон в любом городе он играл главных героев в трагедиях Шекспира, его ждали, о нем были наслышаны. По воспоминаниям актера В.Н. Давыдова, игра М.Ф. Яковлева неизменно разочаровывала, потому что традиционный «классицизм» в его исполнении лишал роль жизни: он декламировал, утрированно жестикулировал, впадал в наигранную испуганность и т.п. Однако в 70-е годы, как отмечают критики, он

нередко решался оставить свой обычный классицизм и умел быть «вполне живым и типичным в таких ролях, как Тяпкин-Ляпкин в «Ревизоре», Князев в «Расточителе», дядюшка в «Гувернере» и даже Грозный в «Князе Серебряном», где во внешнем рисунке дал верную и удачную копию известных портретов и смог избежать однообразной исступленности» [История русского драматического театра, т.5, 1980, с. 348]. Кто еще из актеров исполнял роли в «Князе Серебряном» в С.-Петербурге, в московском Малом театре, в провинции? Были ли удачные сценические версии романа? Как оценивала их театральная критика того времени? – Здесь одни вопросы.

Сценические судьбы драматургической трилогии А.К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис», «Князя Серебряного», «Дон Жуана», «Посадника» – это, думается, важные страницы истории русского театра. Зная литературные достоинства этих произведений, мы можем по театральным их успехам и неудачам судить об уровне развития русского реалистического театра, о его готовности к воплощению серьезной, психологически наполненной пьесы. Обращение к творчеству А.К. Толстого высвечивало проблемы и тенденции в развитии русского театра, где неуспех означал проблемы режиссуры, актерской подготовки, репертуара, а успех свидетельствовал о постепенном преображении театра, в котором уже ведущие позиции занимала драматургия А.Н. Островского, а эстетическая система М.С. Щепкина уже стала первой серьезной школой воспитания актеров.

В этом процессе важна каждая страница, а драматургия А.К. Толстого – одна из заметнейших в нем.

Знаменитый русский актер А.П. Ленский вспоминает удивительный факт из жизни провинциального театра в Нижнем Новгороде. Он пишет о том, что в практике актеров не было привычки учить текст роли, во время игры полностью полагались на суфлера. «Роли учились плохо, так как редкая пьеса выдерживала три представления; одна только «Смерть Иоанна Грозного» А. Толстого выдержала около десяти раз: это небывалый случай в провинции» [Ленский А.П., 1950, стр.67]. Почему держалась пьеса при искажении текста А.К. Толстого и плохой актерской игре? Почему ставился «Князь Серебряный» при том, что сам А.К. Толстой отнесся критически к первой постановке? Каждое новое знание в этих вопросах приближает нас к осмыслению вклада А.К. Толстого в становление реализма на русской сцене во второй половине 19 века.

Важное значение в этом смысле имеет, думается, исследование темы «А.К. Толстой и М.С. Щепкин». Известно, что А.К. Толстой общался с актерами, участвовал в организации театральных постановок. Писатель сочувственно относился к творческим поискам великого русского актера, высоко ценил его талант. Общеизвестна оценка таланта М.С. Щепкина в статье «Проект постановки на сцену трагедии «Царь Федор Иоаннович»: «Вспомним покойного Щепкина, который, никогда не спускаясь до уровня толпы, тем самым заставлял толпу подниматься до его высоты» [Толстой А.К., соб. соч. в 4-х тт., т 3, 1969, с.534]. Известен факт,

когда А.К. Толстой хотел оказать действенную помощь М.С. Щепкину в его последнюю поездку на Юг в 1863 году. А.К. Толстой хотел устроить в Ялте встречу М.С. Щепкина с императрицей, чтобы актер мог рассказать ей о проблемах русского театра. М.С. Щепкин ехал не только по предписанию врачей, которому мало верил, еще меньше ради гастролей и заработка – он надеялся на обещанную ему А.К. Толстым аудиенцию в Ливадии у молодой императрицы, которую предполагал убедить в необходимости реформ в театральном мире, и, в частности, надеялся особо обратить ее внимание на выпускниц театральной школы. Об этом вспоминает любимая ученица М.С. Щепкина А.И. Шуберт: «В это время был в Москве граф Толстой Алексей Константинович и уговаривал ехать в Ялту, обещал устроить ему свидание с императрицей М(арией) А(лександровной), болеющей сердцем о московском театре... Разумеется, все осталось в мечтах, до Ливадии его не допустили, так ему, голубчику, и не удалась его благородная миссия, и он одиноко скончался в Ялте на руках своего лакея» [Записки актера Щепкина, 1988, с. 15].

Исследование взаимоотношений А.К. Толстого и М.С. Щепкина, думается, существенно дополнило бы наше представление о том, как формировалась театральная эстетика писателя, позволило бы проникнуть в некоторые тайны творческой лаборатории писателя. В каких ролях видел М.С. Щепкина А.К. Толстой? Каждый драматург знает, что многие художественные решения в драматургическом произведении, и не только в

драматургическом, бывают «подсказаны» театральными впечатлениями.

Как в семье Щепкиных относились к А.К. Толстому?

Все-таки интересно, почему С. Черневский, режиссер Малого театра, поставил в своем театре «Князя Серебряного» в 1869 году. При жизни М.С. Щепкина он выполнял роль помощника режиссера, участвовал в репетициях и был свидетелем творческой «кухни» М.С. Щепкина. Будучи мужем внучки Михаила Семеновича, актрисы Александры Щепкиной, он был близко знаком с закулисной жизнью семьи Щепкиных, единомышленником великого актера в театральной жизни. С. Черневский серьезно относился к репертуару, оставил о себе память как о талантливом режиссере, бесконечно преданном Малому театру [Малый театр, т.1, 1978, с.154]. Его обращение к сценической версии повести А.К. Толстого вряд ли было спекулятивным выбором.

Тема «А.К. Толстой и М.С. Щепкин» ждет своего исследователя.

Сегодня необходимо исправить неточности и устранить разночтения в литературных источниках о театральной судьбе сочинений А.К. Толстого. Вот примеры.

Есть разноречивые сведения о репертуаре театра М. Лентовского «Скоморох» (1885 – 1897гг.). В Театральной энциклопедии (статья «Лентовский Михаил Валентинович») находим: «В репертуар этого театра входили пьесы А.Н Островского, А. Писемского,

Л.Н. Толстого» [Театральная энциклопедия, т.3, 1964, с.491]. В сети Интернет, в статье К. Морозовой «Михаил Лентовский и его проекты», читаем: «В репертуаре «Скомороха» были пьесы Островского, Писемского, А.К. Толстого, и шли они стройно, в хорошем исполнении и приличном оформлении». Пьесы какого Толстого стояли в одном ряду с пьесами Островского и Писемского? Определить это принципиально важно, если делать вывод о роли А.К. Толстого в развитии русского, народного, реалистического театра.

Даже в такое авторитетное издание, как «Малый театр» (Малый театр, том 1, 1978), вкралась ошибка. В разделе «Указатель пьес» находим нужную информацию: «Князь Серебряный, или Отчизна и любовь» – страницы 559, 632» [Малый театр, 1978, с. 764]. Ищем указанные страницы в разделе «Репертуар Малого театра». На странице 559, действительно, имеется сообщение о постановке указанной драмы в 4 д. в стихах Н.И. Филимонова, заимствованной из повести Марлинского (А.А. Бестужева) «Наезды», а вот на странице 632 – о постановке в бенефис С. Черневского «Князя Серебряного» А.К. Толстого по сценарию С. Доброва, которая вообще не отмечена в «Указателе пьес».

По-разному указывается дата первой постановки «Князя Серебряного». В примечаниях к четвертому тому полного собрания сочинений А.П.Чехова отмечается, что впервые постановка осуществлена в Малом театре в сезон 1868/69 г. [Чехов А.П., соб. соч. в 30 тт., т.4, 1976, с. 517]. То же – и в сети Интернет. Однако цитируемые выше письма А.К. Толстого доказывают, что впервые

спектакль был поставлен в Александринском театре гораздо раньше.

Есть в литературных источниках разноречивые указания на то, как современники оценивали драматургию А.К. Толстого. Например, А. Альтшуллер, автор статьи «Достоевский и русский театр его времени», определяя театральную позицию Ф.М. Достоевского времени выхода в свет журналов «Время» и «Эпоха» (1861 – 1865 гг.), называет пьесы и их авторов, которые были отмечены вниманием писателя. В связи с этим пишет: «Достоевский любил «театральность», «эффектность», неожиданные повороты действия и запоминающиеся концовки актов. Ему очень нравились «Смерть Иоанна Грозного», «Князь Серебряный» и другие произведения А.К. Толстого [Альтшуллер А., 1983, с. 58]. Из данного контекста неясно, что все же нравилось Ф.М. Достоевскому: произведения А.К. Толстого или их сценические версии? Если произведения, то о какой «концовке акта» можно говорить относительно романа «Князь Серебряный»? Что же касается пьесы «Смерть Иоанна Грозного», то отзывы о ней Ф.М. Достоевского не известны. Сделаем выписку из «Примечаний» к тексту воспоминаний А.Г. Достоевской (составители С.В. Белов и В.А. Туниманов): «Высказываний самого Достоевского о драме А.К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» не сохранилось. Известно лишь, как пишет об этом Анна Григорьевна в конце своих мемуаров ..., что Достоевский собирался в начале февраля 1881 г. сыграть роль схимника в «Смерти Иоанна Грозного» в домашнем спектакле у С.А. Толстой» [Достоевская А.Г.,

1987, с .444]. А вот роман «Князь Серебряный» Ф.М. Достоевский ценил очень высоко, как и поэзию А.К. Толстого. Но высказывался ли он о «театральности» романа? Тем более, что в указанное автором статьи время ни «Смерть Иоанна Грозного», ни «Князь Серебряный» в театре поставлены не были.

Нужно тщательно сверить все данные о постановках произведений А.К. Толстого, чтобы предотвратить тиражирование ошибок.

Наконец, нужно изучить театральную жизнь всех сочинений А.К. Толстого в 20 и 21 веках («Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис», «Князь Серебряный», «Посадник», «Дон Жуан», «Упырь» и, возможно, другие). Нужно собрать воедино сведения о постановках в столичных и провинциальных театрах, за рубежом. Оценка спектаклей позволит сделать вывод о литературных достоинствах произведений А.К. Толстого, его способности как драматурга «не снижаться до уровня толпы», а «поднимать зрителя до себя». Интересно оценить потенциальные возможности пьес А.К. Толстого с точки зрения технического оснащения современного театра, школы современной актерской игры и т.д. Вопрос о театральной жизнеспособности произведений А.К. Толстого на сегодняшний день в полном объеме не раскрыт. В практике постановок известное лидерство занимает московский Малый театр, но мы знаем не обо всех спектаклях на сценах других театров России.

И, конечно, отдельного внимания заслуживают постановки в Брянском драматическом театре им. А.К.

Толстого – на родине А.К. Толстого. На протяжении многих лет театр обращается к сочинениям писателя–земляка. Здесь есть интереснейшие художественные решения и особенное отношение брянского зрителя к спектаклям. Очень важно, чтобы богатейший опыт в этом плане нашего театра не был забыт, не канул бы в вечность без изучения плодотворных наработок. Важный вопрос: способен ли сегодня наш брянский театр стать ведущей сценической площадкой в реализации театральных замыслов писателя?..

Вопросов много. Сегодня тема «А.К. Толстой и театр» представляет айсберг в огромном море жизни отечественного театра, и на поверхности – лишь меньшая его часть. Поднять этот «айсберг» можно лишь коллективными усилиями. Для этого нужны заинтересованность и любовь к А.К. Толстому.

Список использованной литературы

1. Александр Павлович Ленский. Статьи. Письма. Записки. – М.: Искусство, 1950
2. Альтшуллер А. Достоевский и русский театр его времени // Достоевский и театр. – Л.: Искусство, 1983
3. Достоевская А.Г. Воспоминания. – М.: Правда, 1987
4. Жуков Д. Алексей Константинович Толстой. – М.: Молодая гвардия, 1982
5. Записки актера Щепкина. – М.: Искусство, 1988
6. История русского драматического театра. Том 5. 1862 – 1881. – М.: Искусство, 1980
7. Малый театр. 1824 – 1917. Том 1. – М.: Всероссийское театральное общество, 1978

8. Морозова К. Михаил Лентовский и его проекты.
– <http://gly.ru/?t:d=47>
9. О первой постановке «Князя Серебряного». –
<http://www.wallxt.kiev.ua/read.php?id=497@page=104>
10. Стафеев Г.И. А.К. Толстой. Библиографический
указатель. – Брянск, 1869
11. Театральная энциклопедия. Том 3. – М., 1964
12. Толстой Алексей Константинович // Театральная
энциклопедия, т. 5. – М., 1967
13. Толстой А.К. Соб. соч. в 4-х тт., т. 2. Примечания.
– М.: Правда, 1969
14. Толстой А.К. Проект постановки на сцену
трагедии «Царь Федор Иоаннович» // А.К. Толстой.
Собрание сочинений в четырех томах, т. 3. – М., 1969
15. Толстой А.К. Письма // Соб. соч. в 4-х тт., т. 4. –
М., 1964
16. Чехов А.П. Актерская гибель // Соб. соч. в 30-ти
тт., т. 4. – М., 1976

Доклад прочитан на Юбилейной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения А.К. Толстого в Областном краеведческом музее.

Опубликовано: Л. Семенищенкова. А.К. Толстой и театр. (Задачи изучения). – В сб.: «А.К. Толстой и русская литература». – Материалы межгосударственной научно-практической конференции, посвященной 190-летию со дня рождения А.К. Толстого. – Брянск: изд-во Клинцовской городской типографии, 2008.

Семенищенкова Л.Л., Семенищенков Ю.А.

**ЛИРИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ А.К. ТОЛСТОГО
В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ФИЛОЛОГОВ И
НАТУРАЛИСТОВ**

Пейзажная лирика А.К. Толстого – одна из самых замечательных страниц в книге классической отечественной литературы. Образцы высокохудожественной поэзии – стихотворения «Дождя отшумевшего капли...», «Вот уж снег последний в поле тает...», «Край ты мой, родимый край...», «Острою секирой ранена береза...», «Звонче жаворонка пенье...», «Когда природа вся трепещет и сияет...», «Дробится, и плещет, и брызжет волна...» и другие. В образах природы воплотилась глубокая и постоянная любовь поэта к Родине, человеку, жизни. Среди поэтических сочинений А.К. Толстого особое место занимает отрывок из стихотворения «Колокольчики мои...», ставшее «хрестоматийным» в чтении школьников [Здесь и далее стихотворение цитируется по книге: А.К. Толстой, 1969, с.54 – 56]:

*Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем звоните вы
В день веселый мая,*

*Средь некошенной травы
Головой качая?*

В целом это стихотворение–размышление о судьбе славянских народов; в нем выражена мысль А.К. Толстого о России, призванной осуществить высокую миссию объединения славян. Воображение уносит лирического героя в прошлое и будущее, а колокольчики – это картина из настоящего, «сегодняшней» для поэта России. От нее начинается свой «разбег» его мысль, ею и завершается стихотворение. Его лирическое обрамление отличается искренностью, незамысловатостью выражения и одновременно силой заключенного в поэтических строках чувства. Не удивительно, что «Колокольчики мои...» были положены на музыку, и романсы, написанные П.П. Булаховым и В.И. Ребиковым, дали литературному образу вторую жизнь. Многими читателями отрывок из стихотворения воспринимается как самостоятельное произведение, как стихотворение-пейзаж, в котором отразилась любовь поэта к родной земле, ее неброской, но неповторимой красоте. Филологи интерпретируют строчки о колокольчиках в тексте стихотворения прежде всего как эмоциональное самовыражение поэта. Например, Г.И. Стафеев, брянский литературовед, дает им такую характеристику: «Начинается и кончается стихотворение почти одним и тем же восьмистишием, в котором смешаны радость и грусть, поэтический восторг перед красотой природы и тихое раздумье. Эти противоположные чувства сменяют друг друга на протяжении всей первой половины стихотворения; вторая половина выдержана в светлых

тонах. Сложность поднятой здесь проблемы подчеркнута задумчиво-грустной концовкой:

*Гой вы, цветики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем грустите вы
В день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая.*

Стихотворение подкупает задушевностью, искренностью чувств, живой побудительно-вопросительной интонацией, музыкальностью, образным, эмоциональным языком» [Стафеев Г.И., 1973, с.130].

Обратим внимание на то, что колокольчики – широко распространенные растения, внешний облик которых всем хорошо знаком. Может быть, чувства автора потому быстро находят путь к сердцу читателя, что вызывают в нашем воображении картину знакомую, неизменно пробуждающую чувство привязанности к родной земле. Те, кто не изучал в подробностях биографию А.К Толстого, уверены в том, что стихотворный образ колокольчиков навеян краснорогскими впечатлениями поэта, вызван его любовью к природе брянского края – в окрестностях Красного Рога всегда можно встретить в летнюю пору самые разные колокольчики. А.К. Толстой был охотником, много времени провел в общении с природой, знал хорошо животных, их повадки, разбирался в растениях и, наверняка, замечал,

что и колокольчики бывают разные. Имеет ли смысл поиск реального прообраза колокольчиков? Важно ли, какой конкретный вид колокольчика вдохновил поэта? Что прибавит это знание читателю? Да и возможно ли узнать теперь наверняка, к какому именно колокольчику из известных науке пригляделся поэт в тот день и час, когда в его душе родились стихи?

Исследователи всерьез пытаются определить этот единственный, конкретный вид знакомого нам цветка [Гуленкова М., Сергеева М., 2004; Пасин В.С., 2007; Симоненко В.Е., 2008]. В конце концов, художественный вымысел опирается на реальность, и знание конкретных условий создания произведения обогащает наше представление о творческом процессе.

Попытаемся реконструировать эти условия и обратимся к истории создания произведения. Его написание относится к началу 40-х годов XIX века.

В 1841 году А.К. Толстой провел отпуск у своего дяди, Василия Алексеевича Перовского, – оренбургского военного губернатора, жившего в Оренбурге. По одним источникам [Стафеев Г.И., 1973] Алексей Константинович провел там четыре месяца (значит, путешествие началось в мае), по другим – он выехал в июне и провел там лето [Жуков Д., 1982]. Он много охотился, побывал в разных местах оренбургских степей. Как отмечает Г.И. Стафеев, во время пребывания А.К. Толстого в Оренбурге его дядя был серьезно болен. «Но он почти каждый день поднимался на вышку своего дома, чтобы часами осматривать в подзорную трубу бескрайние *степи* подвластного ему края» [Стафеев

Г.И., 1973, с. 46]. Если это так, то логично предположить, что он не раз брал с собой и племянника, и они вместе обозревали эти бескрайние просторы. Какой виделась степь А.К. Толстому?

Огромные массивы оренбургских степей не сохранились целиком до наших дней [Растительность..., 1980], и эти уникальные природные комплексы сегодня взяты под охрану (Оренбургский госзаповедник). Однако и сейчас пестрое степное великолепие просто поражает человека, привыкшего к неброской среднерусской природе. С апреля до июля степь часто меняет многотравные наряды, украшаясь сначала аспектами сон-травы и адониса, затем разноцветных тюльпанов, ирисов с узорами низкого миндаля и степной вишни на фоне лоснящихся ковылей [Пуляев А.И., Чебылев А.А. и др., 2000].

Вероятно, путешественник среди степного разнотравья, по луговым степям и по лесным колкам и опушкам мог замечать и разнообразные колокольчики. Флористические сводки [Флора СССР, 1957; Рябина З.Н., 1998; Рябина З.Н., 2000; Шаронова И.В., Плаксина Т.И., 2006] указывают для мест возможных «маршрутов» А.К. Толстого в Оренбуржье колокольчики: волжский (*Campanula wolgensis*), сибирский (*C. sibirica*), болонский (*C. bononiensis*), раскидистый (*C. patula*), рапунцелевидный (*C. rapunculoides*), круглолистный (*C. rotundifolia*), персиколистный (*C. persicifolia*), скученный (*C. glomerata*). Можно вспомнить и некоторые лесные виды: колокольчики крапиволистный (*C. trachelium*) и широколистный (*C. latifolia*).

Для флориста, пытающегося найти конкретный прообраз толстовского «поэтического» колокольчика в стихотворении есть ясные ориентиры: «темно-голубая» окраска цветков и майское цветение среди некошенной травы в степи. Однако практически все перечисленные колокольчики могут широко менять окраску от белой (или бледно-голубой) до насыщенной фиолетовой. Собственно «степных» видов среди указанных колокольчиков вообще нет – большая часть предпочитает луга, опушки и леса. Только похожие *C. sibirica* и *C. wolgensis* являются лугово-степными [Флора СССР, 1957]. Что до цветения, то его сроки у большинства колокольчиков смещены на июнь-июль (*C. rotundifolia* – вообще с июля до сентября). Наиболее раннецветущими оказываются лугово-опушечный *C. patula* (май-июль) и тот же *C. sibirica* (май-июль).

Возможно, как предполагают М. Гуленкова и М. Сергеева [2004], поэта мог вдохновить и образ близкого родственника колокольчиков – бубенчика (*Adenophora liliefolia*), населяющего луга, кустарники, опушки и иногда встречающегося в степи. У этого высокого (50-150 см) растения как раз чаще голубоватый или синеватый колокольчатый венчик, однако цветет бубенчик в июне-июле.

Так или иначе, найти единственный вид, ставший прообразом колокольчика у А.К. Толстого, вряд ли представляется сегодня возможным. Не является ли местоимение «*мои*» («Колокольчики мои...») в тексте стихотворения некоторым вектором-подсказкой ищущим реальный прообраз толстовских колокольчиков?

«Мои» – значит, близкие, давно знакомые, любимые, родные. Действительно, не стало ли творческим импульсом для поэта то, что среди экзотических для среднерусской полосы России растений он вдруг узнал свои, краснорогские, давно полюбившиеся ему колокольчики?

Любопытно, что почти все перечисленные виды (пожалуй, кроме *C. wolgensis*) А.К. Толстой мог наблюдать и у себя на родине – в окрестностях Красного Рога (Почепский район). Здесь по лугам и на лесных опушках широко встречаются *C. patula*, *C. glomerata*, *C. rotundifolia*, *C. persicifolia*, *C. rapunculoides*. На сухих луговинах изредка мелькает *C. sibirica*. А вот *Adenophora*, уже называемый нами, у нас очень редок [Красная книга Брянской области..., 2004], никогда в окрестностях Красного Рога не отмечался (хотя описания флоры этих мест имеются, начиная с середины XIX века) и даже в соседней «степной» Курской области встречается редко [Красная книга Курской области..., 2001]. В.Е. Симоненко считает, что под описание А.К. Толстого более всего подходит Колокольчик круглолистный (*C. rotundifolia*) [Симоненко В.Е., 2008, с. 185 – 186].

Кстати, филологи отмечают, что во времена А.К. Толстого колокольчики украшали краснорогский парк: «В покрове парка, особенно в английской его части, как в лесу, распространены купырь лесной, сныть, вейник золотистый, чистотел, будра, недотрога желтая, звездчатка узколистная, гравилат речной, колокольчик» [Стафеев Г.И., 1973, с. 27-28].

Конечно же, все это лишь предположения. Вполне

возможно, что в образе колокольчиков объединились и краснорогские, и степные впечатления А.К. Толстого в Оренбуржье и на Черниговщине, возле Погорелец – имения А.А. Перовского [Стафеев Г.И., 1973, стр. 139]. И все же научный поиск ученых-натуралистов дает филологам ценнейшую информацию для того, чтобы, читая стихотворные строчки А.К. Толстого, прочувствовать особенность его поэтического дара, которое состоит в способности в момент вдохновения отрешиться от частного знания, увидеть в отдельном – общечеловеческое и создать образ конкретный до узнаваемости каждым читателем и одновременно обобщенный, ведущий к пониманию пророческой мысли автора. Колокольчики в контексте стихотворения А.К. Толстого – неотъемлемая деталь *общероссийского* пейзажа, нашей *общей* земли. И звон, и грусть колокольчиков – это не только образное выражение эмоционального состояния лирического героя в один из моментов его жизни, это радость и печаль, сопровождающая ход нашей истории. Звон колокольчиков в мечтах лирического героя перерастает в громкий колокольный звон, возвещающий о торжестве единения славян:

*Громче звон колоколов,
Гусли раздаются,
Гости сели вокруг столов,
Мед и брага льются,
Шум летит на дальний юг
К турке и к венгерцу –
И ковшей славянских звук*

Немцам не по сердцу!

А вот грусть колокольчиков оттого, что до осуществления мечты еще бесконечно далеко, и много в истории того, что препятствует народным чаяниям и надеждам...

Чем окончится наш бег?

Радостью ль? Кручиной?

Знать не может человек –

Знает Бог единый!

Так глубоко интимные, личные чувства привязанности к малой родине, Красному Рогу срастаются у автора стихотворения с патриотической привязанностью к России и думой о ее будущем. Обобщенный образ колокольчика – результат преобразования действительной реальности в художественную, которая условна и концептуально нагружена. Однако поиск конкретных данных флористами имеет смысл для читателей. Эти данные помогают нам наполнить воображаемую картину конкретными деталями, сделать ее более «зримой», а значит, убедительной.

Безусловно то, что данные флористов должны быть интересны художникам-иллюстраторам. Создавая зрительный образ, художник не может не ориентироваться на конкретный облик цветка, тем более, если при иллюстрировании используются фотографии. Здесь нужно быть более достоверным, так как по сути фотография – это своего рода документальное свидетельство. Некоторые иллюстрации в существующих изданиях стихотворения А.К. Толстого не выдерживают критики с точки зрения научной достоверности.

Такие погрешности еще раз напоминают, что основа художественного творчества есть знание.

Обращение к творчеству А.К. Толстого и филологов, и флористов, на наш взгляд, является подтверждением того, как притягательны для всех читателей образы нашего поэта-земляка. Поиск конкретного названия цветка - это, наверное, желание убедиться в том, что А.К. Толстого вдохновлял пейзаж знакомых нам уголков природы, что он любил именно наш, брянский край, что он выразил именно нашу привязанность к малой родине. Это, конечно, так, но являясь воспитателем чувства читателя, А.К. Толстой учит нас видеть дальше и чувствовать себя сыном или дочерью большой земли, имя которой – вся Россия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуленкова М., Сергеева М. Колокольчики мои...// Наука и жизнь, № 7, 2004.
2. Жуков Д. Алексей Константинович Толстой. – М.: Молодая гвардия, 1982.
3. Красная книга Брянской области. Растения. Грибы. – Брянск: ЗАО «Издательство «Читай-город», 2004. – 2004 с. – 272 с.
4. Красная книга Курской области. Т.2.: Редкие и исчезающие виды растений и грибов / Отв. ред. Н.И. Золотухин. – Тула, 2001. – 168 с.
5. Пасин В.С. Мелодии Красного Рога. – Брянск: Изд-во «Десна», 2007. – С. 210 с.
6. Пуляев А.И., Чибилев А.А., Немков Н.А. Оренбургский заповедник // Заповедники России.

Заповедники Сибири. II. – М.: Логата, 2000. – С. 8-24.

7. Растительность Европейской части СССР. П/ред. Грибовой С.А., Исаченко Т.И., Лавренко Е.М. – Л.: Наука, 1980. – 429 с.

8. Рябина З.Н. Конспект флоры Оренбургской области. – Екатеринбург, 1998. – 164 с.

9. Рябина З.Н. Сосудистые растения Оренбургского заповедника [аннотированный список видов] // Флора и фауна заповедников. – 2000. – Вып. 44. – 44 с.

10. Симоненко В.Е. Флора Брянского края в стихах А.К. Толстого // А.К. Толстой и русская культура. – Брянск: Изд-во Клиновской городской типографии, 2008. – С. 185 – 194.

11. Стафеев Г.И. Сердце полно вдохновенья. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1973.

12. Толстой А.К. Собрание сочинений в четырех томах. Т.1. – М.: Библиотека «Огонек», издательство «Правда», 1969.

13. Флора СССР. Т. XXIV. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. – С. 126-453.

14. Шаронова И.В., Плаксина Т.И. Флора участка «Таловская степь» Государственного заповедника «Оренбургский» // Фиторазнообразие Восточной Европы. – Оренбург, 2006. – С. 30-46.

Опубликовано: В сб.: «Педагогика искусства». Сборник научных трудов преподавателей кафедры художественного образования. / Под редакцией Н.А. Асташовой. – Брянск: Изд-во «Ладомир», 2009.

В.П. ПАРЫГИН
И ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Проблемы детского чтения всегда волновали русских писателей. Нередко их раздумья о детской книге становились поводом к созданию замечательных художественных произведений для детей. Пример тому – творчество классиков XIX века, а в XX веке – В. Маяковского, А.М. Горького, К.И. Чуковского и др. Принципы детской литературы, сформулированные критиками XIX столетия, а в советское время – А.М. Горьким, С.Я. Маршаком и др., богатый творческий опыт поэтов и прозаиков, известные «заповеди для детских писателей» К.И. Чуковского, казалось бы, навсегда оградили детскую литературу от засилья бездарности, пошлости, безвкусицы и примитивизма. К сожалению, это не так. Детское чтение стало актуальнейшей проблемой нашего времени. Ослабление внимания к детской книге со стороны критики, снятие всяких ограничений для публикации сочинений, кроме финансовых, отсутствие чувства ответственности перед ребенком-читателем у многих современных авторов приводит к тому, что в круг детского чтения внедряются произведения бессодержательные, антихудожественные, а нередко и вовсе безграмотные. Наша, брянская, литература не является исключением. Многие авторы пишут для детей, но далеко не все опубликованное

выдерживает эстетическую критику. Сегодня брянская детская литература нуждается в серьезном осмыслении, в объективной критической оценке. Это необходимо, чтобы сориентировать родителей, учителей, библиотекарей в огромном потоке книг, поступающих на прилавки магазинов. Литературный вкус начинает формироваться у детей в младшем возрасте, и именно эта читательская аудитория наименее защищена от агрессии бездарности в литературе. Конечно, работа по отбору литературы для детей ведется в школах и библиотеках, однако, к сожалению, сегодня на Брянщине нет критиков-литературоведов, которые проявляли бы постоянный и активный интерес к детской литературе. В этой связи отношение В.П. Парыгина к детской книге, на мой взгляд, заслуживает самого пристального внимания.

Специально о детской литературе В.П. Парыгин не писал. Мало говорил о проблемах детского чтения публично. И все же именно он подготовил почву для того, чтобы начать серьезный разговор о состоянии детской литературы на Брянщине.

Во-первых, во многочисленных статьях В.П. Парыгина о творчестве брянских писателей анализируется достаточно много книг для детей. Во-вторых, в этих же работах есть заинтересованные суждения автора о целях детской литературы, ее специфике, делается отбор лучших произведений для детского чтения. В-третьих, сам Владимир Петрович – автор замечательной книги стихотворений «Вам – моя любовь» [Брянск: Придесенье, 2000], явившейся, безусловно, свидетельством заботы о маленьком

читателе.

Так, например, в книге В.П. Парыгина «Брянщина литературная» [Тула: Приокское книжное издательство, 1985 г.] характеризуются произведения В. Белоусова («У огня», «Подорожная без бубенцов» и др.), сказы Ю. Лодкина, оценивается значение книг В.К. Соколова в детском чтении. В сборнике «На ощупь мир правдивей...» [Брянск: Придесенье, 1999] В.П. Парыгин анализирует произведения для детей и о детях В. Белоусова, Н. Грибачева, П. Дудочкина, В. Зуева, Ю. Когина, С. Полетаева, В. Чаплиной, В. Лукьянина. Здесь мы найдем рассуждения В.П. Парыгина о современном ему состоянии детской литературы, о том, каким он видит образцового детского писателя. Обратимся к этим литературным источникам.

Исключительную важность в свете обозначенной темы имеет оценка В.П. Парыгиным вклада в развитие детской литературы Н. Грибачева [2]. Он цитирует статью Н. Грибачева «О стихах для детей» и фрагмент выступления Б. Полевого на Втором Всесоюзном съезде советских писателей, где дается оценка этой статье. В.П. Парыгин разделяет мысль Б. Полевого о том, что в критике появляется слишком мало серьезных, глубоких статей о детской книге. Критики подчас замечают ее лишь тогда, когда писатель получил премию, они мало озабочены судьбой детской литературы. И сам В.П. Парыгин оценивает книги и отдельные стихотворения Н. Грибачева, определяя их значение в утверждении содержательной, воспитывающей, а не развлекательной литературы для детей. Высокую оценку получают

книги Н. Грибачева «Лесная сказка», «Рыжий», «Комар-хвостун», «А это мы!», «Про зайчонка», «Кормушка», анализируются стихотворения «Художник» и «Ночь». В.П. Парыгин называет поэта борцом за чистоту души ребенка [2, 108]. По существу, так он формулирует свое представление о сути творчества детского писателя. Последующее рассуждение В.П. Парыгина, думается, тоже выходит за пределы частной характеристики: «Детская душа для Грибачева – нетронутая почва, ждущая духовного семени, попав в которую, слова любви, красоты и патриотизма дают потом плоды гражданственности...» [2, 108]. Образ писателя-сеятеля добра и красоты мы находим и в характеристике творчества В. Белоусова: «Зерна «разумного, доброго, вечного» сеет В. Белоусов, и верится, что взойдут эти зерна в человеческих душах» [1, 18].

Итак, детский писатель для В.П. Парыгина – тот, кто силой слова борется за чистоту души ребенка, помогает произрастать в ней зернам разума, добра и чувства прекрасного.

В.П. Парыгин не понаслышке, а из собственного опыта знал, что осуществлять роль духовного наставника маленького читателя невероятно сложно, что видимая простота и ясность слова, свойственная произведениям лучших детских писателей, дается соединением таланта и труда. Отмечая мастерство А. Екимцева как автора книги для детей «Дедушка Туман», Владимир Петрович пишет: «Только человек, знакомый с тайнами творчества, может сказать, какой ценой дается поэту эта легкость» [2, 189]. И в этой же статье – по поводу поэмы А. Екимцева

«Брянский лес»: «Да, действительно, для детей писать трудно, особенно трудно – для дошкольного и младшего школьного возраста. Говорить о вещах очень серьезных, таких, как война, патриотизм, возмездие врагам за разбитую и истерзанную землю, с читателем этого возраста не только надо уметь, но и надо иметь талант незаурядный» [2, 191].

У каждого писателя В.П. Парыгин отмечает признаки такого незаурядного таланта, которые в совокупности помогают нам воссоздать образ хорошего детского писателя в представлении Владимира Петровича. Так, о В. Белоусове он пишет, что писатель «умеет видеть мир глазами детей»; в его произведениях царит «атмосфера подвига», «читаются они легко и создают настроение к свершению добрых дел»; «добрые и благородные, но обыденные поступки людей возвышаются им до уровня подвига» [1, 14 – 15]. В.П. Парыгин ценит в детской книге положительные примеры на добрые дела, направляющие энергию детей в нужное русло, желание писателя настроить ребенка на активную жизненную позицию. Он отмечает у А. Екимцева умение «разбудить детскую мечту, заставить ребенка волноваться думами взрослых...» [2, 191]. Или – о таланте С. Полетаева: «Герои книг С. Полетаева любознательны и подвижны... Писатель как бы направляет их энергию в нужное людям русло. Все они взрослеют и мужают в серьезных делах» [2, 434]. В.П. Парыгин высоко ценит деятельный пафос в детской книге, как в произведениях В.К. Соколова, которые «воспитывают любовь к природе, формируют характеры

детей, будущих хранителей красоты и богатств нашей Родины» [1, 99]. Патриотический пафос детской книги В.П. Парыгин всегда подчеркивает, формирование отношения к Родине, своему народу считает важнейшей задачей писателя. Так, например, он высоко оценивает сказы Ю. Лодкина за то, что они «рождают в душе гордость за содеянное простыми русскими людьми» [1, 60].

Оценивая произведения писателей, творческий путь которых складывался вдали от Брянщины, Владимир Петрович с радостью отмечает чувство малой родины, которое в писателе не заглушается ни временем, ни расстоянием. Как положительное видит он у В. Зуева то, что «взявшись за фантастику», писатель «не может оторваться от родной ему навлинской земли» [2, 225], что «ни в фантастической повести, ни наяву не забывает писатель свой родной край» [2, 227]. У В. Путилиной Владимир Петрович выделяет повесть «Сестра Груня», в которой Брянщина отражена больше, чем в других произведениях [2, 535]. Анализируя книги В. Чаплиной, живущей в Чебоксарах, В.П. Парыгин подчеркивает, что ее «любовь к Десне, корни которой беспощадно вырваны были из родной почвы войной, не угасла и на Волге» [2, 620].

Как критик В.П. Парыгин рассматривает не только идейную наполненность произведений, он оценивает художественные приемы письма, способы изображения жизни. В детской книге он приветствует ясность, простоту и доступность, которые являются следствием серьезной работы со словом и не имеют ничего общего

с примитивностью мысли и ее изложения. Отмечает умение писателя писать занимательно, увлечь юного читателя. Предостерегает от назидательности. Считает необходимым в поисках языковой образности обращение к опыту писателей-классиков и народному языку.

Последовательно и трепетно относился В.П. Парыгин к теме природы в детской литературе, может быть, потому, что сам любил лес, поле, речку, или потому, что родная природа для него была синонимом к слову Родина. Владимир Петрович не ограничивается, как правило, анализом произведения писателя, для него это повод к высказыванию о том, как важно прививать у детей любовь к природе. В статьях о творчестве А. Екимцева, Е. Ивановой, В.К. Соколова, В. Чаплиной и других писателей есть вдохновенные строчки В.П. Парыгина о том, как много дает человеку общение с природой, как важно помочь понять это юному читателю. Оценивая книгу Ю. Когина «Повесть, написанная вместе с 500 соавторами», В.П. Парыгин делает лирическое отступление, которое, пожалуй, можно считать обобщением того, о чем он много раз говорил и писал: «Посадивший деревце не ломает его – рука не поднимется. А зарождается в этот момент в детской душе бесценное чувство бережного отношения к природе, т. е. ко всему, что окружает нас. Я уверен, пройдут годы, а душа, приоткрытая этим первым импульсом для любви, будет еще и еще впитывать в себя все доброе, и появится в ней неодолимая потребность к защите бессловесных друзей, к бережному отношению к безответной, терпеливой и беззащитной природе, да и

ко всей окружающей нас среде» [2, 293 – 294].

Не удивительно, что свою книгу для детей «Вам – моя любовь» [Брянск: Придесенье, 2000 г.] В.П. Парыгин составил из стихотворений о природе. Эта изумительная книга, которая в оформлении художника В. Поповичева представляет собой непреходящую художественную ценность, увидела свет уже после смерти автора. Четыре времени года проживают вместе с писателем юные читатели. Ведомые старшим другом и наставником, они учатся наблюдать, замечать в природе интересное, радостное и прекрасное – открывают для себя мир щедрый, наполненный жизнью, мир, в котором хорошо человеку, отзывчивому на добро и красоту. Кажется, все, что ценил В.П. Парыгин в детской книге и детском писателе, воплотилось в двадцати пяти стихотворениях, составивших этот сборник. В нем мы найдем мудрое, ненавязчивое наставничество. Разнообразие живых интонаций в общении с читателем: строгих по отношению к разорителям («Ждет природа состраданья»), ироничных («Опята»), радостных («Жаворонка трели»), много оттенков чувств и настроений. Не упрощенный, примитивный, а образный язык поэзии, которым автор «поднимает ребенка до себя», помогает читателю осваивать этот язык и пережить очень серьезные, взрослые, сложные чувства, при этом с полным пониманием особенностей детского восприятия. Не словесной риторикой, а искренней интонацией, наполненной привязанностью к родному краю, передается ребенку чувство любви к родине... Считаю, что книга «Вам – моя любовь» – лучшее, что

создано В.П. Парыгиным в художественном творчестве.
И передано оно детям.

*Край родной,
Задумчивые ели
Голубым завьюжены снежком.
Лютые январские метели
Здесь ходили по лесу пешком.*

*Здесь ходили,
Хвою серебрили,
Спящие деревья леденя...
Принимает храм зеленокрылый,
Сердцем оробевшего, меня.*

*Под его торжественные своды
Я вхожу в тревожной тишине
И стою наедине с природой,
С совестью своей
Наедине.*

(«Храм зеленокрылый»)

Вот образец того, когда стихотворение для
детей – и для взрослых поэзия.

Нужно отдать дань уважения всем, кто причастен к
изданию книги В.П. Парыгина. Они подали нам пример
отзывчивости, бескорыстия, любви и дружбы, благодаря
которым «не горят рукописи», если их суть есть добро.
В литературном наследии В.П. Парыгина книга «Вам –
моя любовь» – одна из лучших страниц.

Следует отметить, что с годами озабоченность В.П. Парыгина проблемами воспитания детей, а, следовательно, и детской литературы лишь усиливалась. В статье о творчестве П.Л. Проскурина он с горечью пишет о «растлении человеческих душ», об отсутствии в средствах массовой информации «высоких образцов народной культуры», о падающем интересе к художественному слову классиков, к народному слову, о свершившемся отрыве от народного искусства [2, 497 – 498]. Та же озабоченность выражена в статье о творчестве для детей В. Белоусова в книге «На ощупь мир правдивей...» Уже десять лет прошло с момента выхода в свет этой книги, а размышления В.П. Парыгина, к сожалению, не потеряли своей актуальности.

Делая выводы, прежде всего нужно сказать, что В.П. Парыгин, не упуская из вида творчество брянских писателей, пишущих для детей, сделал огромное дело. По существу, он подготовил материалы к воссозданию истории детской литературы на Брянщине на большом отрезке времени XX века. Безусловно, круг детского чтения, обозначенный Владимиром Петровичем, сегодня может быть существенно дополнен замечательными произведениями Л. Ашеко, В. Динабургского, Д. Стоговой, Е. Ларичевой, Н. Рылько, Я. Соколова и других брянских поэтов и прозаиков. Литературный процесс не прерывается, и также очевидно, что для его целостного осмысления необходимо появление такого же краеведо-подвижника, каким был В.П. Парыгин. По-видимому, это дело будущего, но сегодня коллективными усилиями мы можем осуществить идею, к которой подводит

четко выраженное в критических работах желание В.П. Парыгина сохранить большой воспитательный потенциал нашей, брянской, детской литературы, чтобы не пропал труд души наших писателей, чтобы их лучшие произведения находили путь к читателю. На мой взгляд, уже давно назрела необходимость в издании книги – сборника «Брянские писатели – детям». Это было бы хорошим продолжением дела, начатого В.П. Парыгиным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимир Парыгин. Брянщина литературная. – Тула: Приокское книжное издательство, 1985 г.
2. В. Парыгин. На ощупь мир правдивей... – Брянск: Придесенье, 1999 г.
3. В. Парыгин. Вам – моя любовь. – Брянск: Придесенье, 2000 г.

Опубликовано: В сб.: «Парыгинские чтения – 4». Сборник материалов 4 литературно-краеведческой конференции, посвященной памяти брянского литературоведа В.П. Парыгина (1926 – 1998). – Брянск: Группа компаний «Десяточка», 2009.

АЛЕКСЕЙ СЕМЕНОВИЧ КОЗИН

1913 – 1984

(штрихи к портрету)

Имя Алексея Семеновича Козина было широко известно далеко за пределами Брянщины при жизни писателя, известно оно и сейчас в театральных и литературных кругах. В 50-е – 70-е годы необычайно популярной была его драматургия, пьесы А.С. Козина шли во многих театрах страны. В 70-е – 80-е годы он создает три романа («Операция на сердце», «Рождаюсь вновь», «Чтобы цвели подснежники»), которые упрочили писательский статус автора и получили множество положительных отзывов критиков и читателей. О творчестве А.С. Козина было написано немало статей в брянской и столичной периодике. Библиографический список критических материалов о нашем земляке за 1953 – 1975 гг. составляют 34 наименования, назову лишь наиболее солидные для того времени издания. Помимо наших, брянских (газеты «Брянский рабочий» и «Брянский комсомолец», альманахи «Литературный Брянск» и «Край родной»), это столичные газеты «Советское искусство», «Литература и жизнь», «Литературная Россия», журналы «Новый мир», «Смена», «Театральная жизнь», «В мире книг», «Культура и жизнь» и др. Творчество А.С. Козина было в поле зрения известных писателей, литературоведов, критиков. Все его пьесы были опубликованы, распространялись Отделом

распространения драматургических и эстрадных произведений при ВУОАП. О нем писали Б. Лавренев, Г. Бровман, К. Жаворонкова, Н. Родичев, В. Парыгин и многие другие. А.С. Козин и сам был автором заметок и рецензий на театральные спектакли, писал статьи о проблемах народной жизни. Возглавлял книжную редакцию издательства «Брянский рабочий». В 1963 году при создании Брянской областной писательской организации он был избран ее ответственным секретарем. Литературная и общественная деятельность А. С. Козина официально отмечена тем, что он был принят в Союз писателей СССР, Союз журналистов СССР. В архиве Брянского Литературного музея хранятся его членские билеты, а также Удостоверение к значку «Отличник культурного шефства над селом», выданный Министерством культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры в 1980 году. За литературное творчество он был награжден орденом «Знак Почета».

Жизнь А.С. Козина была открыта, его творчество получило всестороннюю и, кажется, исчерпывающую оценку еще при жизни писателя. О нем не раз писал В.П. Парыгин, с большим пониманием анализировал театральные успехи, драматургию, а также романы Алексея Семеновича, его статья «Драматург и прозаик Алексей Козин» в книге «Брянщина литературная» (Тула, 1985) содержит обзор критических материалов о литературной деятельности нашего выдающегося земляка.

И все же в этой вполне состоявшейся литературной и человеческой биографии есть важные, на мой взгляд,

моменты, которые явственнее обозначились именно в наше время («большое видится на расстоянии»); новое время поставило вопросы, ответы на которые делают более заметными некоторые грани личности А.С. Козина, выявляют значение его творческой судьбы в развитии литературного процесса на Брянщине. Знакомство с материалами Брянского Литературного музея и личного архива жены писателя З.В. Козиной, воспоминания людей, хорошо знавших Алексея Семеновича, вызвали у меня размышления, которые, как мне кажется, дополняют творческий портрет А.С. Козина штрихами, акцентирующими непреходящую ценность его опыта для нынешнего поколения литераторов. Желание поделиться с читателями своими выводами и явилось причиной появления данной статьи.

Не все сегодня знают, что А.С. Козин был довольно долгое время актером. Его актерская судьба имела свое начало, развитие и завершение, она является не эпизодом, а значительным периодом его творческой биографии до того, как он окончательно связал свою жизнь с литературой. Алексей Семенович имел профессиональное актерское образование – окончил Ивановское театральное училище. По окончании его работал артистом в Ивановском Большом Драматическом театре. Приехав в Брянск после Великой Отечественной войны, он вошел в труппу созданного в Брянске Областного Драматического театра. По воспоминаниям современников, актерская судьба А.С. Козина складывалась удачно. Его героическое амплуа обеспечивало беспроигрышный успех у зрителей.

Брянский писатель А.Н. Саввин, хорошо знавший А.С. Козина, вспоминает, как Алексей Семенович играл роль Олега Кошевого в спектакле «Молодая гвардия». У него с самого начала было много поклонников. Он имел все актерские данные: был не только талантлив, но и привлекателен внешне, при появлении на публике всегда производил эффект. Многие зрители шли в театр «на Козина». В 1950 году первая литературная работа актера – пьеса «Виноградовцы» – выдержала конкурс и вошла в число лучших 20 пьес Российской Федерации. Конечно, успех окрылил. Но мы знаем примеры, когда в человеке сочетаются разноплановые творческие дарования, в этом нет удивительного. Есть актеры, пишущие картины, музыку, песни... При этом совсем не обязательно менять актерскую профессию. Почему популярный, талантливый актер А.С. Козин изменил своему делу и ушел в писательство? Реально предположить, что причиной могла быть творческая неудовлетворенность (невозможность играть все желаемые роли), не складывающиеся отношения с дирекцией театра или коллегами, амбиции или какие-то свойства характера и т.д. Вопрос важный, потому что он позволяет нам понять изначальное отношение писателя к литературе. Видел ли А.С. Козин в ней способ сделать более удачную карьеру, удовлетворить честолюбивые замыслы, или же она стала для него трудом, невозможным без полной самоотдачи? Ответ на этот вопрос ведет к пониманию и личности А.С. Козина, и проверке идейно-нравственного пафоса его произведений на искренность.

Документальных материалов, связанных с

работой А.С. Козина в театре, оказалось немного, но, как говорится, они дорогого стоят.

В Литературном музее (г. Брянск) хранится два «Репертуарных листка» артиста А.С. Козина, где обозначены роли актера и его другая занятость в театре.

Если судить по первому документу (три сезона в Ивановском Драматическом театре), то А.С. Козин был не просто востребован, а являлся одним из ведущих актеров в труппе. О том свидетельствует список ролей в спектаклях. Вот некоторые из них: Горецкий – «Волки и овцы» (А.Н. Островский); лейтенант Васильев – «Русские люди» (К. Симонов); Паренек в шинельке – «Нашествие» (Л. Леонов); Пелымов – «Давным давно» (Г. Гладков); Васька Шустрый – «Горячее сердце» (А.Н. Островский); Незнамов – «Без вины виноватые» (А.Н. Островский); Уховертов – «Ревизор» (Н.В. Гоголь); Саркастический наблюдатель – «Пигмалион» (Б. Шоу); Иванушка – «Василиса Прекрасная» (русская народная сказка); Январь – «Двенадцать месяцев» (С. Маршак) и др. Отметим, что роли самые разнообразные. А.С. Козину доверяют играть и героические характеры, и комедийные ситуации, и воплощать фольклорные образы... Какой актер не позавидовал бы этому? Кроме того, у А.С. Козина были и режиссерские работы. Это спектакли «Двенадцать месяцев», «Василиса Прекрасная», «Сады цветут».

Всего за три сезона он сыграл в четырнадцати спектаклях. Не мало.

В Брянском Драматическом театре («Репертуарный список» за два театральных сезона) А.С. Козин сыграл

двенадцать ролей, имел одну режиссерскую работу. Он сам поставил «Женитьбу Бальзамина» А.Н. Островского. Его роли: Максимов – «За тех, кто в море» (Б. Лавренев); Нил – «Мещане» (М. Горький); Земнухов – «Молодая гвардия» (А.Фадеев); Миловидов – «На бойком месте» (А.Н. Островский); Устрашимов – «Женитьба Бальзамина» (А.Н. Островский); Карандышев – «Бесприданница» (А.Н. Островский) и др.

Уже эти списки ролей позволяют сделать вывод о бесспорном таланте А.С. Козина-актера, умении перевоплощаться в героев произведений и классиков, и современников. Отметим, что играть персонажей А.Н. Островского, А.М. Горького – всегда честь для актера. Кажется, успех стабильно сопровождал А.С. Козину. Что же касается его работы как драматурга, то пьесы печатались, а впервые серьезная театральная постановка была осуществлена в 1956 году: главный режиссер Брянского областного театра В.М. Энгелькрон поставил спектакль по пьесе А.С. Козина «О самом дорогом». До этой премьеры прошли уже годы литературного труда. Самоуверенности у драматурга не было. А.Н. Саввин был свидетелем небывалого успеха спектакля в Московском театре имени Ленинского комсомола по пьесе А.С. Козина «Если в сердце весна» (1958 год). Он вспоминает, как волновался Алексей Семенович перед премьерой. Думал о том, сможет ли искушенная столичная публика понять провинциального драматурга. Сомневался во всем. Придут ли вообще зрители? Не будет ли пустым зал? И как радовался, увидев переаншлаг в театре!

Потом пьеса «Если в сердце весна» была поставлена в сорока театрах страны. По-видимому, литература все сильнее увлекала А.С. Козина. Но важно отметить, что в писательство он уходил не от разочарования, а от актерского признания, от популярности, а не от неудовлетворенных амбиций, с запасом положительных эмоций. Вот это и определило, как мне представляется, изначально оптимистический, доброжелательный пафос произведений драматурга, а, значит, и расположенность к его сочинениям зрителей и читателей. Об этом очень хорошо написал В.П. Парыгин в статье «Чтобы цвели подснежники» о последнем романе А.С. Козина: «Он пришел в литературу с весенним настроением, широко заявив о себе комедией «Если в сердце весна», и ушел из нее с надеждой на сохранение весны...» («Брянский рабочий», 23 февраля 1986 г.). При равном таланте и, кажется, равной возможности реализации его как актеру и как писателю А.С. Козин все же выбирает одно – творчество литературное, при этом, как вспоминают близкие люди, он никогда не сожалел о сделанном выборе.

З.В. Козина объясняет это так: «Литература занимала очень много времени. Алексей Семенович много работал, часто писал ночами. При таком режиме было очень трудно совмещать это с работой в театре, которая тоже требовала сил. Два вида творческой деятельности были несовместимы. Алексей Семенович выбрал литературу». Конечно, это так. Актерский успех невозможен без полной самоотдачи, но и литературный – тоже. Данное мнение подтверждает и А.Н. Саввин, но

при этом высказывает еще одну мысль: А.С. Козин был очень хорошим организатором. Он умело объединять возле себя людей, а это качество его личности реализовалось именно в литературной деятельности. Действительно, в актерской профессии человек всегда зависит от воли режиссера. В этом смысле литературная работа привлекательней. И еще, мне думается, совершенно справедливо заметил К. Паустовский, объяснявший свой уход в писательство тем, что в литературе объединяются все профессии мира. Литература позволяет писателю освоить любую деятельность, вживаясь в образы своих героев, которых он выбирает сам. В этом смысле писательство дает удовлетворение, не сравнимое ни с чем. Творческая биография А.С. Козина – тому подтверждение. Его литературный путь не был усыпан розами, он познал вполне трудности писательской работы. По многу раз переделывал пьесы после обсуждений с актерами и режиссерами; были случаи, когда ему отказывали в публикации... Но литература все же оказалась притягательнее. И еще одно замечание. Сегодня, пытаясь «издалека» понять мотивы выбора А.С. Козина, я думаю еще и о том, что он сделал его тогда, когда престижность писательского труда в обществе была заслуженно высока. Вот почему уход в литературу означал новый, еще более значимый, этап в развитии творческой личности А.С. Козина. Актерская профессия, знание законов сцены определили обращение к драматургическим жанрам в литературе, что, в свою очередь, оказалось фактором, плодотворным для развития брянской литературы в целом.

А.С. Козину посчастливилось при жизни увидеть постановку почти всех своих пьес в театре. Ставились они не только на больших сценах. Они были востребованы в агитбригадах, выезжавших с концертными программами в села, выступавших в рабочих коллективах. Например, в «Репертуарном сборнике для агитхудожественных бригад» за 1956 год есть пьеса А.М. Козина «Весна в разгаре», а в брошюре «В помощь художественной самодеятельности: «немножко о картошке», выпущенной в том же году, – комедия в одном действии «Любовь не картошка...» В Брянском Литературном музее хранится несколько репертуарных листков для сельских агитбригад за 1964 год с произведениями А.С. Козина. И в музее, и в домашнем архиве жены драматурга хранятся театральные программки, афиши, письма различных людей с восторженными отзывами о спектаклях, пьесах и романах Алексея Семеновича. Интересно, что все рецензенты отмечают такие свойства таланта автора, как умение улавливать и правдиво воспроизводить конфликты и противоречия современной действительности, его знание человеческих характеров. В пьесах главным было не развлекательное начало, хотя А.С. Козин был мастером острого сюжета, а, как пишет В.П. Парыгин, «гражданственность, идейно-эстетическая наполненность, окрыляющие душу и зовущие зрителя на добрые дела». Прочитую (выборочно) здесь письмо А.Г. Кравцова, назвавшегося «старейшим рабочим корреспондентом», присланное А.С. Козину в связи с его шестидесятилетием. Автор письма пишет: «Всенародное признание читателей

завоевали Ваша проза и драматургия... Все, о чем Вы пишете, все согрето дыханием большого писателя, инженера человеческих душ... Все у Вас верно, точно... Я поражаюсь Вашему юношескому темпераменту, Ваши герои – люди разных взглядов, разной духовной настроенности. Сама жизнь встает перед нами со всеми ее противоречиями, мы, читая Ваши произведения, чувствуем, как бьется пульс времени. Характерно и то, что Вас как писателя глубоко... волнуют человеческие души в их сложном непрерывном развитии. Не одно поколение читателей Брянщины и далеко за ее пределами... будет воспитано на лучших примерах служения Родине!.. Ваш пристальный и внимательный взгляд писателя выражает веру в человека, в силу, красоту его духа, который сильнее времени. Писать драматургию дело сложное, знаю, трудное, и оно не всякому по плечу. Прозаиков у нас много, а вот драматургов – раз, два и обчелся... Хорошо, что Вы живете, пишете о нас, а не ищете московских квартир, не уподобаетесь тем, кто «высасывает из пальца» сюжеты. Ваши герои выхвачены из реальной действительности, их жизни. О вашем творчестве можно писать много и долго, это со временем сделают за меня литературоведы, театроведы». Адресат называет А.С. Козина «певцом Брянского края». Документ примечателен тем, что это не официальная оценка творчества писателя, она не предназначена для публикации. Это выражение искренней читательской признательности. (Полный текст письма хранится в Брянском Литературном музее).

Сегодня ситуация изменилась. За последние

двадцать лет (последний роман А.С. Козина опубликован в 1985 году) не переиздано ни одно произведение писателя, за исключением пьесы «Будет ли спектакль?» в книге «Брянские писатели. Антология» (Брянск, 2003). Ни одна пьеса А.С. Козина не идет на сцене брянских и других театров России. Эти факты вполне объяснимы. Сегодня и в литературе, и в театральной жизни проблемы строительства социалистического общежития потеряли свою злободневность. Общечеловеческие проблемы в творчестве А.С. Козина тесно связаны с социальными, характеры и обстоятельства в его художественном мире типичны для своего времени. Меняется жизнь, и сегодня актуальны другие общественные проблемы, писателей привлекают характеры, в которых отразился процесс перестройки и постперестроечные явления. Многие театры в России отступили от реалистической традиции. Театр А.С. Козина не современен в этом плане... И все-таки в творческом опыте каждого художника есть то, что имеет непреходящую ценность.

Подлинным открытием для меня оказалась публицистика А.С. Козина, и прежде всего его статьи о коллективе Брянского машиностроительного завода, например, «ЧП в цехе» («Брянский рабочий», 8 декабря 1974 г.), «Заводские аллеи» («Социалистическая индустрия», 16 октября 1980 г.); статьи, поднимающие проблемы сельской жизни... Они свидетельствуют о том, что сюжеты произведений А.С. Козина, действительно, не были плодом воображения талантливого автора, выполняющего идеологический госзаказ. Они проросли из самой жизни, и писатель находил их в постоянном

общении с рабочими и сельскими тружениками. Многолетняя дружба связывала А.С. Козина с рабочими БМЗ. Он вникал в проблемы коллектива, конкретных людей, горячо сопереживал им и хотя бы литературным словом желал участвовать в решении их проблем. Статьи проникнуты глубоким уважением к людям труда, преклонением перед их жизненным опытом. Творческая жизнь А.С. Козина – пример того, как нужно учиться у жизни, у людей, уметь видеть главное, за внешним – глубинное и значительное. И идти в ногу с жизнью. В этом залог признания результатов творчества своими соотечественниками.

А.С. Козин умел быть учеником, пытался понять суть происходящих изменений, угадать тенденцию... Беда многих талантливых писателей в том, что, уверовав в свой талант, они не стремятся к осмыслению своего дарования, прекращают процесс самообразования. Для творческой личности это путь назад. А. С. Козин сверял свои творческие находки с прогнозами литературоведов, критиков, делал собственные выводы. З.В. Козина показала мне книгу Г. Бровмана «Труд. Герой. Литература» (М., 1974) из библиотеки Алексея Семеновича. Статья из этой книги «Технический прогресс и психология современника» внимательно читалась, о чем свидетельствуют многочисленные подчеркивания. Вот некоторые фразы, выделенные А.С. Козиным. Они говорят о процессе осмысления им цели литературного творчества, о размышлении над задачей писателя, формулируют его эстетическую позицию:

«... В искусстве его главной задачей всегда будет

оставаться изображение *характеров, диалектики души, горестей и радостей, страстей человеческих во всех их многообразных проявлениях*. Литература всегда останется *сердцеведением*».

«Сейчас заметно значительное усиление *аналитического начала* в художественном творчестве. Но это не приводит к ослаблению *эмоционального начала* в изображении жизни».

«*Натура современника складывается на внутреннем борении страстей*, где участвуют и разум, и чувства».

А.С. Козина интересуется вопросом:

«Верно ли, что научно-техническая революция это и *перестройка характера: от чувства к мысли?!*»

Тщательная работа А.С. Козина с этой статьей обнаруживает его желание еще раз подумать о верности избранного курса в литературе. И это в 1974 году, когда А.С. Козин – вполне сложившийся писатель! Может быть, поэтому он шел вперед в творческом развитии.

Осмелюсь сделать прогноз. Думаю, если бы жизненный путь А.С. Козина не прервался, он создал бы произведения, которые преодолели бы временной барьер и стали бы еще одной ступенью в творческом росте писателя. В это верили те, кто знал А.С. Козина, общался с ним и понимал особенность его дарования.

В Брянском Литературном музее есть уникальный документ, поразивший меня точностью предвидения. Это всего лишь небольшая фраза в конце письма А.Г. Кравцова под знаком PS. Приведу ее целиком: «Желаю Вам написать книгу о наших славных земляках А.

Вяльцевой, А. Толстом, Ф. Тютчеве, Козинцеве, С. Юрском, Грибачеве, К. Паустовском, героях Сещи». Письмо датировано 31 февраля 1973 года.

Уверена, что А.С. Козин в конце концов отозвался бы на этот «проект», потому что ему было дано чувствовать идеи, которые плодотворны в литературе. Сама мысль «отдать дань» нашим учителям в искусстве, землякам, обогатившим культурный процесс на Брянщине и в России была органична личности А.С. Козина. А потрясающим доказательством актуальности идеи А.Г. Кравцова явилось появление в нашей брянской литературе драматургических произведений, список которых не требует комментариев:

1. Ашеко Л. «Прерванная песня». (О жизни А.Д. Вяльцевой). – Пьеса не опубликована.

2. Семенищенкова Л. «Браво, господа! (Два дня из жизни А.К. Толстого)». – Брянск, 1999, 2003.

3. Семенищенкова Л. «Душа России. (Ф.И. Тютчев). – Брянск, 2002.

4. Семенищенкова Л. «Соловей мой, соловей...» (О Софье Андреевне Миллер, жене А.К. Толстого). – Пьеса не опубликована.

5. Сеницын В. «О, как убийственно мы любим», или Гамлет Брянского уезда». (О Ф.И. Тютчеве). – Брянск, 2002.

6. Сеницын В. «Дуэлянт ненаглядный, или граф Алеша и Козьма Прутков». (Об А.К. Толстом). – Брянск, 2001 .

Вспомним о существовании многосерийного телевизионного фильма режиссера А. Колосова

«Вызываем огонь на себя» по произведению О. Горчакова о героях Сещенского подполья.

Жизнь «подсказывает» темы, заполняющие «белые пятна» в нашем литературно-художественном пространстве. И как хотелось бы, чтобы в этом списке была пьеса А.С. Козина. А, может быть, об А.С. Козине?..

Сегодня созданная им драматургия и романная проза – наша живая история. В этом смысле произведения А.С. Козина имеют исключительную литературную ценность, потому что история правдива, она написана с глубоким пониманием проблем народной жизни, осмыслена и пропитана гражданским чувством человека, болеющего за судьбу своего Отечества. Такая творческая судьба не может быть пустоцветом. Мы мало знаем, как отразилось общение с А.С. Козиным на развитие молодых талантов. Он был открытым человеком, щедрым в общении. Жена писателя хранит книги, подаренные Алексею Семеновичу в разные годы людьми, самыми разными по таланту и жизненному статусу. Среди них есть критики, прозаики, поэты... Большая стопка книг, и на каждой – дарственная надпись. География общения поражает: Москва, Новосибирск, Красноярск, Тула, Харьков, Смоленск, Свердловск, Минск... Многие с благодарностью пишут о доброте, отзывчивости, человечности Алексея Семеновича, высоко оценивают его писательский талант, дающий заряд вдохновения.

Судьба А.С. Козина – еще далеко не прочитанная нами книга. Это явление редчайшее в провинциальной литературе уже тем, что первым в истории писательской

организации ее ответственным секретарем был избран именно драматург. Роль А.С. Козина в развитии литературы на Брянщине мне видится в том, что, благодаря его таланту, драматургия была представлена в нашей литературе на равных с другими жанрами. И так было до тех пор, пока писатель не ушел из жизни. Сегодня не лишнее напомнить об этом читателям, писателям и издателям, которые считают литературную пьесу лишь театральным явлением. (Автору данной статьи не раз приходилось отстаивать права драматургии перед издателями и в литературных кругах). Подчеркну, что драматургия А.С. Козина выводила брянскую литературу на арену общероссийской – тогда общесоюзной – культурной жизни. В этом уже заключается огромное значение его творческого опыта.

В то же время литературная деятельность А.С. Козина, на мой взгляд, сколь редкое явление для периферийного литературного процесса, столь и закономерное на Брянщине, потому что здесь у нас есть своя традиция. Брянская драматургия имеет достойных представителей в лице А.К. Толстого, а затем Е.П. Карпова. В некоторые промежутки исторического времени интерес к драматургии у нас падал, но непременно появлялись писатели, благодаря которым драматургия в брянской литературе напоминала о себе. И случается это – заметим! – с периодичностью примерно в полвека. В 1850 году А.К. Толстой создает первую пьесу «Фантазия», приписанную Козьме Пруткову; в начале 60-х годов начинает писать «Смерть Иоанна Грозного». Конец 19 – начало 20 века – время

активной театральной деятельности Е.П. Карпова. С 50-х годов 20 века драматургия А.С Козина становится заметным явлением в советской литературе и театре. Я обратила внимание на одно пожелание А.С. Козину в день его 70-летия. На открытке оставили свои автографы с поздравлениями друзья-литераторы. Под цитируемыми строчками подпись неразборчива, но она очень примечательна: «Я думаю так, Алеша! – все, что сделал ты, – первый шаг в советскую драматургию. В успех твой верю».

Обратим внимание, что на рубеже 20 – 21 веков брянская драматургия вновь заявила о себе. Работает семинар драматургов при Брянской писательской организации (Союз писателей России), опубликованы первые пьесы после почти тридцатилетнего перерыва. Нужно сегодня сделать все от нас зависящее, чтобы не прервалась вновь творческая связь поколений, чтобы художественный опыт не терялся, а наращивался. А.С. Козину было суждено выполнить в своем историческом времени эту миссию. Кстати, в 2006 году исполнилось ровно 50 лет со времени первой постановки в Брянском драматическом театре его пьесы.

Вот штрихи, которыми мне хотелось дополнить литературный портрет Алексея Семеновича Козина. С отрядным чувством завершаю эти заметки. Каждая литературная судьба содержит отрицательный и положительный жизненный и творческий опыт, осмысление которого помогает нам продвигаться по пути познания жизни образной силой искусства. В литературном опыте А.С. Козина есть много

поучительного для современных писателей, и предавать забвению этот опыт недопустимо.

Выражаю искреннюю признательность Л.Н. Глушенковой и З.В. Козиной за представленную мне возможность познакомиться с материалами о жизни и творчестве Алексея Семеновича Козина. Уверена, что они еще будут востребованы исследователями-краеоведами.

Опубликовано: В сб.: Третьи Парыгинские чтения. Материалы литературно-краеведческой конференции. – Брянск, 2006.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА ИВАНОВА.
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ

Род Достоевских богат одаренными людьми; интерес к духовной стороне их жизни естественен для тех, кого привлекает творчество и личная судьба великого русского писателя. Личность Елены Алексеевны Ивановой, внучатой племянницы Федора Михайловича Достоевского, прожившей много лет на Брянщине (с 1951 по 1972 гг.), замечательна во многих отношениях. Учительница истории, влюбленная в свою работу. Собирательница партизанских былей, подвижник, какие не переводятся на Руси. Общественная значимость ее вклада в создание летописи народного героизма в годы Великой Отечественной войны известна, также известно участие Елены Алексеевны в литературной жизни нашего края. Достаточно вспомнить, что собранный школьниками под руководством Елены Алексеевны Ивановой материал о Сещинском подполье стал исторической основой художественной книги О. Горчакова «Вызываем огонь на себя». Ее документальные сюжеты получили художественную обработку в военной прозе В.К. Соколова. Она была участницей мероприятий, посвященных жизни и творчеству Ф.М. Достоевского.

Кажется, Елене Алексеевне самой дано было стать писателем. Работа за письменным столом была образом ее жизни. В дневниках, которые она вела всегда, можно найти достаточно глубокий анализ прочитанных книг.

Во многих ее письмах содержится оценка произведений, выдающих ее особое пристрастие к художественной литературе. Есть интересное воспоминание о Елене Алексеевне в книге М. Волоцкого «Хроника рода Достоевского»: «Весьма талантлива. Обладает утонченным вкусом. Очень развита фантазия... Пишет быстро и много (самоанализ!)» (Волоцкой, 1933, с. 263). Для того, чтобы убедиться в литературной одаренности Е.А. Ивановой, достаточно прочитать ее «Автобиографию и автохарактеристику», написанную в конце 1926 года для той же книги (Волоцкой, 1933, с. 265 - 288). Это не летопись жизни, а интригующая читателя повесть о том, как в сложных обстоятельствах вырабатывается духовный опыт личности; это психологическое повествование с безусловными художественными достоинствами. Именно почерк литератора у автора воспоминаний отметили первые читатели, о чем сама Е.А. Иванова писала М. Волоцкому: « Написанную для Вас автохарактеристику я давала читать двум своим приятельницам. Одна говорит, что есть известное самолюбование. Точно я сама отойду от себя на шаг и полюбуюсь. Другая же говорит: « Нет, это Ваша обычная манера писать, тот же тон, как и при составлении школьных характеристик! У Вас всегда какое-то любовное отношение к своему объекту и Вы стараетесь вести читателя за собой, заставить его любить описываемое лицо» (Волоцкой, 1933, с. 295). Неизвестные рецензентки отметили черты уже сложившегося стиля письма Е.А. Ивановой. В этом смысле убедительны характеристики, даваемые

Еленой Алексеевной близким и знакомым ей людям в той же книге. Многочисленные письма Е.А. Ивановой – доказательство ее художественной одаренности, выражающейся в умении подметить «говорящие» детали при описании событий и характеров, в стремлении к обобщению жизненной конкретики и в удачной психологической индивидуализации внутреннего облика человека; она умеет создать целостный образ... Елена Алексеевна сама отмечала в себе писательскую черту «... из каждого маленького события делать общие выводы...» (Волоцкой, 1933, с. 281).

И все же литератором-художником Елена Алексеевна Иванова не стала. Она по-своему распорядилась своим творческим потенциалом. Главным делом жизни Е.А. Ивановой стало собирание партизанских былей, составление объективной картины всенародного героизма в годы Великой Отечественной войны. В своем подвижничестве на этом пути она испытала и горечь обид, и радость дружеской поддержки, сталкивалась с упорным непониманием и переживала счастье народного признания сделанного ею... Она жила полной, содержательной жизнью. Среди тех, кто понимал сложный характер Елены Алексеевны, глубину ее одаренности и трудность ее человеческой судьбы, был брянский писатель Владимир Константинович Соколов (1910 - 1986). Их связывала многолетняя дружеская переписка, которая поддерживала Елену Алексеевну в минуты разочарования и сомнений. Много значили для нее такие строчки из письма В.К. Соколова: «Может быть, те годы, какие нам осталось жить, важнее всех прожитых

годов, и надо прожить их хорошо (по Толстому). Ваш долг жить и работать для людей Брянского края. Здесь Вы будете получать для этого зарядку бодрости, а без этого Вам трудно жить. Уберечь Вас все равно никто не сможет, кроме Вас самих. Помогать Вам будут друзья Ваши, и я среди них буду не последним». Их переписка свидетельствует о том, что он хотел написать о ней книгу. «Милый мой биограф... – обращается к нему Елена Алексеевна. – Говорите, что хотите написать обо мне что-то особенное...» И для В.К. Соколова она пишет «Историю моей жизни»...Замысел не осуществился. Но с глубокой благодарностью следует отметить тот факт, что В.К. Соколов хранил письма Елены Алексеевны, сохранили их и родственники Владимира Константиновича, и теперь в фондах Брянского государственного архива хранится бесценный материал для будущего биографа внучатой племянницы Федора Михайловича Достоевского. В этих письмах мне и удалось найти литературные опыты Елены Алексеевны Ивановой, которые свидетельствуют, на мой взгляд, о судьбе ее художественного дарования. Собственно, это две истории, при написании которых Е.А. Иванова испытывала самочувствие писателя.

Первая-рассказ «Пять минут». В сопроводительном обращении к В.К. Соколову Елена Алексеевна пишет: «Владимир Константинович, мне хочется послать Вам небольшой рассказ. Не знаю, как отнесетесь Вы к нему, понравится ли он Вам. Писала я его довольно торопливо, требуется отделка». (К сожалению, письмо не датировано). Рассказ, действительно, требует доработки. Это слабое,

ученическое, как бы сказал профессионал, сочинение, не выдерживающее эстетической критики, поэтому не стоит приводить его целиком. «Пять минут» - рассказ о неразделенном чувстве любви пожилой женщины к уже немолодому мужчине, о том, что редкие минуты духовного общения с ним дают ей заряд жизненной энергии на долгое время... Но он занят своими делами, и ему трудно уделить ей даже пять минут... Автора интересует не событийная сторона этой истории, а прежде всего психологическое состояние ее участников. (В исторических же былях Елены Алексеевны всегда главенствует событие.) Психологический рисунок в рассказе во многих моментах убедителен; автор видит своего героя, умеет вжиться в его самочувствие, лаконично и точно передает его эмоциональное состояние. Например, начало рассказа: «Виктор Кириллович с облегчением подумал, что шедшее весь день совещание кончается. Он порядочно устал, немного болит голова. Машина, наверное, уже дожидается его... А вечером еще столько работы... Единственный отдых - два часа пути до Калуги...

И вдруг неприятная мысль кольнула его. А Екатерина Александровна? Ведь он обещал заехать к ней, когда он будет в Кедровке. Она, наверное, знает, что он здесь, и ждет его... Огорчится, если он уедет, не заглянув к ней... Эта женщина, кажется, действительно, любит его, любит скромно, ненавязчиво, нежно... В бесконечной сутолоке повседневной работы он не избалован настоящим, серьезным чувством к себе. Но... Сейчас он устал, и ему не хочется встречаться с нею...

Конечно, это ошибка, что он не нашел пяти минут, чтобы сообщить открыткой о своем приезде на совещание. А теперь как сказать любящей женщине, что в те дни он совершенно забыл о ее существовании! Вспыхивает чувство минутной досады: «Наконец, это начинает стеснять его - всегда помнить о ней. Ведь с его стороны ответного чувства нет. Людей вокруг него так много... И солнце всех не обогреет... Он вовсе не обязан каждый раз, когда приезжает сюда, встречаться с ней...»

И хотя решение твердое, Виктор Кириллович чувствует какое-то внутреннее безотчетное недовольство собою, когда садится в машину и приказывает шоферу ехать в Калугу. Вскоре дорога его успокаивает, его опять охватывает поток обычных рабочих мыслей, и он забывает об Екатерине Александровне». Искушенный читатель, конечно же, сразу обнаружит стилистические погрешности, но постепенно начинает привлекать лиризм повествования, ловишь себя на том, что начинаешь сочувствовать героине: «День клонится к вечеру. Косые лучи заходящего солнца чуть пробиваются сквозь тучи. Завтра опять будет плохая погода. Но на душе у Екатерины Александровны светло. Только почему-то в памяти навязчиво встают такие красивые строчки стихотворения: «Вздыхает осень, увядая, Как женщина, уже седая, Но полюбившая опять...» Как это подходит к ней самой! Но разве любовь, настоящая, большая, бескорыстная любовь считается с возрастом? «Мне ничего от него не надо, — думает Екатерина Александровна. — Надо только иметь счастье от редких мимолетных полуофициальных встреч, когда можно

ловить легкие тени внутреннего настроения, скользющие по его лицу, видеть его улыбку, такую мягкую и добрую... А потом вспоминать, вспоминать об этом без конца, жить этими редкими встречами...»

Все приготовления окончены. Он скоро придет... Но часы неумолимо отсчитывают время. Почти совсем темно...»

Мы уже поняли, что ожидания героини напрасны... Признаем, что сюжет весьма привлекателен для того, чтобы раскрыть довольно сложную проблему человеческих отношений. Как, действительно, вести себя мужчине, который понимает, что от него зависит самочувствие полюбившей его женщины, ее образ жизни, но у которого есть свои семейные обязанности? Финальный эпизод рассказа разочаровывает назидательностью. Героиня пишет герою короткую записку, в которой выражает свою, «человеческую реакцию», на его поступок: «...Если бы Вы знали, как мне будет больно, Вы бы так не поступили». Она рассматривает открытку с символическим изображением: «... Китайский вид. Две скалы. Их соединяет висячий мост над озером. Что это? Случайность?...» И последняя фраза, которой заканчивается повествование: «Пять минут, пять минут!» – говорит с горечью какой-то голос в душе».

Тех, кто ждал от внучатой племянницы Ф.М. Достоевского художественных открытий, разочарует этот опыт. Елене Алексеевне изменяет чувство стиля, умение абстрагироваться от личного опыта, сделать отбор жизненных реалий, художественно убедительно

завершить повествование... Известно, как оценил сочинение Елены Алексеевны В.К. Соколов. Но дело не в этом. Важно, что он сохранил рассказ. И сегодня мы можем получить представление о том, как складывалась творческая судьба Е.А. Ивановой, насколько оправданным был ее уход в историю, в мир, где главенствуют факты, а не фантазия.

Интересно и другое сочинение Е.А. Ивановой, которое сохранилось и содержится в двух письмах к В.К. Соколову от 23.09.1967 г. и от 27.09.1967 г. Из ее обращения к Владимиру Константиновичу следует, что он и предложил ей пофантазировать на тему: «Я все думала над заказанной Вами мне темой о любви девушки-дворянки к атаману разбойников. Жаль, что я не знаю основной сюжет Вашей легенды, в какую сторону она развивается...» По-видимому, В.К. Соколов работает над произведением «Атаман Брянского леса». Именно в нем есть сюжетная линия – любовь девушки-дворянки Маши к атаману Акуле. Дав волю своей фантазии, Елена Алексеевна рассказывает свою историю трагической любви наследницы богатой барыни, девушки-сироты Елены, к атаману разбойников, простолюдину Александру. В ее истории, кажется, есть все, что мы назвали бы сюжетными штампами сентиментально-романтической литературы. Одинокая, тоскующая по общению, читающая книги героиня. Деспотичная барыня, хозяйка имения. Встреча героев в глубине парка, у пруда. Первое чувство, выражающееся в почтительной робости героя и «огне восхищения» в его глазах при взгляде на Елену. Ежедневные тайные свидания в глухом

парке. Разоблачение. Трагическая развязка: Александра хватают и увозят в город, приговорив его к смертной казни. Желая разделить участь своего возлюбленного, Елена кончает жизнь самоубийством...

Елена Алексеевна ищет более убедительное художественное решение. Елена в ее записях «выпивает яд» или «бросается в пруд»... Пишет отдельно эту сцену и называет ее «Гибель Елены». Сделаем выписку: «... Елена мечется одна по своей комнате... Все ее существо охвачено нестерпимой болью... Жить, зная, что Саша погиб ужасной мучительной смертью, ежесекундно видеть перед собой его избитого, окровавленного... Немыслимо вытерпеть такую жизнь. С какой бы радостью она приняла на себя все его мученья, погибла бы вместо него... Но судьба слишком жестока. Ей остается одно: оборвать свою невыносимо мучительную жизнь... Но как это сделать? Если бы она была на свободе, она бросилась бы в пруд... Но бабушка может держать ее запертой много дней... Нет, это невыносимо. Этих дней ей не пережить... Никакого яда у нее нет и достать негде... Что делать? Безумные глаза девушки останавливаются на единственной в комнате свече, слабо освещавшей ее комнату... Вот где избавление! И она переживет такую же страшную боль, как и Саша! Избавится от пытки душевной...

Дрожащая рука девушки протягивается к свече. Еще минута, она падает на ее пышное кисейное платье... Это платье и длинные распущенные волосы Елены вспыхивают, как большой костер. Мучительный вопль оглашает комнату... Все кончено».

Приведенный отрывок едва ли свидетельствует о литературном даровании автора, но зато как красноречиво характеризует он личность Елены Алексеевны - образность ее мышления, повышенную эмоциональность, даже экзальтированность, способность увлечься собственным вымыслом... С годами она не потеряла способности переживать минуты истинного творческого вдохновения, о чем пишет в том же письме: «... Зачем дали мне такую тему. Я все время ее ярко переживаю, хотя очень занята другими делами, мыслями, чувствами...» И еще: «Не знаю, поможет ли Вам этот мой рассказ. Но помучилась я, переживая все это, порядочно...»

История, рассказанная Еленой Алексеевной Ивановой, не отразилась на изображении отношений героев в книге В.К. Соколова «Атаман Брянского леса». Характеры героев раскрываются писателем в реалистическом ключе. Маша, полюбившая атамана Акулу, унаследовала от своих предков-дворян качества, развенчивающие в глазах и героя, и читателей ее привлекательность: «Акула все чаще замечал, что Машенька - личность весьма деспотичная и ее мало интересовали чьи-либо мнения и мысли, кроме собственных... А как-то до крови избила девку, которая искусно вышивала атаману полотняную рубашку. Машенька унаследовала от деда и отца высокомерие и невероятную спесь» (Соколов, 1970, с. 228). Любовь Машеньки противопоставлена искренней, самоотверженной, бескорыстной и преданной любви Фроси, в которой нет ничего эффектного, надрывного,

как у Маши. Чувство Фроси глубоко и естественно, именно эта героиня утверждает нравственный идеал автора. Интересно, что в сцене прощания Машеньки и Акулы возникает образ свечи. И если он «подсказан» Еленой Алексеевной, то тем более стоит заметить, как убедителен этот образ у писателя-профессионала, как психологически точна эта художественная деталь, символизирующая надежду и веру в торжество любви: «В окнах хутора горел яркий свет. Много восковых свечей зажгла у иконы Маша.

– Не забудь этот свет, – шептала она, склонив голову на плечо атамана. – Он будет гореть до тех пор, пока ты не вернешься назад» (Соколов, 1970, с.. 239).

Итак, писательницы из Елены Алексеевны Ивановой не получилось. Ее художническое дарование с годами не развивалось, а угасало, о чем и свидетельствуют ее литературные опыты последних лет. Да она и сама не стремилась к этому. Отдадим должное Владимиру Константиновичу Соколову, которому была небезразлична судьба Елены Алексеевны, и он вольно или невольно поддерживал ее творческое состояние и стимулировал попытки творчества. Они же еще раз доказывают, что Елена Алексеевна верно нашла свое дело жизни, и, оставаясь историком-документалистом, в своем призвании была и поэтом, и писателем, и гражданином. В этом качестве она достойно представляет род великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского.

Искренне благодарю дочь В.К. Соколова Г.В. Соколову за предоставленную возможность опубликовать эти материалы, а, главное, за заботу о сохранности эпистолярного наследия ее отца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волоцкой М.В. Хроника рода Достоевского. - М.: Кооперативное изд-во «Север», 1933.

2. Соколов В.К. Атаман Брянского леса. - Тула: Приокское кн. изд-во, 1970.

3. Переписка Е.А. Ивановой и В.К. Соколова хранится в фондах Брянского государственного архива.

Опубликовано в сокращении: Л. Семенищенкова. Из рода Достоевских. – «Брянская Учительская газета», №26 (26), 4.07.2003 г.

Перепечатано: Л. Семенищенкова. Из рода Достоевских. – «Знамя труда» (Дубровская районная газета»), 13.08. 2003 г.

АЛЕКСАНДР САВВИН.
«СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ»

Не стоит доказывать, что тема Великой Отечественной войны никогда не исчерпает себя в литературе. Более того, чем дальше от нас это время, чем меньше остается очевидцев военных событий, тем дороже каждое воспоминание, каждый штрих, дополняющий общую картину всенародной беды и беспрецедентного народного героизма. Все, что доносит до нас правду о защитниках Родины, имеет непреходящую историческую ценность. Кажется, что востребованность такой литературы очевидна. Но давайте признаемся: далеко не все книги пользуются спросом у читателей, особенно у молодежной аудитории, не все они художественно полноценны. Многие читатели знают лишь программные, ставшие классикой, произведения. Читается ли, как хотелось бы, наша брянская литература, в которой военная проблематика в высшей степени исторически оправдана и которая определяет ее индивидуальный характер? А ведь если собрать все, что написано нашими поэтами и прозаиками о Великой Отечественной войне, получится многотомное издание, художественная летопись народного героизма, содержащая богатейший воспитательный потенциал для формирования нравственно-полноценного человека нового поколения.

Поводом для размышлений на эту тему стала

для меня книга А. Саввина «Сильнее смерти» (Брянск, 2001 г.), страницы которой вызвали у меня незабываемый эстетический трепет. Мне захотелось поделиться с читателями своими соображениями об особенностях военной прозы писателя с тем, чтобы, не скрою, внести и свою лепту в утверждение идейно-художественных ценностей, являющихся, на мой взгляд, векторными в литературном движении на Брянщине.

А. Саввин составил сборник из глав знакомого нам романа «Чародеи», рассказов разных лет и воспоминаний. Большинство произведений объединены одной, военной, темой и посвящены памяти тех, кто прошел трудными дорогами войны и сегодня нравственно солидарен с защитниками Отечества. Писатель сам воевал, был несколько раз ранен, награжден орденами и медалями. У автора с таким жизненным опытом всегда есть возможность стать протокольным документалистом, автором исторических хроник, фактографом. Первое, что я хочу отметить: А. Саввин - художник. Он умело обобщает факты, видит в мелких подробностях общие черты, обозначает их выпукло и эмоционально-заразительно. Ему дана способность не увязнуть в фактическом материале и не сделаться пафосно-навязчивым. Это качество имеет разные художественные воплощения. Например, оно обнаруживается в приеме, представляющем переход от изображения общей панорамы событий к частному факту и наоборот. Показателен в этом смысле рассказ «На Брянском направлении». Общей характеристикой состояния военных действий после занятия

гитлеровцами Смоленска начинается повествование. Говорится об общем самочувствии русских людей и захватчиков. Объясняется необходимость создания Брянского фронта. Но вот под пером автора общая картина начинает дробиться. Сначала она отражается сквозь призму восприятия генерал-лейтенанта Еременко, командующего Брянским фронтом; потом общее для всех настроение выражается в поведении его адъютанта, который «выплескивает» свою нервозность на патрульного, простого солдата. Появляется и совсем незначительный персонаж - приبلудившаяся собака, которая тоже вписывается в контекст общего самочувствия: «Ох, как она выла, как выла... Так жутко и надрывно выла, что, казалось, это воет сам сатана.» Каждый, от генерала до рядового, живет своей жизнью, но у всех одна военная судьба. Автор напоминает об этом, переводя повествование в общий план: «... Ночь сгустилась и растаяла, а приказа из Москвы так и не поступило. Положение войск фронта стало еще тревожнее и трагичнее...» В чередовании общих характеристик и жизненной конкретики проявляется завидное мастерство писателя. Общий план как способ художественного обобщения оживляется подробностями, а те, в свою очередь, воспринимаются как часть общей для всех истории.

Что в целом рассказе, то и в изображении отдельного человека: художнический взгляд писателя убедительно «схватывает» в герое индивидуальное и типическое. У каждого персонажа свой, особенный, склад характера. Еще по роману «Чародеи» запомнились

читателям Женька Мошкин, Ваня Аликанов, Николай Борискин, Толя Коршунов и др. В новой книге все они показаны в героических ситуациях, исход которых определила война. Это эпизоды, которые не только создают событийный контекст повествования, но доносят до нас правду о человеке, о том, что делало защитников Родины сильнее смерти. Прежде всего это чувство ответственности за судьбу других. Оно подспудно живет в каждом положительном герое А. Саввина; в критические моменты герой делает выбор в пользу общего дела. Лейтенант Госьков («Ревизия») ценой своей жизни останавливает вражеский танк. Толик Коршунов («Сильнее смерти») взрывает поезд с гитлеровцами, шагнув навстречу паровозу. Трудно было решиться Женьке Мошкину («Родная кровь») уничтожить предателя, ведь Латышев - его родной дядя. Но у Женьки нет выбора... Подчинить свой личный интерес общей идее - характерная черта человека, защитника своей земли. Мотивы героических поступков сходны, однако художественная разработка соответствующих эпизодов в книге различна, и поэтому общие черты под пером автора приобретают индивидуальную окраску. Подвиг лейтенанта Госькова показан со стороны, глазами других бойцов, наблюдавших за ним из укрытия. О чем думал Госьков и что переживал в последние минуты своей жизни? Неизвестно. Отсюда авторские оговорки «кажется», «боязно ошибиться, но надо полагать». Отсутствие психологической детализации позволило автору сконцентрировать внимание читателя на аллегорическом смысле поступка героя: подвиг Госькова

- это подвиг русского народа: «... Госьков взметнул на дамбу, не спеша поднял большие крючковатые руки, двинулся навстречу врагу. Он шел, обряженный в посконный, безмерный русский наряд. Ветерок колыхал его беспоясную белую рубаху. Заскоружные холщовые штаны несмело колыхались при каждом его шаге. Танк, шедший навстречу ему, притормозил и остановился...»

По-другому представлен поступок Толика Коршунова. Автор раскрывает в подробностях психологическое состояние героя. Вот он не успевает укрепить мину, и на лбу его выступает холодный пот, «сердце замирает от надвигающейся жути». Вот он засмеялся от счастья, что все удалось, а потом «с ужасом почувствовал, что счастье его обмануло» - шнур потянулся за ним. Слышим мы и последние слова Толи: «Что ж, не судьба. Подобьем бабки». И самая обыденная фраза, не раз произносимая в быту, приобретает особое значение: герои среди нас, значит, их немало. Как интересно «перекликаются» слова саввинского текста, эхом «отзываются» друг другу в художественном пространстве книги. Госьков рванулся к танку, «взмахнув, как крыльями, длинными руками...» Коршунов «птицей взмыл на дамбу», да и фамилия у него не случайно птичья. И Ивана Бакунина («Значит, будем жить») «толкала в атаку неведомая сила, окрыляла его...» Как много у нас «крылатых» людей! Сплыв индивидуального и общего в реализме А. Саввина - показатель его высокого профессионального мастерства. Молодым писателям, обращающим к героике военных лет, есть чему поучиться у мастера.

Художественные картины А. Саввина спаяны его гуманистической концепцией жизни. По мере чтения книги у читателя крепнет убеждение в том, что война есть самое большое зло на земле, потому что каждая победа неизбежно дается ценой чьей-то жизни. Всечеловечна мысль писателя о том, что дороже этой жизни ничего нет. Показывая великое противостояние народа захватчикам, А. Саввин то мелким штрихом, то выпуклой деталью, то отдельным сюжетом утверждает идею: кто умеет ценить жизнь, тот всегда сильнее. В рассказе «Ваня Аликанов» есть выразительный эпизод. Перед смертью Ваня делает свой последний выстрел: «Он выстрелил, однако почему-то не в нападавших, а в воздух. И выстрел был так неожиданен и ошеломляюще громок, что Аликанов вздрогнул от испуга». К выстрелам нельзя привыкнуть даже на войне. Выстрелить в человека так же противоестественно, как и погибнуть от пули. Как точно найдена художественная деталь! Мне кажется, смысловой кульминацией в этой теме является потрясающий внутренним драматизмом диалог между партизаном и командиром в рассказе «Значит, будем жить» о родившемся ребенке, которого кто-то из отряда предложил «аннулировать», чтоб тот своим писком случайно не выдал отряд. Вопрос, поставленный подостоевскому: «Стоит ли будущая гармония жизни одного только что родившегося ребенка?» И писатель находит слова, удовлетворяющие читательское ожидание вполне. Приказом звучит ответ командира. «Я тебе аннулирую, - прошипел он. - Иди и плюнь тому мерзавцу в морду, у которого повернулся язык сказать эдакое. Ну,

чего стоишь?! Шагом марш. И смотри, чтоб мальчишка был жив. Доложишь.» Этот диалог не об одной жизни, а о целом народе. Сильнее смерти те, кого объединяет стремление не уничтожить, а сохранить жизнь.

Л.Н. Толстой считал, что задача художника - эмоционально заряжать читателя. Хочу подчеркнуть: книга А. Саввина пафосно-полноценна. Помимо волнующих событий, в произведениях есть патетические обобщения автора, наполненные то негодованием, то радостью, то откровенным патриотическим чувством, гордостью за свою страну и ее армию. Это изумительные фрагменты повествования. «Вот оно, началось то самое». Теперь, если налечь всем миром, надавить плечом, так и пойдет, загремит в обратную сторону ненавистная фашистская орда на радость добрым людям Думалось русским воинам» («Люди единой воли»). Или: «Поражение немцев на подступах к Москве с новой силой всколыхнуло партизанское движение. Яростным ключом вскипела Брянская земля под ногами оккупантов. Из края в край запылали партизанские костры, зашумев, заволновался дремучий Брянский лес, дыбом встали города и села Брянщины. На двести верст с запада на восток и на сто - с севера на юг раскинулась Брянская партизанская республика» («Тяжелые годы»). Близкий к сказочно-былинному, слог передает эмоциональный настрой автора и его героев. Это стиль, свойственный прозе Н.В. Гоголя («Тарас Бульба»), А.К. Толстого («Князь Серебряный»), романтическим произведениям М. Горького («Легенда о Данко»)... «Партизаны шли спорым армейским шагом, беспрестанно оглядываясь на

огромное багровое зарево, разлившееся от края до края. Люди шли час, два, а зарево не меркло, не уменьшалось. Оно, казалось, вот так будет сиять вечно, всю жизнь, как те далекие немеркнущие звезды, как память об отважном партизане Коршунове, который ушел неведомо куда, сгорел, чтоб было светло другим» («Сильнее смерти»).

Я люблю саввинские пейзажи. Картинные, написанные широкими мазками, они величественны и маняще-загадочны. Они вносят в повествование торжественную ноту, символизируя неистребимое стремление человека к красоте, покою и счастью: «Впереди, до самого горизонта широко и привольно раскинулась степь. Она играла и пела. Налившееся жаром солнце катилось в голубых просторах ликующего дня, раздвигая небесные и земные просторы. Высоко над головой, не шевеля крыльями, парил орел. Он зорко осматривал хозяйским взглядом свои владения, ходил по спирали, забирался в голубую звень» («В большой излуине»). Такие пейзажные вкрапления, как музыкальные аккорды, озвучивают авторское неприятие того, что называется словом «война», что противно природе и здравому смыслу. «Солнце, жаркое и лучезарное, легко парило над землею. В бездонной синеве плавала отара полногрудых барашков. Они даже не плавали, а неподвижно висели в выси, задумчиво и скорбно обозревали землю. Они, казалось, что-то знали, что-то хотели и не могли сказать...» («Сильнее смерти»). Автор поэтически чувствует слово, оно приобретает у него метафорический смысл, близкий к аллегориям народного эпоса.

Мне кажется, А. Саввин особенно раскованно чувствует себя в народной языковой стихии. Оттого всегда радостно-узнаваема речь его героев. Она индивидуализирована, социально и профессионально убедительна, но в ней всегда есть что-то общее для всех, коренное, свойственное людям сходного мироощущения, соотечественникам, почерпнутое именно из ресурсов народного языка. Подслушанные автором крепкие и выразительные словечки обнажают самую суть явления, речевая образность завораживает, убеждает нас в неистощимости воображения и мудрости человека, которого нельзя подчинить силой. Он до всего должен дойти сам, «пораскинуть умом»: «Ты, парень,ловишь меня из-за фабричной трубы. А казаки живут в чистом поле. Казаков на мякине не словишь. Они никогда спроть державы не шли. Ну, были в гражданскую войну колебания и шатания. А кто тогда не шатался?.. Узнай, где найдешь, где потеряешь. Узнай, где зарыта твоя судьба. А судьба, она стережет, чтоб тебя раз - и к своему месту приставить. С судьбой не шути...» («В большой излуине»). Изумителен словесный юмор А. Саввина, непереводимый на иностранные языки. «Цыц, старая головешка! - осерчал дед и, расправив тощую грудь, топнул лаптем. - Какое ты имеешь полное право дерзкие слова выражать? Кто ты? Уполномоченный или Советская власть?! Сехта, проклятая!.. У нас самих пятеро на войне. Аль ты забыла? Двое на линию гвардейских офицеров вышли. Это как понимать?!» («Музыкант»). Сами герои А. Саввина наделены чувством юмора. Он в репликах-характеристиках, словесных посланиях

в адрес фашистов... Они воспринимаются лишь в контексте, поэтому предоставим читателям возможность самостоятельно насладиться россыпями словесного искусства героев книги и еще раз убедиться в авторском умении передать своеобразие языка и мышления народа.

Рассуждая о художественных достоинствах прозы А. Саввина хочу отметить ее драматургичность. В процессе чтения у меня не раз появлялась мысль, что по сюжетам писателя можно было бы написать хороший сценарий для фильма или спектакля. В них много правды, идущей от жизненных впечатлений, знания человеческого характера и нравственного чувства. Есть в рассказах А. Саввина зрелищные моменты, психологические сцены, эпизоды, полные динамики внешнего и внутреннего действия. Тот же словесный юмор и комедийные положения...

На мой взгляд, особого внимания заслуживает рассказ «Погибшая мечта» и его герой Степан Сергеевич Сыроежкин, знакомый нам по роману «Чародеи». В новом произведении из большой жизни героя высвечены ключевые эпизоды, его судьба получает свое завершение - Сыроежкин умирает. Через все жизненные испытания Степан Сергеевич пронес одну мечту - открыть свое торговое дело. Мечта зародилась еще в дореволюционное время; он пронес ее через жизнь при советской власти и оккупации. И вот, наконец, Сыроежкин получил ваучер и, казалось бы, возможность осуществить мечту. И что же? Не сориентировался дед Сыроежкин в новой исторической ситуации, сдал свой чек в банк и совершил «свою трагическую ошибку». «Благодетели-банкиры»

сбежали вместе с его процентами. Погибла мечта. А Степан Сергеевич, выходит, прожил жизнь зря, оказался как будто лишним в общем течении жизни, «не у дел». Почему эгоистическому мирку Сыроежкина не нашлось места, где бы он заявил о своей значимости? И жил-то он рядом со всеми, да всегда сам по себе... Осмелюсь предположить, что А. Саввин обозначил в литературе новую разновидность «лишнего человека», трагедию которого определяет меркантильность устремлений, сосредоточенность на своем личном, отдельном от других. В этом отличие героя А. Саввина от «лишних людей» в русской классике, которые в силу различных причин не могли реализовать свои недюжинные способности, ум и нравственные достоинства. В решении проблемы классики уповали на отдаленное будущее, у Сыроежкиных же нет будущего. Думаю, рассказ «Погибшая мечта» мог бы стать «хрестоматийным», разговор о герое в школе был бы исключительно актуальным.

Пытаясь спрогнозировать литературную жизнь книги «Сильнее смерти», с некоторым сожалением отмечаю, что жизненный опыт, положенный в основу ее содержания, более близок читателям старшего поколения. Например, много похвальных слов можно сказать автору за воссоздание в книге женской судьбы военного времени. Проникновенно, сочувственно показаны женщины, вынесшие ужасы войны и не утратившие своего жизнелюбия, достоинства, чувства причастности к героическому времени. Это образ Анисьи Петровны в одноименном рассказе, Ганны и

Лизы («В большой излучине») и др. Но мне кажется, что отношения мужчины и женщины показаны несколько приземленно, не удовлетворяют литературному вкусу романтически-настроенной молодежи. Хотя, конечно, не дело писателя - подстраиваться под вкусы читателей. Совершенно очевидно, что автор верен открытой ему правде жизни. В этом проявляется его писательское достоинство и сила его реализма. А в конечном итоге время - лучший здесь судия.

А. Саввин сегодня - член Союза писателей России, наставник молодых; он лауреат премии имени А.К. Толстого «Серебряная лира» 2001 года. Он в расцвете творческих сил. Ждем от него новых книг и художественных открытий.

Опубликовано: Л. Семенищенкова. Александр Саввин. «Сильнее смерти». – «Вестник БГУ», № 1, 2003. – Брянск: Изд-во БГУ, 2003.

То же: Л. Семенищенкова. О книге А. Саввина «Сильнее смерти». – «Пересвет». Областной литературно-художественный и общественно-политический журнал, № 1, 2004. – Брянск: 2004.

**«ЗОЛОТАЯ ТРОПА»
СТЕПАНА КУЗЬКИНА**

(О новой книге трубчевского поэта)

Степан Павлович Кузькин живет на Брянщине, в старинном городе Трубчевске. Он Заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России, руководитель трубчевского литературного объединения «Горизонт», родоначальник праздника народного искусства и поэзии «На земле Бояна» в родном городе, лауреат литературной премии «Серебряная лира», обладатель Шолоховской медали. Новая поэтическая книга С. Кузькина «Золотая тропа» (Брянск, 2006) – событие в литературной жизни Брянщины.

Высокие награды и премии для истинного поэта – не цель, а всегда повод к раздумьям об ответственности перед читателями, стимул к творческому росту. Новая книга С. Кузькина «Золотая тропа», конечно, в какой-то степени итоговая: она достаточно объемная, в ней собраны стихотворения и поэмы разных лет. На суд читателя представлены произведения сложившейся поэтической личности. В то же время книга убеждает, что автор не остановился в творческом поиске, не успокоился, он открыт новым впечатлениям. С. Кузькин идет по своей жизненной тропе, как первопроходец, радуя нас своими поэтическими открытиями, духовными озарениями, окрыляя любовью к жизни. Это поэзия живой души. В сегодняшней ситуации на книжном

рынке заметнее становится неподражительность в творчестве, нежелание писателя угодить литературной моде, «подыграть» читательской публике, которой интересны в поэзии аномальные психологические состояния, безудержные страсти, все, что раздражает воображение и «подогревает» внутреннюю агрессивность или подпитывает депрессию. Совсем недавно в авторитетнейшем столичном журнале я прочитала такое:

...Это я, ясновидящая истеричка,
Как из смерти смотрю на развитие пьесы
И рыдаю. Меж тем, полируя рельсы,
Голосит близлетающая электричка.
Альт играет. Всему этот альт – затычка.

Не будем называть и уважаемого автора столь пронзительных строк – подобных примеров в нашей современной поэзии великое множество. Кто станет отрицать, что сегодня в литературе ощущается дефицит добрых чувств как следствия нормальных человеческих отношений? Современный человек как никогда нуждается в духовных опорах. Отрадно то, что российская поэзия многолика. Кого-то несет в никуда «близлетающая электричка», а кто-то спокойно идет по тропе от отчего дома в большой, сложный, но – мир. Среди них – Степан Кузькин. В его творчестве наглядно отражаются особенности целой ветви российской поэзии, идеи и образы которой прежде всего выражают неразрывную связь человека с духовным наследием своего народа, близость к родной земле, патриотическое чувство к Родине. В своих заметках о книге «Золотая

тропа» мне хотелось показать, что поэт с чувством родины никогда не теряет нравственного стержня; любовь к родине – надежный вектор на творческом пути; привязанный душой к отчим местам – сеятель добра на земле.

Русскость художественной реальности – вот то, что является первоначальным впечатлением от книги. Знакомый пейзаж на обложке (работы художника С.А. Кузькина удивительно созвучны содержанию и настроению сборника). Названия разделов: «Соборная гора», «Мое родное Подесенье», «Русское поле»). Названия стихотворений и поэм: «О Русская земля!», «Славянская вязь», «Собор», «Славянка», Балалайка», «Духов день», «Жар-птица», «Живая вода», «За сеном», «Жито», поэмы «Чижовская мельница» и «Катерина» (Плач о любви и гибели русской крестьянки) и т.д.

Гордостью за свою причастность к славянскому братству проникнуты лирические размышления поэта о прошлом родины. Исторический блок стихотворений открывает сборник не случайно. Стихотворения «Соборная гора», «Межа», «Курганы», «Красная Глебовна», «...В сердце хлынут былины», «На холмах» и другие – это разговор с читателем о главном. В прошлом истоки дружбы славянских народов, их неистребимой силы; в нашей истории много общего. Сегодня, когда «течет печаль по городам и весям – // Блестит межа, как чешуя змеи» («Межа»), – граница, разделяющая народы, очень важно, чтобы мы не забыли уроки прошлого, чтобы в душах наших не иссякло чувство родственной привязанности друг к другу. Поэтические строчки С.

Кузькина «заражают» нас этим чувством, переживание лирического героя передается нам: «И когда в тихом парке старинном // Тронет чуткие струны Боян, // Из глубин в сердце хлынут былины // И далекие песни славян» («...В сердце хлынут былины»). Стихотворения С. Кузькина в большинстве не декларативны, потому что **для поэта славянская тема – часть его собственной жизни**. Гости праздника «На земле Бояна» – друзья, их становится все больше, потому что притягивает атмосфера дружбы и творчества в литературном объединении «Горизонт». Осуществление связи славянских народов – трудная и радостная практика, воплощающаяся в оригинальные художественные образы. Например, замечательное стихотворение «Читаю украинский календарь...» построено на созвучии слов из украинского и русского языков:

...Сверкают самоцветами слова,
И каждое – как драгоценный камень...
Когда к Яриле тянется трава –
Знать, косу точит звонкий месяц травень.

А снизойдет на яблони покой,
Сады осыплют розовую кипень –
Расслышу гуд: то с липы золотой
Душистый мед собирает в соты липень...

Слова перекликаются, как в приветливом разговоре, и стираются границы между людьми... Может быть потому, что С. Кузькин сам участвует в укреплении

славянского содружества, так оптимистичен его взгляд в будущее:

Брянский лес –
голубое в озерах Полесье.
Не вспахать между нами межи.
И над Марьей, Оксаной, Олесей
Не кружить воронью, не кружить.
(«Снова сосны шумят»).

Или:

...Снова межи да рвы по славянскому полю,
Снова ворог плетет паутины границ,
Но крепки наши корни, одна у нас доля,
Пьем мы воду живую из светлых криниц.
(«Через дымку столетий»).

Хочу подчеркнуть: в поэзии С. Кузькина славянская тема не спекулятивна, так как она оправдана подвижнической деятельностью. Может быть, поэтому в его стихотворениях много строчек прекрасных, озаряющих жизнь высоким смыслом.

Другая тема, определяющая высокий нравственный градус поэзии С. Кузькина, – тема деревни. «Провинциальная», немодная тема. Конечно! Здесь нет «близлежащих электричек» и широких магистралей – есть поля, трактора, кони, тропинки... Нет звучащего «альта», а звенят птицы, шумят деревья... Здесь нет места депрессии – некогда скучать. Здесь природа успокаивает, умиротворяет... И как-то неуместно давать

волю «безумным страстям» (литературный штамп). Сегодня на территории деревни трудно прижиться автору, которому нужно непременно чем-то поразить воображение искушенного в литературе читателя – все как-то старо. Исписано-переписано С. Есениным да Н. Рубцовым... Но зато **сегодня деревня – это территория любви.**

Жизненные тропы С. Кузькина неизменно, куда бы ни забросила его судьба, ведут в родные места:

Забывтый Богом край мой древний:
Поля, пролески, вновь поля...
Над речкой тихие деревни –
Скупая отчая земля.

Мое родное Подесенье,
Мои здесь тропы пролегли...
(«Подесенье»).

Есть одно свойство поэзии, которое не доказывается логическим путем, – искренность. Ее можно только почувствовать. Зато равно чувствуется и фальшь. Читателя невозможно обмануть искусственной строчкой. С. Кузькину силой таланта удастся найти слова, адекватные любви. Мир деревни в его изображении притягателен естественностью ритма жизни, открытостью и добротой людей, неповторимой красотой природы, героической историей. И еще российская глубинка – хранилище духовного наследия дедов и отцов. Стихотворения «Деревня», «Вдова»,

«Сын приехал», «Я хлебов не забыл язык» и многие другие – не назидания тем, кто уехал, отвык, оторвался, забыл... Лирический герой как будто ведет диалог со своей совестью. Он передает свое самочувствие, и в его желании повиниться перед родной землей угадано чувство каждого человека, в ком есть совесть. Как художнику С. Кузькину дано говорить о глубоко личном и в то же время об общем. Разве не в деревне – родословные корни большинства из нас?.. Разве не о себе мы читаем:

Я редкий гость в родной моей деревне,
Где никакой почти уже родни,
Где без меня состарились деревья,
Над речкою роняя тихо дни.

Из окон здесь, крест-накрест позабитых,
Меня никто не позовет теперь,
И только редким скрипом позабытым
Колодезный окликнет журавель.

Да где-то конь уздечкой звякнет глухо –
И вряд ли кто-то уведет коня...
И кажется, что каждая старуха
С немым укором смотрит на меня...
(«Деревня»).

Есть за что нас укорять, потому что в умирающей сегодня деревне – истоки нашей духовной крепости.

Это понимает лирический герой С. Кузькина: «Не обучен пахать и сеять, // Но с косою пройтись могу. // И Евангелие от Матфея // Прапрабабкино берегу...» («Я хлебов не забыл язык»).

В лучших стихотворениях из деревенской лирики С. Кузькина есть грусть, но нет уныния, угнетающей тоски, и нет воинственности. Есть художественно убедительные картины, вызывающие сопереживание и пробуждающие забытые чувства, суть которых – уважение к крестьянину, его жизнетворящему труду на земле. В нашей, брянской, современной поэзии о российской глубинке С. Кузькину принадлежат вершинные художественные обобщения, как, например, изумительное, на мой взгляд, стихотворение «Ветряк»:

Стоит ветряк. Один на всю округу.
И машет, машет из последних сил...
Но нелегко мне, – нелегко, как другу,
Сказать, что час его давно пробил.

Что загостился он на косогоре
И вот теперь почти что не у дел,
Что все трудней ему с ветрами спорить –
Хотел бы он того иль не хотел.

А он все ждет на взгорье терпеливо,
Когда конец безветрию придет.
И вздрогнет он. И крылья торопливо
Завертятся, цепляя небосвод.

Глубокое понимание значения крестьянского труда отражено в стихотворениях «Суходол», «Бабы», «Сенокос», «Родина моя», в поэме «Чижевская мельница». Поистине с Некрасовским сочувствием изображен мир деревни в этих и многих других произведениях, например, в поэме «Катерина». Такая литература напоминает нам о сыновнем и дочернем долге перед землей-матерью. И речь идет не о том, чтобы вернуться в деревню и пахать землю. Поэт ведет с нами разговор о памяти, душевной отзывчивости, духовной связи, которые укрепляют наш нравственный статус, где бы мы ни жили и чем бы ни занимались. «Поклонитесь, люди, русской матери, // Выстрадавшей в детях доброту», – говорит другой наш поэт – Александр Мехедов. Об этом и стихи Степана Кузькина. Тема российской деревни очень характерна для брянской поэзии; в русле этой темы у наших поэтов много художественных находок. Поэзия С. Кузькина доказывает, что тема деревни неисчерпаема в литературе.

Национальным чувством проникнута пейзажная лирика С. Кузькина. Природа в книге «Золотая тропа» преимущественно деревенская. Здесь есть пейзажи-настроения («Когда лучи пообломают солнце...», «А на ветру волна крута...», «Ах, как нетерпеливо жду я лета!» и др.), пейзажи-раздумья («Вяз», «В глухую стынь...» и др.); пейзаж – часть мира детства («Припоминаю в стылом детстве осень...» и др.). Пейзажем опозитизирован крестьянский труд в стихотворениях «Сенокос», «Жито», «Раздобрела земля, разомлела...» и др. В пейзажах С. Кузькина нет однообразия. Это всякий раз новая

картина, новый поворот мысли, неожиданное открытие-обобщение. В художественной конкретике С. Кузькина много знания. У него не растения вообще, а чабрец, овсяница, медуница, мятлик, донник, ландыш, полынь, пустырник... Все наше среднерусское разнотравье! Потому что любить вообще нельзя (отсюда, как правило, риторика и литературные штампы в поэзии!) Но в конкретике С. Кузькина нет и фотографичности. Идешь вместе с поэтом по его тропе и вдыхаешь аромат луга, поля, любишься цветком, трогаешь рукой ветку березы... А он вдруг заставит нас вспомнить о чем-то забытом и очень дорогом, переводя нас «на территорию» большой и важной темы:

...Чистота и невинность ромашек,
Кашки розовой пенный прибор.
Рыжей шапкой с пригорка помашет
В дымно-сизом бреду зверобой.

Васильковая сладость по житу
Да сухой перезвон погремка.
Над землей в знойный полдень разлита,
Словно древняя песня, тоска.

У воды загляжусь на купаву
И давнишнюю вспомню мечту:
В лес пойти под Ивана Купалу,
Встретить папоротник во цвету.
(«Половодье и красок, и света...»)

Проходят века, все так же цветут травы, все так же щедра земля, но мы утрачиваем связь со своими древними корнями, мы все дальше от исконных традиций... Стихотворение – об этом!

Умение обобщить конкретику отличает настоящего мастера, в этом качестве лирика С. Кузькина очень поучительна для начинающих поэтов.

Замечательны психологические пейзажи в книге «Золотая тропа» и пейзажи-размышления: «Гроза», «Чуть качнет овсяница метелкой...», «Ручей», «Ранние журавли», «Цветет цикорий», «Ожидание», «Предзимье», «Снег» и др. У природы свои законы, но она помогает лирическому герою осмыслить свое самочувствие, понять свой жизненный опыт. В стихотворениях С. Кузькина всегда есть художественно убедительная соотнесенность жизни человека и природы. Излюбленное образное средство языка – олицетворение – не формальный прием. У лирического героя есть постоянная потребность общения с природой, она для него добрый собеседник, которому можно доверить тайну самых сокровенных дум и настроений: «До полуночи сидеть бы просто так, // Будто песню, слушать шорохи земли... («Хорошо бы посумерничать в глуши...»); «Где-то стая закружится надо мной, // Над Трубчевском, над заречной стороной. // А журавль меня окликнет – отзовусь: // Значит, есть с кем разделить на свете грусть» («Апрель»); «Хоть в заполье мой дом не с краю, // Я хлебов не забыл язык, // Долго ночью не засыпаю, // Если колос от жажды сник» («Я хлебов не забыл язык»); «...В речушке светлой ветер гладь

встревожит, // И пролепечет сбивчиво листва: // Не виноват... Но все же, все же, все же // Роняю с губ повинные слова» («Деревня»); «Признает ли меня в логу криница // И по-над нею темный куст ольхи? // Как пращур, стану на него молиться, // Чтоб отпустило поле мне грехи» («Ах, как нетерпеливо жду я лета!»)... В природе есть «душа», «любовь», «язык»: «...Когда я слышу старой липы скрипы, // Шуршанье обветшавших веток-жил, // Я думаю: была ль при доме липа? // Иль старый дом при юной липе был?» («Липа вековая»). Это в традиции народной поэзии – олицетворять природу. Таким образом в книге «Золотая тропа» обнаруживаются слитность авторского и народного мировосприятия. Проявляется она и в признании поэтом главенствующей роли природы в нашем сообществе.

Автор чутко улавливает процессы увядания и обновления в природе, видит ее непрерывающееся движение, определяющее ритм нашей жизни, властвующее над нашими чувствами и мыслями. При этом общение с природой плодотворно для лирического героя:

...Держался снег за купола Собора,
Страшась сорваться долу с высоты.
И за Десной в распахнутых просторах
Под белой ношей шли и шли кусты.

И я побрел за ними по-над лугом,
По белому безмолвью, не спеша.
И медленно, как зяблая пичуга,

Оттаивала стылая душа.

(«Снег»).

В фольклорной поэзии природа – целительница; у нее ищут заступничества, успокоения, вразумления. Природа всесильна и щедра, она независима в своих проявлениях. Человек всего лишь ученик, и ученичество это дорогого стоит. С. Кузькин умеет восхищаться природой, поклоняться ей, идти к ней как в храм, чтобы утешить боль души, для него естественно «исповедаться пред тихую зарей» («Хорошо бы посумерничать в глуши...»)... А вот в стихотворении «Межсезонье»: «Лишь береза у моей калитки // Золотом пылает, как свеча. // Встать бы перед нею на молитву, // Преклонив колени, помолчать».

Великолепны стихотворения, в которых соотносённость жизни человека и природы превращена в аллгорию: «Цветет цикорий», «По косогорам, по оврагам...», «Вяз», «Ручей»... **У С. Кузькина умный пейзаж, например:**

Метель всю ночь металась и стонала,
В трубе протяжно пела нараспев.
Но выдыхалась – и тогда устало
О стены дома терлась, присмирев.

Позамело дома почти под крыши,
Дороги в чистом поле занесло,
Но кто-то первым за калитку вышел
И первый след оставил за селом.

Он вышел в путь, когда ночное небо
Еще не тронул медленный рассвет,
И потому прямым порою не был
Тот, наугад проложенный им след.

Трудно определить, какое время года более любимо автору. Замечателен зимний цикл стихотворений, хорош осенний, и весенний, и летний... И секрет, наверное, в том, что образ природы в книге «Золотая тропа» – тоже образ Родины, которая дорога всегда. **Отношение лирического героя к природе совершенно характерно для русского человека**, привыкшего к постоянным переменам погоды, ждущего этих перемен. Есть в книге два стихотворения: «Пурга» и «Ах, как нетерпеливо жду я лета!» В первом читаем: «Колокольчик бы из-под дуги // Да гармонь, прибаутки со смехом... // Так давно не бывало пурги, // Так душа истомилась по снегу!» А во втором: «Ах, как нетерпеливо жду я лето! // Мечту храню, как на ветру свечу. // Вот подтяну винты велосипеда // И в отчую деревню укачу». А каким гимном весне звучат строчки:

Еще февраль. Еще снега без края.
Еще дымит поземка над полями...
Но хмарь небес, как веником, сметая,
Березы машут гибкими ветвями.

И синь сочится, затекая в рощи,
Большак в голубизне сугробов тонет,
И гуси шеи в полыньях полощут

И голоса сливают в перезвоне...

(«Еще февраль...»)

Так радуется переменам русская душа. Она не любит застоя, межсезонья, когда «уже как будто бы не осень, // Но не видать зимы еще. // И лист, морозом обожженный, // Не ожил вновь и не зачах» («Ожидание»). Когда нет «ни конца, ни края межсезонью», то «зябнет оголенная душа» («Предзимье»). Характерно завершается стихотворение «Ожидание»: «Хотя б скорее выюги, что ли, // Чтоб на рассвете снегири, // Качая былки в снежном поле, // Клевали б капельки зари». И в другом стихотворении: «Вокруг такая тишина, // Как в первый день Творенья. // Душа пронзительно ясна // И жаждет обновления» («Не гуси ль это над селом?»). Ожидание перемен создает в поэтическом мире С. Кузькина эмоциональное напряжение, которое разрешается радостью обновления мира и души: «Светло в селе. Светло за поворотом. // Намаявшись, легла в постель земля. // И вряд ли мне уже напомнят что-то // Набрякшие тоской дождей поля...» («Ушли под снег и луг, и конопляник»). Пейзажная лирика С. Кузькина народна по содержательной сути, поэтому оправдано использование им художественных средств языка, приближающих стихи к народной поэзии: песенной ритмики, народно-разговорной лексики, изобразительно-выразительных языковых средств, характерных для русской народной сказки и лирической песни (повторы, постоянные эпитеты, художественный параллелизм и др.); не удивительно использование фольклорных образов (разбойник-ветер, Жар-птица, богатыри, Змей Горыныч...). Как песня поется:

Хорошо бы посумерничать в глуши,
В одинокой, похилившейся избе,
Чтоб на версты в жарком поле – ни души,
Чтоб ни сам ты не был должен, ни – тебе.

Чтоб в раскрытое окошко мгла текла
И копилась, обдавая горячо,
Чтобы долго не спалось перепелам,
Чтобы думать не хотелось ни о чем...
(«Хорошо бы посумерничать в глуши...»)

Стихия народного поэтического языка заставляет нас посмотреть на явление другим зрением, ощутить связь времен и осознать свою причастность к историческим процессам разрушения или восстановления:

В глухоманном переулке – три избы,
Три забытых Богом-Господом судьбы.
У горожи и под вечер не остыл
Разогретый душным солнцем чернобыл.

У горожи, у тропы, куда ни кинь, –
Подорожник, да пустырник, да полынь.
Я по следу непримятому пройду,
Чуть затрону травы горькие в цвету...
(«Травы горькие»).

Пейзажная лирика С. Кузькина неотделима от темы родины и воспринимается как ее продолжение или

развитие. Поэтому при чтении все время чувствуешь смысловую доминанту сборника.

Отношение к родине, художническая чуткость к словесной образности народного языка, нравственный потенциал личности С. Кузькина сфокусировались, на мой взгляд, в одном слове как лейтмотиве всей его лирики – **ЗОЛОТОЙ**. В русской народной сказке этот постоянный эпитет имеет символическое значение – он цвет красоты, радости, добра. Золотой россыпью просвечено художественное пространство книги. «Городище. Зной - раскосый ворог // Будто в небе разложил костер. // Изнывают меловые горы, // **Золотом крестов** горит Собор» («Собор»); «Звезды, как яблоки, падают // Лету в **подол золотой**» («Ранние яблоки»); «С **круч золотисто-рыжих** // В донник нырнула тропа» («Августовское утро»); «Так приезжай. Давно перепелов // Ты не слыхала **в золоте пшеницы...**» («Я чувствую, что мне ты позвонишь...»); «Бахромой из солнечного шелка // **Золотая** задрожит **пыльца**» («Чуть качнет овсяница метелкой...»); «Заметет пурга под стоны листья – // **Золотые дни** в моей судьбе...» («Как в горячке, осень отметалась...»); «Нет. Ничто за дымкой не растает, // И ничто не порастет быльем: // **Женщина**, от солнца **золотая**, // Журавли **над золотым жнивьем...**» («Как в горячке, осень отметалась...»); «Насыплю **зерен золото** в кормушки // И залюбуюсь, стоя в стороне» («Ушли под снег и луг, и конопляник...»); «Пчелы **гудом** отзовутся **золотым...**» («Апрель»); «И по ночам все глуше вздохи-всхлипы // О запропавшем **лете золотом**» («Липа вековая»); «А не она ль была стройна

и юна, // И **золотые пчелы** день-деньской // Звенели, как натянутые струны, // В залитой медом **крене золотой?**» («Липа вековая»)... «Жаль, **золотая пора** листопада // Снова прошла, как остудная дрожь» («Темень застыла, хоть пробуй на ощупь...»); «Во дворе городском // Вдруг заржет жеребенок - // И прольет на округу // **Золотистую звень**» («Жеребенок»); «...Вызреет **на солнце золотом** // Красная смородина – сначала, // Черная смородина – потом» («Красное и черное»); «... Отяжелело облака плывут // Над озимью – и задевают всходы. // Взметнет ли снова к небу храм главу? // И купола сверкнут ли **позолотой?**» («Храм»)...

Много «золота». Золотые купола, золотое солнце, золотая клетка, золотое поле, «**Золотая тропа**»... Как точно, на мой взгляд, название сборника отражает и нравственный, и эстетический вектор творческих поисков С. Кузькина. В разделе книги «Межсезонье» есть стихотворение с таким же названием: «В старом парке листья отплясали, // Панихиду ветер им отпел. // Женщина с печальными глазами // Вдаль прошла по золотой тропе»... Однако, закрывая сборник, понимаешь, что это не та «золотая тропа», по которой мы прошли вместе с лирическим героем С. Кузькина, вернее, не только эта тропа, на которой он увидел женщину с печальной и загадочной судьбой. «Золотой» – это цвет самого дорогого, самого любимого, что было и есть в судьбе. **Это цвет родины.** В очевидном пристрастии поэта к фольклорному эпитету тоже обозначилась русскость его поэзии (как в «золотой рыбке» А.С. Пушкина).

Обратим внимание на эпитафии к отдельным

стихотворениям С. Кузькина. Их достаточно много. Цитируются поэты и писатели: Ф. Тютчев, А.К. Толстой, Ф. Достоевский, И. Бунин, Д. Андреев, А. Блок, С. Есенин, Н. Рубцов, А. Ахматова, А. Твардовский, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, А. Жигулин и др. Адресаты его поэтических посвящений – А. Галич, А.К. Толстой, Д. Андреев, Н. Рубцов, Н. Поснов. Поэты-земляки, те, кто оставил свой след на золотой тропе поэтической Брянщины. Так приблизительно обозначен, по-видимому, круг чтения, и, может быть, ориентиры в творчестве. Это тоже доказательство того, что С. Кузькин не делает остановки в пути, он идет на «маяки», прокладывая при этом свою тропу. Впереди у него еще много художественных открытий. Для этого у С. Кузькина сегодня есть все: талант, глубокое патриотическое чувство, приобщенность к духовному опыту своего народа и запас добрых чувств, истоки которых в привязанности к отчей земле. И все это осознано им:

Раздобрела земля, разомлела,
Спозаранку пригорок дымит.
Березняк ослепительно белый
Синим ливнем до блеска умыт.

Ни обид, ни печалей вчерашних –
Унесло вместе с вешней водой.
Горсть согретою рассыпчатой пашни
Переложить с ладони в ладонь.

И, как пращур, поймешь подсознанием:
Пашня вызрела – сеять пора!
Так вот трепетно в юности ранней
Созревает душа для добра.

...Березняк ослепительно белый
Синим ливнем до блеска умыт.
Как иголками, лист перепрелый
Молодою травую прошит.

Не все стихотворения в книге «Золотая тропа» для меня художественно равноценны. Есть не созвучные моему мироощущению и не отвечающие моему литературному вкусу. Но когда я читаю такие, как это, меня наполняет чувство гордости за нашу брянскую, русскую, российскую поэзию. И тогда у меня крепнет уверенность, что литературная мода – явление преходящее, ибо название ей – пустоцвет. Только то, что взято от земли, может быть посеяно и дает всходы. Пройдем по «золотой тропе» Степана Павловича Кузькина и подумаем об этом.

Опубликовано: В кн.: «Литературный Брянск». Альманах. – № 1, 2007.

«УЧУВСТВУЮ СЕРДЦЕМ ЗЕРНО...»

(Заметки о лирике Александра Мехедова)

Среди критериев художественности народность – сегодня едва ли не самый дискуссионный. Его игнорируют сторонники «элитарного» искусства, а также те, кто провозглашает вненациональные позиции в творчестве как единственно перспективные. Многие склонны причислять народность к критериям идеологического порядка и, как следствие, все реже обращаются к ней в практике анализа литературных произведений. Конечно, затрудняет обращение к этому критерию исторически меняющееся содержание понятия «народ» и нечеткое разграничение литературоведческих категорий «народный» и «национальный»... А.С. Пушкин как будто предвидел разногласия мнений по этому вопросу, когда писал в статье «О народности в литературе»: «Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками – для других оно или не существует, или даже может показаться пороком». И все же обратим внимание на первую часть фразы. Она не теряет актуальности потому, что время от времени появляются писатели, творчество которых убеждает, что народность связана не только с идейно-нравственными, духовными ориентирами автора, но и является художественно действенным фактом. Для меня таким поэтом в брянской литературе является Александр Мехедов, автор поэтических книг «Вехи судьбы»,

«После январских метелей», «Водораздел», «Ждет земля воскресенья» и других, член Союза писателей России, лауреат литературных премий имени Ф.И. Тютчева, Н.И. Рыленкова, А.К. Толстого. Народность его лирики – пример того, как умение смотреть на мир «глазами своей национальной стихии» (Н.В. Гоголь) сопряжено с актуализацией образных ресурсов народной речи. Это пример постоянного обогащения поэтического языка творческой переработкой фольклорного наследия.

Если говорить о народности как умении отражать проблемы жизни своих соотечественников, то здесь можно привести много примеров гражданской лирики А. Мехедова, в которой он поднимает актуальнейшие вопросы современности, судьбоносные для России, ее истории, в которой выражается озабоченность поэта народной судьбой... Например, это его размышления о содружестве славянских народов («Ждет земля воскресенья»), о деревнях России («Оттуда», «Баткины дубы» и др.). Вот печальный взор поэта остановился на заброшенной пашне («Пашня»), вот он задумался о неприглядном житье-бытье рабочего и крестьянина («Где рабочего зарплата?»). Не остается поэт равнодушным при виде духовного обнищания своих соотечественников («Пророк»), его заботит судьба всей нашей планеты («Мир так велик...»). Но мне хотелось бы подчеркнуть, что А. Мехедов народен всегда, даже когда патриотическое чувство не является специальным объектом поэтического осмысления. И мне особенно нравятся те стихотворения, в которых мировоззренческие и нравственные установки лирического героя не

декларируются, а выражаются метафорическим языком поэзии.

Замечательна, например, пейзажная лирика А. Мехедова в книге «Ждет земля воскресенья». В ней нет деклараций, патриотических штампов, кричащих признаний, которыми грешат многие наши поэты. Но она вся – русская. Во-первых, потому что оправдана глубоким переживанием лирического героя, которое ищет выхода и находит его в общении с природой – черта русского характера, убедительно отраженная уже в фольклорной лирической песне. Где всегда дышится вольно нашей душе? Конечно, на природе: в лесу, в поле, у реки... А.К. Толстой уходил в краснорогские леса, там излечивались его душевные раны и облегчались физические недуги... Красота природы среднерусской полосы России неброска, но содержательна и целительна. Такой она представлена в поэзии А. Мехедова. Образы природы не подчинены у него эмоциональному состоянию человека, не являются средством литературного психологизма; природа живет своей жизнью, она определяет настроение лирического героя: «Один в лесу. // Но я не одинок. // Со мною говорит любой листок, // И свет, и тень, и каждое растение // Передают и мысль, и настроенье («Один в лесу...»). Общение с природой делает человека открытым тихой радости, дает ощущение желанной гармонии бытия. «От суетливого грая отходит душа» в парке Спасского-Лутовинова, где рождались вдохновенные творения И.С. Тургенева («В Спасском-Лутовинове»). А вот на берегу нашей Снежки: «Как обидно за разные промахи... // И тогда, чтобы сердце унять, // Грянет гром соловьиный

в черемухе // Над притихшею Снежкой опять» («Как обидно за разные промахи...»). «Стар ли, юн ли годами – // Годы нынче не в счет. // В эти донные дали // Неотрывно влечет», – признается лирический герой А. Мехедова («Первый снег»).

Обратим внимание, как часто в пейзажной лирике поэта встречаются слова «сердце» и «душа». Потому что язык общения самый искренний, самый душевный. Известно, что сердечность, душевность, открытость – отличительные свойства россиянина, эти слова часто слышатся в русской речи. Прислушаемся к голосу поэта, услышим, как прорывается в нем национальная стихия:

«И душа ли так расширится, // Разгорится, как костер, – // Не удержишь – так и вырвется, // Так и выльется в простор» («Иней высеребрил вишенность...»);

«Вдруг ударил по сердцу // Певун-соловей...» («Ботанический сад»);

«На заре холодком // Обожжет с непривычки. // Дрогнет в сердце твоём // Журавлей перекличка» («Осень в шали цветной...»);

«Мир так трепетно чуток, // Что и жизнь хороша. // Обновить первопуток // Так и рвется душа» («Первый снег»);

«А за дальнею тропинкой, // Где уже покой разлит, // Над полями паутинкой // Не моя ль душа летит» («Незаметно, под сурдинку...»).

Естественно обращение А. Мехедова к поэтическим формам народной поэзии. Это употребление имен существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами (солнышко, пенушек, травинка, паутинка и

т.п.). В традициях фольклора – обращение к природным силам: «Травы, реки, небо, дайте силы, // Чтобы звезд в душе не погасить...» («Поживи, листок...»).

Органично вписываются в поэтические тексты слова и синтаксические конструкции разговорной народной речи, потому что народный язык имеет большой арсенал изобразительно-выразительных средств для передачи нерационального, любовного и благодарного чувства к природе-матери. В концепции природы А. Мехедова человеку также отведено место любящего сына, задушевного друга, благодарного ученика: «... Но удивишься и сам ненароком – // Радость такая, как будто в новинку, – // Сидя на пенушке к солнышку боком, // Тихо погладишь сухую травинку» («Полдень насупленный...»). Автор стремится заразить читателя доброжелательным чувством, для этого ищет именно в народной речи доброе слово: «Услышишь в небе гомон грачей – // Посмотришь, обернувшись, вслед // И пожелаешь им удачи – // И теплых зим, и житных лет» («Идешь по улице...»). К человеку, все больше привыкающему к жестким отношениям в социальной среде, обращены эти трепетные строки:

... Нет, я не одинок сейчас в лесу.
Ему, как другу верному, несу
Свои мечты, надежды и сомненья.
И свет, и тень, и каждое растенье
Мне отвечает сотней голосов.
Умейте слушать тишину лесов.
(«Один в лесу...»).

Это поэтический призыв нашего современника, созвучный народной мудрости, передающейся от поколения к поколению...

В пейзажной лирике А. Мехедова мы найдем и философское осмысление жизни природы, в котором отражается, на мой взгляд, важная черта российской ментальности – неискоренимая вера в будущее обновление жизни. (Здесь также можно говорить о пушкинской и тютчевской традиции в брянской поэзии). А. Мехедов умеет замечать в природе непрерывающийся процесс обновления, в логике природных перемен предвидеть торжество тепла над холодом, света над тьмой, жизни над смертью:

Зима на слом,
Еще морозы
Столбами в ночь клубят дымы,
А в полдень кроткие березы
Свергают оледень зимы.
И нарастает гул предгрозя.
И по селу и за селом
Весна хватает за полозья,
И солнце ходит колесом!
(«Зима на слом»)

Жизнеутверждающий пафос мы найдем в стихотворениях «Брякнули весла...», «Звон капли», «Апрельский день», «Февраль», «Дождик» и других.

Замечает А. Мехедов и обратные перемены.

Недолго длится зеленый праздник. Вот незаметно подкралась осень («Полынь»), а в осеннем воздухе есть уже предчувствие зимних бурь: «На заре, на утренней полоске, // Как прозябнет инеем роса, // Так щемящи лета отголоски // И зимы грядущей голоса» («Снова осень рощи осенила...»). Умение поэта замечать в настоящем приметы грядущего помогает читателю понять потаенный смысл каждого изменения в природе, его необходимость в общем непрерывающемся жизненном процессе, а значит – «благодарно принимать» и осенний ветер, и первый снег, и крещенские морозы... (Народный взгляд на природные перемены!)

Не случайно в лирике А. Мехедова доминирует сельский пейзаж. Поэт передает самочувствие человека, еще не оторвавшегося от земли, живущего с природой в одном ритме. Это особенность А. Мехедова – смотреть на жизнь взглядом крестьянина, человека, чьими руками возделывается земля. И взгляд этот угадывается не только по видеоряду стихотворения, он – в языковых находках, в метком, выразительном, образном народном слове. Поэтому опять же органично обращение к фольклорному материалу, например, в стихотворении «Уж и стол наш красен...» Сидят за столом все двенадцать месяцев. Попробуем угадать, какой из них особенно люб автору. Не получится. Потому что:

... Всему свой срок. И в час урочный
Осыплет осень листьев медь,
Очистив место новым почкам.
Их сок, разбуженный весной,

Прольется зелени потоком,
И кто-то очень молодой
Наполнит сердце
Этим соком. («Идут года...»)

В философском осмыслении природной конкретики угадывается дар художественного пророчества, открывающий читателю перспективный смысл бытия, оно же свидетельствует о нерасторжимой связи авторского и народного сознания. Эта связь выражена, конечно же, не только в пейзажной лирике.

Мне очень нравится стихотворение «Что-то на ночь к непогоде хмарит...» Встретились у костра рыбак и поэт. Могут ли они найти общий язык? Автор художественно убедительно передает возникающее чувство духовного родства, взаимопонимания между такими разными людьми. Важно, что поэт не чувствует себя значительнее, особеннее, как мы говорим, выше. (Тут пример скромности нашим поэтам-эгоцентристам, любящим вариации на тему «Я и толпа»). Лирический герой этого стихотворения понимает, что его вдохновенное слово наполнено поэзией жизни, памятью о ее прекрасных моментах: «Долго будут и душа и тело // Пахнуть дымом вашего костра...» Вкусная уха подобна стихам: она объединила людей одним настроением, воодушевила на добрую беседу. Поэт тоже стремится к тому, чтобы его стихи стали органическим слагаемым живого общения: «Вот бы на-гора // Такие выдать // Вкусные, // Пахучие стихи...»

Стихотворение подкупает уважением к простому

человеку, верой в его духовность: «Я-то знаю, // Вы в душе поэты // И по виду только ловкачи». Симпатично желание лирического героя ответить взаимностью на душевное расположение собеседников: «Может быть, и вам какая строчка // От меня останется в душе...» Вот это «может быть» встретится и в конце стихотворения как признание приоритетности жизни и скромная надежда на понимание: «И когда захмарит к непогоде, // Может, кто и вспомнит // Просто так: // Был один, // Хороший парень вроде, // Только почему-то // Не рыбак...»

Как должен быть счастлив поэт, знающий чувство родства с человеком из народа! Удивителен народ, в котором рыбак, плотник, косарь – в душе поэты.

И в первых книгах А. Мехедова, и в его последней книге «Ждет земля воскресенья» пафосом, связующим воедино стихотворения разных циклов, является чувство признательности людям, которые исстари творят жизнь на земле: защитникам Родины («Славяне», «Красная Гора» и др.); тем, кто растит хлеб («Черный хлеб», «На току»); кто победил врагов в Великой Отечественной войне («17 сентября», «Грачи прилетели», «Дядя Ваня» и др.)... Поэт отдает дань долготерпению, внутреннему достоинству русского человека («Ни славою, ни властью не испорчен...»), умелости, мудрости отцов («Батькины дубы»), бесконечной доброте и стойкости матерей: «Верно, есть у нас металл в характере, // Но за нашу главную черту // Поклонитесь, люди, русской матери, // Выстрадавшей в детях доброту» («Вижу, вижу, как босыми пятками...»). Последовательно и художественно убедительно представлена в поэзии А.

Мехедова ментальность русского человека. Он один из немногих поэтов, кто в крестьянине и рабочем видит талант певца, художника, музыканта. Вот почему он воспевает не ремесленный, а вдохновенный труд. Его косарь, идущий с поля, несет солнце за плечами («Шел старик с косою лугом...»), а плотники ставят сруб, «звонкий, как бубен» («Плотники»).

Знание национального характера, образа мысли истинного россиянина выражается, подчеркнем еще раз, в постижении его языковой стихии, в обращении к неисчерпаемой образности его разговорной речи. Очень органично народное слово вплетается в словесную вязь стиха, сокращая дистанцию между авторским и народным мироощущением. Изумительны стихотворения, в которых используются фольклорные образы (вслушаемся в эти певучие фразы): «Затрещали с полночи заборы...», «Уж ходи, мороз, помораживай...», «Уж и стол наш красен на двенадцать персон...», «Качает мать сына...», «Ой, дударик, мой сударик молодой...» и т.д. Подчиненное авторской задаче, народное слово кажется обновленным, живым, значительным... Лирика А. Мехедова – пример народности как органичного сплава содержания и формы:

Вот лежу – обмолоченный сноп.

Даже как-то зазорно.

Шарит сердце мое стетоскоп:

Где там зерна?

Да, как сноп на колючей стерне,

Без укрывного стога.

Слышу, стужа в моей стороне,

И большая тревога.
Мне ж, наверно, теперь все равно –
Что гнедой, что соловый...
Но учувствую сердцем зерно –
И прикрою соломой.

Замечательное стихотворение. Хранить до времени, возвращать то, что нужно для будущей жизни – многовековая привычка человека-труженика, имеющая смысл нравственного примера. Как читатель преклоняюсь перед умением А. Мехедова поэтически сверять свои нравственные установки с опытом человека-практика. Животворящей народной мудростью пропитана душевная крепость лирического героя А. Мехедова; думаю, потому и перспективен его нравственный и художественный поиск.

Естественна для поэта А. Мехедова и верность православно-духовному опыту соотечественников, нашедшая художественное выражение в стихотворениях «Храм», «Тихоновская церковь», «Глядя на полотно художника», «На полях веселый колос...», «Святой угол», «Там, где рвется, там и тонко...» и других.

Лучшие стихотворения А. Мехедова – как полноценные, жизнеспособные зерна, собранные на общенародной ниве жизни. Они обязательно взойдут ростками веры и добра в отзывчивом сердце читателя. И, думаю, не только соотечественника. «Учувствовать» – наше, русское, но устремленность к жизни, вера в конечное торжество добра, на каком бы языке они ни выражались, общечеловечны.

Опубликовано: Л. Семенищенкова. «Учувствую сердцем зерно...» (Заметки о лирике Александра Мехедова). – Литературный Брянск. Альманах. – Брянск: Изд-во «Брянский писатель», 2005.

Тоже: Л. Семенищенкова. Криницы Александра Мехедова. – Журнал «Образование и общество». (г. Орел). – №2, 2005 г.

**ЛЮДМИЛА АШЕКО.
ПОД ВЕЧНЫМ НЕБОМ
(стихи)**

Вышла в свет новая книга стихотворений члена Союза писателей России, брянского поэта, прозаика, драматурга Л. Ашеко. «Под вечным небом» (Брянск, 2003 г.) - это лирические раздумья автора о времени, совести и любви.

На современном книжном рынке не просто сориентироваться даже просвещенному читателю. В яркую, приманчивую обложку нередко «упаковано» легковесное чтиво, бездуховная, безграмотная литературная продукция, в то время как достойная книга, автор которой не приобрел нашумевшей популярности, может остаться незамеченной. Такая книга сегодня нуждается в представлении. Я подумала об этом, когда перелистала несколько страниц поэтического сборника Л. Ашеко «Под вечным небом», а, дочитав книгу до конца, убедилась - вот поэзия, способная обогатить духовный опыт читателя. Представляя книгу Людмилы Ашеко, мне хочется обратить внимание любителей поэзии на те стороны художественного дарования поэтессы, которые отличают ее творчество от так называемой «литературной попсы», с одной стороны, и являются продолжением отечественной классической традиции, с другой.

Сначала - о содержательном потенциале книги.

«Подвечным небом» - в прямом смысле лирический дневник. Кажется, все аспекты нашего бытия нашли отражение в тематике сборника, и нет такого факта, на который не отозвалась бы широкая и открытая душа автора. По всему видно, что для Л. Ашеко нет явлений «избранных»; ее поэзия убеждает: в нашем жизненном пространстве все важно, все достойно поэтического осмысления. Вспоминаются слова известного критика о лирике А.С. Пушкина: «Для истинного поэта - где жизнь, там и поэзия». В художественном мире Л. Ашеко отражается наш неприглядный социум («Бомж», «Эти новые», «Нувориши» и др.); раскрывается самочувствие человека, прошедшего дорогами войны («Разговор с любимой»); осмысляются взаимоотношения человека и природы («Вкус времен», «Песня синицы», «Вздох осени» и др.). Вместе с автором мы переживаем тяжесть утрат и одолевающие нас недуги («Хирург подписал приговор»); приобщаемся к народным традициям («Святки», «Праздник Крещения»...); наблюдаем за небесными явлениями («Леониды»); замечаем кузнечика, залетевшего в салон троллейбуса («Гость») и несем в сердце чувство общенародной беды («Заложникам Норд-Оста. 23 - 26.10.02»)... Мечтаем, фантазируем, радуемся, печалимся... Нет смысла перечислять темы, волнующие автора, их столько, сколько ликов у быстро бегущего времени жизни. Так и должно быть, если душа поэта не знает отдыха, если она живая.

Хочу отграничить многотемность лирики Л. Ашеко от довольно распространенной в искусстве «всеядности».

Последняя характеризуется ситуативностью и несвязанностью отдельных художественных находок общей концепцией жизни. Не то - у Л. Ашеко. Практически каждое ее стихотворение приближает нас к решению вечных вопросов «Зачем жить?» и «Как жить?». Из каждой жизненной ситуации извлекаются крупинки духовного опыта; в разнообразных художественных картинах угадывается вектор, направляющий наше мышечувствование к главному выводу: жизнь - это бесценный дар, а наши ошибки и слабости могут быть оправданы только раскаянием и творением добрых дел; в вечном противоборстве добра и зла плодотворным в жизни отдельного человека и всего человеческого сообщества является только добро: «... В грядущее время душа отрешится/ От пут... В облака окунется.../ И все, чем с людьми удалось поделиться,/ Зачтется. Зачтется. Зачтется.» («Зачтется и водастся»). Так считает автор, но он не стремится навязать читателю свой вывод, скорее, призывается задуматься и сделать самостоятельный выбор: «... Всего-то: добром на добро отвечать. / А зло отвергать, презирая. / Начнет мировое добро прирастать, / А зло размываться и таять. / От каждого что-то зависит - хоть миг, / Хоть самая малая доля! / Утешить ребенка... Очистить родник... / И все... Впрочем, вольному - воля.» («Вольному - воля»). В последовательном стремлении автора поднять нравственный градус самочувствия читателя ясно просматривается классическая традиция нашей отечественной литературы.

Высшая форма проявления в жизни добра - любовь. Поэзия Л. Ашеко - пример служения высшему

идеалу. Ее нравственно-эстетическое кредо заявлено уже в стихотворении-эпиграфе: «... Слезами оброну стихи я, / И каждый - только про любовь». Любовь в широком понимании - к матери, родине, природе, детям, людям, жизни... Читая книгу, от стихотворения к стихотворению мы проходим вместе с лирическим героем Л. Ашеко сложный, мучительный путь очищения совести, вырываясь из засасывающей нас повседневности к духовно-нравственному прозрению, суть которого выражена поэтической формулой, завершающей книгу: «... Лишь тот родился полубогом, / Кто предназначен для любви».

Даже визуально, без математического подсчета, можно определить доминанты духовного поиска лирического героя Л. Ашеко. Они обозначены не только понятиями «добро» и «любовь», но еще и «сострадание», «покаяние», «душа», «совесть», «Бог»... Все они не случайно вписываются в контекст христианско-православной этики. В стихотворениях «Святки», «Праздник Крещения», «У иконы» и других Л. Ашеко открыто утверждает свои духовные ориентиры. «Где скрыться от душевной стужи? / Ознобу сердца нет одежд. / И понимаешь, как он нужен, / Старинный звательный падеж. / О, Отче, Господи! О, Боже!.. / Взываешь в горе и слезах. / И, уводя от знобкой дрожи, / Надежда теплится в глазах» («Звательный падеж»). Кстати, она сама дистанцируется от тех «новых русских», для которых посещение храмов - дань современной моде, и не более: «Шиксверхмерный, разгулистеричный, / Факты скрытые жизни личной, / Но, особенно, страсть креститься, / Но

не каяться и не поститься» («Эти «новые»). То, что для Л. Ашеко постоянная обращенность к христианским заповедям - органическое состояние, убеждает общий пафос сборника как последовательное утверждение животворящей силы добрых дел и помыслов. И как в нашем исконно-русском понимании, добро для автора есть образец нетленной красоты: «Не увядает красота, / Навеянная образами. / Живет святая доброта, / Сияет ясными глазами» («Доброта»).

Несмотря на четкость моральных установок, путь к идеалу лирического героя Л. Ашеко непрост, он состоит в постоянном преодолении внутренних противоречий; это путь проб и ошибок. Герой отнюдь не идеален, и это сокращает дистанцию между автором и читателем. Говоря о личном, Л. Ашеко переживает общечеловеческую драму нашего «двойного бытия»: «А я люблю полутона! / Но жизнь моя - контрастна: / То, словно слепота, черна, / То, как прозренье, ясная...» («Контрасты»). То вдруг проснется гордыня, то поманит соблазн успеха, то привлечет лесть... Жизнь «то резко вскинет в высоту, / А то обрушит вниз!» («Контрасты»). И вместе с автором мы ищем источник сил, чтобы вновь вернуться на стезю, ведущую к совершенствованию: «Судьбу обойти не удастся: / Наш жизненный поезд - на рельсах. / С него на ходу не кидайся - / Надейся. / Все-все - этот мир, эти люди - / Минутное в вечности чудо. / Так траться! А сила прибудет. / Откуда? / Вскинь очи - / Оттуда» (Источник сил»).

На что же надеется автор? Как и многие из нас сегодня, на то, что люди поймут, наконец:

бесперспективно в укреплении человеческого общежития стремление к славе, почестям, легкому успеху («Гордыня - смертный грех!»);

не стоит давать волю озлобленности, чувству ненависти («... Ненависть сама - сестра порока!»);

зло во всех проявлениях разрушительно («Тот калека, / Кто радостное зло творит жестоко..»);

На вопрос «Что более ты ценишь в человеке?» Л. Ашеко отвечает: «Всего превыше в человеке - совесть» («Тест»). В другом стихотворении она скажет: «Ценю стремленье к простоте..». И напишет поэтической формулой: «Как жизнь хотела бы прожить? / Добро запомнить, зло забыть».

Автор книги «Под вечным небом» провозглашает общечеловеческие духовные ценности. Уже в этом качестве поэзия Л. Ашеко имеет предпосылки для долгой литературной жизни.

Конечно, суть поэзии не в декларациях. Поэтому хочу обратить внимание читателей на те особенности творческого почерка Л. Ашеко, которые выражаются в ее умении воплотить свои жизненные установки в художественные образы, метафоричные и заразные, многозначные и недосказанные, во многих случаях радостно удивляющие новизной. В этом плане есть чему поучиться у Л. Ашеко молодым поэтам, и не только молодым.

Ей чуждо стремление гнаться за литературной модой. Кажется, Л. Ашеко не занимают лингвистические игры, которыми пестрят многочисленные поэтические подборки в нашей периодике. Ее эксперименты в

форме, - а они, конечно, есть, - оправданы, как правило, глубоким содержанием. Например, стихотворение «Соблазнитель», в котором слова разбиваются знаком переноса: «... Яблочко кус- / нуть, / Рай в душе за- / крыть. / Яд испив, ус- / нуть, / Страсть вкусив, за- / быть...» Здесь разрыв живой ткани слова - выражение разрушительной энергии соблазна... В стихотворении «Плачу» необычна разбивка фразы: одно слово на строчке: «Плачу. / Неслышно, невидимо, горестно / Плачу. / Знаю, / За прежнее мирное счастье плачу! / Все-таки / Все еще верить пытаюсь в удачу...» Получается интересный ряд выделенных таким образом слов: плачу, плачу, знаю, все-таки, было, стало, пусто, рана, верю, склею, ветер, ангел. Вот образец, когда элемент формы несет важнейшую смысловую нагрузку в передаче трудной работы души на пути к воскресению...

Можно привести многочисленные примеры разнообразия ритмического рисунка, свежих рифм, блестящих метафор, концентрирующих мыслечувствование поэта. Богатство изобразительно-выразительных средств языка всегда отличает поэзию Л. Ашеко. Интересна ее «описательность». Картины жизни не только эмоционально переживаются, они обязательно осмыслены с позиции человека, который учится жить праведно. Из эмоционального наблюдения, как правило, рождается «мысль, озаряющая жизнь новым светом» (Ю. Боров). Например, в стихотворении «Пир на весь мир» живописно представлено богатое пиршество с изобилием всевозможных яств - поэтический натюрморт. Но строчки, завершающие описание,

заставляют посмотреть на наш стол с чувством не радости, но вины: «... Был разговор пустой, бесплодный, / Лениво было и тепло... / А за окном, в зиме голодной, / Синичка билась к нам в стекло». Прекрасный образец метафоричности художественного образа!

Соотнесенность картины-описания с нравственным самочувствием человека очень хорошо заметна в пейзажной лирике, которая сосредоточена в разделе «Вкус времен». Пейзаж, в большинстве случаев, - развернутая метафора душевной боли или радости и в то же время - импульс к размышлению. Оно чаще завершает стихотворение, как например: «Вот она - печальная поляна - / Выжженного леса ровный круг. / Зарастает... Как на сердце рана / Зарастает после жгучих мук. / Здесь уже не пахнет палью ветер, / Но и медом не приправит дух... / Черное сквозь нежность травки светит, / Черные стволы - стеной вокруг. / Лето отцветет, трава увянет, / Станет ярче черная кора... / Сердце заболит, душа вспомнит. / Ох, долга у горюшка пора!» Увидеть в природе отражение своих переживаний и соотнести с ее жизнью своей, человеческий, опыт - наша классическая литературная традиция. Признаюсь, что больше всего люблю именно такие стихотворения Л. Ашеко, в которых авторская мысль выкристаллизовывается из конкретной, зримой, узнаваемой нами картины, не является итогом словесной риторики. Живописание - это, на мой взгляд, вообще особенность поэзии Л. Ашеко. Поэтому легко следить за ее мыслью, переживать сходные чувства, совершать вместе с автором работу души.

Ориентация на жизненную конкретику, а

также, возможно, талант драматурга, делают многие стихотворения сборника маленькими пьесами с выраженными элементами сюжета («Песочный домик», «Городская картинка», «Заложники «Норд-Оста», «Кто ты?», «Ненасытная страсть» и др.) Может быть, драматургическую природу имеет установка на диалогичность (вопросно-ответная форма поэтического видения) в стихотворениях «Притча», «Гость», «Тест», «Исцеление», «Откровение» и др. Эти особенности поэзии Л. Ашеко неизменно производят впечатление живой жизни, что делает ее привлекательной для всех читателей без исключения.

Признаком высокого уровня развития поэтической личности является глубокая осознанность поэтом цели своего творчества, своего места в общем поэтическом пространстве, стремление понять закономерности творческого процесса. Осмыслить поэтически творческое состояние дано не каждому поэту. Изумительны стихотворения Л. Ашеко из цикла «Сожги и воскреси». Это не отрывочные «заметки по поводу», а тоже поэтическое выражение концепции. Здесь каждое лирическое откровение дополняет представление о смысле писательского труда новым поворотом мысли и заражает новым чувством. Это цея поэма о «сжигающем» и «воскрешающем» «пламени» вдохновения... («Вдохновение»). В цикле стихотворений о творчестве нет строчек надуманных, все - из собственного опыта, а потому убедительно. Как, когда рождаются стихи? У автора они пишутся в моменты высочайшего душевного напряжения: «Опять

душа огорчена, / Исушена, измучена. / Напряжена. И ждет она / Надежды, искры, случая. / И снова мучает любовь, / Сомнения и грехи... / А это значит, вновь и вновь / Напишутся стихи» («Опять душа огорчена...»). Истинная поэзия отражает трудную жизнь души. Что может дать читателю поделка ремесленника-литератора, хоть и профессионала, если он не озабочен духовным поиском? - «... Но нам несут его стихи / Жизнь не души, а требухи. / В них философия одна: / Налить и выпить бы до дна» («Величие темы»). Вдохновение воспринимается автором как «прекрасное и целительное мгновенье», дающее возможность поделиться с людьми своим опытом жизни; в стихах - «... жизнь - ее дары, ее уроки...» («Прекрасно и целительно мгновенье...»). Вдохновение не появляется по заказу, творчество - вечная загадка. Стихи то приходят вдруг «негаданные, как стихия...», «а то - зови их не зови - молчание...» («Жду терпеливо вдохновенья...»). При этом автор чувствует высокую ответственность за каждое пущенное в мир слово: «... Тем легче для поэта суд людей, / Чем собственный нещадней и суровей» («Суд поэзии»). И как созвучно пушкинскому слову представление Л. Ашеко о смысле и цели поэзии! Писать стихи - это, опять же, пробуждать добрые чувства, подвигать к любви и учиться любить: «... Услышать слово, строчку, ноту, пенье. / Сложить букет из мыслей, красок, чувств... / И записать волшебное мгновенье, / И полюбить хотя бы на чуть-чуть» («Стихотворение»). Или вот это: «... И жду стихи я, / Как извержение любви!» («Жду терпеливо вдохновенья...»). Есть ироническое: «Бывает, силится

упрямо / Состряпать стих иной чудак... / Поэзия - такая дама, / Не полюбив, не вступит в брак» («О поэзии»).

В этом ряду мне кажется очень значащим стихотворение «Родники», в котором аллегорически выражена мысль о назначении поэта, а поэзия сравнивается с родником в пустыне мирового равнодушия: «Оазис сердца моего / Хранит в себе родник глубокий. / Пустыня спит вокруг него / В своей беспечности жестокой...» Поэт - тот, в ком не остыли чувства, чье сердце неравнодушно и отзывается на общечеловеческую судьбу, и кто способен оживить пустыню. Как поэтически точно выражена вера автора стихотворения в силу слова, в торжество жизни и - что важно - в единение усилий всех, кто находит в жизни высокий, духовный смысл: «... Оазис, как тисками, сжат, / И слаб родник животворящий... / Но верю, он не одинок! / И, влагу через сушь протиснув, / Сольются все! Помчит поток, / Чтоб освежить сердца и мысли. / Чтоб речь правдивая лилась, / Своя, не чуждая, родная! / Чтоб по всему святому краю / Пустыни пересилить власть».

В разделе «Сожги и воскреси» мы найдем лирические размышления о том, что творчество - это труд, где результат оплачен жизнью: «... Словно кровь, покинувшая тело, / Ручеек чернил истек в тетрадь» («К музе»). О том, что лишь «веленью божьему» должна быть «послушна» Муза: «... И ты, расправив плечи, / И правде подчинясь, / Идешь. И только вечность / Тебе и суд и власть» («Собрату»). Есть попытка постичь загадку гениальности («Гений»). И здесь Л. Ашеко

верна себе. Нравственная суть личности является мерилom ее творческой значимости. (Так решал проблему гениальности А.С. Пушкин.) У Л. Ашеко гений - «... с чистотой души, на свет похожий...».

Отметим, что для любого поэта чувствовать себя учеником - всегда залог профессионального роста. Л. Ашеко всегда помнит об учителях в поэзии: «Напишется строка - на высоту / Поднимет мысль: «Я все-таки умею!». / А Пушкина возьму и перечту... / И думаю: «Какие ж мы пигмеи...». Оправданы в этом разделе стихотворения, посвященные Ф.И Тютчеву «Последнее стихотворение» и «Все-все написано о нем...». Беру на себя смелость утверждать, что в брянской поэзии Л. Ашеко - единственный автор, который последовательно и очень убедительно, на мой взгляд, осваивает труднейшую из поэтических тем - поэта и поэзии. И в ранее вышедшей ее книге «Так и живу» (Брянск, 2001) тоже есть соответствующий цикл стихотворений под названием «Крылья». Считаю, что произведения из этих циклов могли бы органично вписаться в школьные программы по литературе, так как изучение литературы как искусства невозможно без «проникновения» в творческую лабораторию писателя. Поэзия Л. Ашеко в этом плане дает учителю богатейший художественный материал.

Подходя к общим выводам, не скрою, что есть в новой книге Л. Ашеко стихотворения, которые не нашли отклика в моем читательском воображении и чувствах, которые не согласуются с моим собственным жизненным опытом. Одни разделы книги нравятся больше,

например, «Вкус времен» и «Сожги и воскреси», другие - меньше («В предчувствии любви») ... Не соглашаюсь с отдельными художественными решениями. Так и должно быть. Но это не снижает общего впечатления о прочитанном.

Еще раз подчеркну. - Поэзия Л. Ашеко высокодуховна. В ней утверждается идея добра как конструктора жизни, в противоположность эгоистической замкнутости человека, чувству ненависти и жестокости. Она утверждает плодотворность любви в человеческих отношениях, практике мироустройства и творчестве. Лирика Л. Ашеко ненавязчиво гражданственна. Это выражено даже не в тематике, хотя стихотворения о родине есть, а в пронизывающем многие поэтические тексты чувстве причастности ко всему, что есть на родной земле, в стремлении не оторваться от духовных корней, в приверженности нашей литературной классической традиции, прежде всего, на мой взгляд, пушкинской и тютчевской, в желании способствовать укреплению веры в торжество справедливости и красоты, в жизнелюбии - все это очень родственно русскому национальному сознанию. Своевременно звучат поэтические строчки, ведущие к нравственному прозрению человека. В наше время, как никогда, нужно помочь многим людям обрести внутреннюю, духовную, опору, чтобы не истратить бесценный дар - жизнь на ее разрушение. «Лелеющая душу гуманность» лирики Л. Ашеко позволяет назвать ее в полной мере воспитательницей юношеского чувства. Вспоминаю, как при обсуждении книги на семинаре молодых поэтов читательница

школьного возраста немножко наивно сказала: «Я буду хранить эту книгу, как энциклопедию жизни». Часто ли мы, писатели, слышим такие признания? И не ради ли этого стоит писать?

Новая книга Л. Ашеко, члена Союза писателей России, достойно представляет брянскую поэзию в общепозетическом пространстве России. И мы, читатели, искренне надеемся вместе с поэтессой, что впереди у нее еще много новых художественных открытий, потому что любовь к людям и жизни - неиссякаемый источник вдохновения:

... Я открою и мысли, и душу,
Опечалю и развеселю...
Только б было кому меня слушать,
Только б жили, кого я люблю!
Дождик слов, ручейки моих строчек,
Речка речи и мыслей прибой...
Только б вечный небесный источник
Изливался живою водой!
(«Как жилось, как велось, как страдалось...»)

Опубликовано: В ж-ле: «Пересвет». Областной литературно-художественный и общественно-политический журнал. – Брянск, № 2, 2004 г.

То же: Л. Семенищенкова. «Под вечным небом». (О поэтической книге Л.С. Ашеко). – «Брянская Учительская газета», № 26 (77), 25. 06. 2004 г.

О РОМАНЕ Л.С. АШЕКО «ДАЧНЫЙ СЕЗОН»

Я прочитала роман брянской писательницы Л. Ашеко «Дачный сезон». Имя автора известно любителям поэзии, читатели знакомы с рассказами Л. Ашеко, но вот роман – первый. Поверьте на слово: давно мы не читали таких романов. В нем все говорит о том, что писалось произведение не из коммерческих соображений, не по велению литературной моды; писатель взялся за перо, потому что не мог не писать, потому что это дело его жизни, его души. При чтении меня постоянно охватывало чувство эстетического восторга. Жизненные перипетии героев поражали достоверностью и глубиной авторского осмысления. Каждый поворот судьбы, интригующий последствиями, увлекающий в мир сложных, запутанных человеческих отношений был интересен и сам по себе, и как шаг к вечной разгадке смысла нашего присутствия в мире. В романе Л. Ашеко я узнавала то, что выше всего ценю в реалистической литературе: постоянный прорыв и автора, и героев из привычного, часто неприглядного, суетливого и надоевшего быта в иную, духовную, сферу бытия. Удивительна атмосфера романа, сочетающая в себе какую-то дневниковую открытость, авторскую субъективность и присутствие высшего, объективного смысла во всем, что изображается. Впечатление так велико, что трудно разложить его на составляющие. Пытаясь объяснить силу воздействия прочитанного на мое самочувствие, отмечу то, что считаю ценным

в произведении с точки зрения его художественно-смысловой значимости, — что и является задачей рецензента.

1. В романе показаны судьбы людей, разных по профессии, социальному статусу, интеллектуальному уровню. Учительница, художники, писатели, администраторы-руководители, «челноки», городские и деревенские жители, взрослые и их дети, перевертыши-приспособленцы и люди честные, открытые, принципиальные; люди из военного времени — предатели и незамеченные герои... Нет смысла перечислять всех, их много, как и должно быть в романе. Каждый со своей судьбой, доведенной автором до логического завершения. Все герои — люди, пережившие и переживающие перестроечные процессы, то есть наши современники. В выборе героев и отборе жизненного материала реализуется эстетическое кредо автора: писатель должен жить одной жизнью со своими героями, он призван талантом запечатлеть облик своего времени.. Произведение поражает знанием жизни. Каждая судьба убедительна до мельчайших подробностей. Но Л. Ашеко — не бытописатель-натуралист. Уже в создании системы образов она — художник. Это выражается в умении типизировать характеры. В каждом персонаже мы как будто узнаем своего соседа, герой как будто «списан» с него, но есть в нем что-то и от другого знакомого, и от третьего... И есть в нем «изюминка», отличающая от всех. Так оживают в созданном писательницей мире знакомые незнакомцы, но не для того, чтобы мы испытали радость узнавания (признак не художественной

правды, а правдоподобия). В хитросплетении судеб обнаруживается авторская концепция: в жизни нет ничего случайного, все человеческое сообщество – единый организм, здоровье которого зависит от нравственного состояния каждого из нас. В начале романа повествование напоминает мозаичную конструкцию. Истории Альбины и Артема Смолиных, Сергея и Гали, Ивана, Нади и других начинаются автономно. Но вот намечаются пути их сближения. И что важно – под пером автора путь к дачному месту – Ведьмежу – не кажется случайностью, этот сюжетный факт обнаруживает глубокую закономерность движения людей друг к другу, неизбежность такого сближения («мир тесен»). Человек не может быть один, такова его природа. Наши пути пересекаются, особенно если мы движемся в одну сторону. Эту концепцию подтверждают отдельные судьбы, например, история Сергея. Кажется, у этого героя все пути к общению с людьми отрезаны: чувство вины перед погибшей женой, ощущение несостоявшейся жизни приводят его к духовному опустошению, пьянству, моральной деградации. Он пережил опасность «переступить черту» нравственного запрета – стать убийцей. Но именно этому герою предстоит в романе пройти путь покаяния и очищения и стать одним из предисловии, обращаясь к своим читателям: «... я начала создавать конструкцию из кирпичиков событий, произошедших с вами, так как поставила перед собой задачу передать душевное состояние разных слоев провинциального общества во время перестройки». Писательница

справилась с задачей. Роман исключительно психологичен. Хочу охарактеризовать эту инициаторов восстановления ведьмежского храма – того духовного центра, к которому и стекаются в конце романа и люди, и судьбы. Здесь Сергей и Надя, разьединенные, казалось бы, навсегда, находят свое общее, желанное человеческое счастье... Сюжетную линию этого героя считаю одной из лучших, художественно-убедительных в произведении. В ней глубоко прочувствованно выражена вера автора в человека, в способность его к воскресению и воссоединению с людьми (пафос творений Ф.М. Достоевского!). Во многом судьба Сергея общечеловечна: в опыте каждого бывают периоды внутреннего отчуждения от других. Но в произведении раскрывается мысль о том, что путь восстановления человека – это обретение в душе Бога и любви к людям, которая реализуется в живом общении. Сергей пришел в церковь – место единения душ. Он преодолел чувство мести к Вове, виновнику гибели его жены, и, более того, ощутил потребность быть ему помощником в жизни. Преодоление внутренней замкнутости – цель и средство излечения больной души. Именно «общие дела» в романе наполняют значительным смыслом жизнь героев, в общем деле появляется какое-то особое воодушевление, удовлетворение от содеянного. Очень детально, например, описана сцена в Ведьмеже, когда герои дружно уничтожают шершней. Эта бытовая проблема сблизила людей самых разных так, что долго не хотелось расходиться. Поэтизация человеческого общения достигает кульминации в подробном описании процесса

восстановления храма, к чему оказались причастны многие люди. Строительство храма - это восстановление чувства Бога в душах; это путь к воссоединению и соборности наперекор разрушительным, разъединяющим процессам перестройки. *В брянской прозе нет произведения, в котором путь человека от саморазрушения к восстановлению был бы показан с такой ясностью, убежденностью и заражающей силой. Отмечаю и разделяю «соборную» мысль романа и восхищаюсь последовательностью ее художественного воплощения. Эта идея насколько национальная, настолько и актуальнейшая в масштабах человечества. Показать человеку ренальный путь к созидательной жизни, наполненной духовным смыслом – не в этом ли и заключается конечная цель литературного творчества?*

2. В романе происходит много событий как в личной жизни героев, так и в общественной. На судьбах людей отражается ломка государственной системы – вот где простор для писательской спекуляции злободневностью! Но Л. Ашеко ставит более сложную (и более литературную) задачу: показать не событийный аспект исторического времени, а самочувствие человека в этот период, его нравственное состояние в переходное время. Она сама говорит об этом в сторону произведения, потому что психологический рисунок Л. Ашеко интересен: и традиционен, и специфичен, у нее есть свои литературные «наработки» в этом плане, что проявилось ранее уже в ее рассказах.

Л. Ашеко стремится раскрыть психологическое

состояние в подробностях, переживание в течучести, в переходах одного чувства в другое, как будто заглядывает в самые потаенные уголки души героя. Это ее литературный почерк, в котором отражается интерес к человеку, желание постичь его нравственную суть; она идет в оценке личности от внешнего к глубинному, понимая сложность, противоречивость человека. Показывая глубину человеческого переживания, пытается раскрыть его тенденцию, ведущую либо к душевному просветлению, либо к нравственному тупику. В психологическом рисунке есть авторские ремарки, прямая речь героя, его мысленный самоанализ – все это известные в литературе приемы психологизма. Особенной чертой письма Л. Ашеко является использование поэтических формул, которые способствуют передаче сложности эмоционального состояния. Например (выделено мной):

«Сердце било набатом в груди Сергея – гулко, больно колотилось в костяной клетке, шумом и гудом отдавалось в ушах. Увидев Надю так неожиданно, так близко, он вдруг стал и телом, и душой, как ожог – все колело, саднило, жгло. «Зачем, зачем привелось мне встретиться с нею? Зачем тогда, для чего сейчас?» Тогда... Тогда, охладев к жене, он чувствовал, как все в нем опустело, утратило желания и стремления. Горькое жалостливое равнодушие пришло на смену страсти и нежности к Гале, опреснило жизнь, да еще и мучило сознанием вины перед бывшей любовью. Тогда, увидев Надю, он словно напился в лютую жажду из свежего целебного родника и, запрещая себе приближаться к

ней, все-таки мечтал о ней, любовался ею и наслаждался своим, пусть неутоленным, но живым чувством. Когда же Галя погибла, *он стал сам себе палачом*, обвинив в случившемся себя одного...

Теперь же, когда он снова встретил Надю, *с него словно сошел наркоз, и он вошел в кипящую смолу своего греха*, вины перед женой и матерью, слабости в несчастье, падения до грязного пьянства, отказа от труда и терпения своей доли. Он даже озлился на красоту этой женщины, на *встречу с нею, всколыхнувшую болото, в котором он тонул...*».

Автор находит точное эмоциональное слово, помогая читателю понять «диалектику души» героя, «прочувствовать» его.

Формы психологизма в романе разнообразны. Это лирические монологи героев; пейзажные зарисовки; дневник Альбины и сны Ивана; психологический портрет и т.д. Вот довольно лаконичный, но выразительный портрет Елены Рыбаковой, в котором отражается самая суть ее характера – напористая жизненная цепкость, и в то же время есть авторский намек на иллюзорность ее достоинств: «Елена Анатольевна думала, что она выглядит на десять лет моложе своих «под сорок», но хотя ее крупное лицо и было гладко, как валун, ее громоздкость и наплывшая за последние годы нерастроченной энергии полнота отчетливо обрисовывали ее возраст. Надевая все лучшее, модное на свое большое тело, она, будучи здоровой и сильной, казалась себе все той же девчонкой, полной энергии и жажды жизни, многого хотела и ждала от своей удачливой судьбы».

Все герои показаны в психологической динамике, это убеждает в гибкости человеческой природы, в способности человека, осознавшего свои поступки, менять себя; в переменчивости внутренней жизни человека есть обнадеживающий смысл.

Осмелюсь утверждать, что *в современной брянской литературе нет произведения с таким глубоким, гуманистически осмысленным психологизмом*. Дочитав роман, я вспомнила высказывание Ф.М. Достоевского о том, что мир внутри нас. Судьбы героев романа Л. Ашеко – еще одна иллюстрация к этой замечательно верной мысли.

Кому-то из читателей, может быть, не понравятся слишком обобщенные характеристики исторически важных событий, на фоне которых и решаются судьбы героев.

Считаю такие обобщения оправданными авторской изначальной задачей. Пишется не учебник истории, хотя главные, поворотные пункты перестройки очерчены. Л. Ашеко в этих характеристиках верна себе. В ее обобщениях есть оценивающий пафос, в них тоже акцентируется самочувствие людей: «Конец сентября казался провинциалам то ли концом прожито более-менее терпимо пласта времени от путча, то ли началом новых изнуряющих испытаний. Покоя, стабильности не было и в помине. Только что бурлили толпы у Белого Дома в Москве, и еще не сходил с экранов телевизоров расползающийся атомным грибом черный дым пожара. Все новости были тревожными, недоступными ясному пониманию. Жестокость, словно яд, вошла в кровь

и сознание общества, подпитываемая бесконечными телекартинками, радио и газетными сообщениями. Убивали новоявленных богачей, получивших название «новые русские», убивали и самых бедных, незащищенных, грабили квартиры, дачи, отнимали сумки и кошельки. Ограбили всех стариков, потерявших сбережения на книжках, отнесших последние деньги в прорекламированные СМИ «фонды» и различные пирамидальные сооружения, ограбили всех тружеников, отобрав и их трудовые сбережения и ежемесячные зарплаты и всучив в обмен на гражданские права пользования общественными богатствами бумажные, не имеющие цены «ваучеры»...». Замечательно. Автор не историк-интерпретатор, а выразитель самочувствия пострадавшего от перестроечных реформ человека из народа. *Концептуальная цельность – фундамент художественности в произведении.*

3. В романе много любви. Как и бывает в романах. В любви проверяется жизнь героев на прочность. Психологии отношений мужчины и женщины Л. Ашеко уделяет много внимания. Признаюсь, так называемая любовная линия в произведении изначально вызывала у меня настороженность. Надоели эротические фантазии современных сочинителей, которые далеки от нормальных человеческих чувств, которые удовлетворяют любопытство определенной категории читателей, испытывающих тягу к различного рода психическим извращениям и болезненным состояниям тела. Такие фантазии, к сожалению, вошли в моду и опять же определенной категорией читателей и

критиков воспринимаются как литературная норма. С другой стороны, многие писатели забыли элементарный учебник по психологии, далеко отстали от достижений этой науки в интерпретации отношений полов. Сегодня каждый современный студент знает, что в отношениях мужчины и женщины возможны увлечение, влюбленность, влечение, страсть и т.д., наконец любовь. И все это – разное. Наши поэты и прозаики сплошь и рядом смешивают эти понятия, выдавая страсть за любовь, физическое влечение за основополагающее чувство... Так и появляются абракадабры типа «безумная любовь» и т.п.

С радостным чувством дочитывала роман Л. Ашеко. В нем нет стремления шокировать читателя каким-либо «безумным» откровением. *В отношениях героев все – из живого опыта нормальных человеческих отношений, изображение которых отличается все той же концептуальностью, которая поднимает повествование на художественный уровень.* Любовь в изображении Л. Ашеко – чувство, которое дано испытать человеку, чтобы он мог узнать мгновения настоящего счастья. Это чувство, созидющее по своей природе. Оно лечит душевные раны, придает смысл жизни, воодушевляет человека на добрые дела. Интересно, что любовь в произведении – чувство не для избранных; она обретается в результате жизненных потерь, потрясений и заблуждений или же дается героям праведным. Если душа не очерствела, любовь находит человека. Так находят в конце повествования друг друга Надя и Сергей, Иван и Марина. История

Ивана и Нади как раз в хорошем смысле поучительна тем, что физическое влечение героев друг к другу не заглушило в них потребности настоящей любви (автор дифференцирует эти понятия) и не переросло в любовь, которая невозможна без взаимопроникновения душ, интереса к духовной жизни друг друга. Иван, переживший, кажется, все стадии страстного влечения к Наде, сам и обрывает все нити, их связывающие по жизни. Страсть разрушительна по своей природе, она не наполняет жизнь, а приводит к опустошению. Сама болезнь Ивана – следствие уступки страстям. Еще раз подчеркну: как необходимо это понять сегодняшней молодежи, воспитываемой бездуховным зарубежным и уже отечественным кинематографом. Роман Л. Ашеко в этом смысле – учебник жизни, показывающий примеры нормальных человеческих отношений, помогающий отличить истинное в них от ложного. В то же время в любовной линии романа не все разложено «по полочкам». Мир взаимоотношений героев сложен. Автор ничего не упрощает. С одной стороны, Л. Ашеко четко разграничивает разрушительную страсть, платоническое чувство и любовь. Елена сравнивает себя со Змеем трехголовым. В одной голове – Миша, муж, которого она не любит, но уважает и ценит за то, что он сделал для нее в жизни: «Ты мне очень близок, словно брат или сын. Ты мой товарищ в жизни». «Ох, а вторая голова – левая, конечно, очертелая, бешеная – это Леня, Леник, хитрец, проныра... Не переносу льстивые его комплименты, примитивный юмор... Но... Да что же это такое? Чуть только прикоснется ко мне, поджигает,

как спичка паклю!...» И ни то, ни это не составляет счастье Елены. Думая об Артеме, она думает о любви, которой так ей недостает: «Любовь... Что же это такое? Это моя третья голова, которая все время болит, бурлит тревожными мыслями, ищет, изобретает пути к нему...». Многого в жизни достигла Елена, но без любви нет полного счастья: «Несчастливая я, несчастливая», – подумала и заплакала тихо от боли в душе и в теле». Что-то подобное испытывала и Надя, когда соединила свою судьбу с Иваном. Много было хорошего, а любви не было, поэтому и разрыв с ним она восприняла как облегчение: «Иван ушел ночевать в мастерскую, а Надя, лежа в такой уютной после больницы «своей» постели, вдруг сквозь обиду и разочарование почувствовала необъяснимое облегчение. Словно отрезали болящий нарост на теле и, хотя рана еще не совсем затянулась, стало легче и свободнее». Интересно, что именно любовь, которую ждут все герои романа, остается чувством, которому не дано автором логическое определение. Показанное в живых сценах, оно остается загадочным и в чем-то невыразимым, таким, как испытывают его Альбина и Артем, Марина и Иван, отец Тимофей и матушка Софья, Сергей и Надя: «... он (Сергей) любил ее с каждым днем все больше, все горячее. Почему? Из-за ребенка? Да, но не только. Что-то их связало такое, чему он не может найти объяснения, но точно знает – навсегда, до последнего мгновенья жизни одного из них. «Значит, есть любовь. Та самая, которую не каждый находит в жизни, но если найдет, от себя отречется, а не от любимого человека. Мне дано. Чем я заслужил такое? Ничем, конечно. Мне

теперь служить и служить, чтобы отработать этот аванс судьбы. Господи, помоги!»

В изображении интимных чувств много поэзии, художественной меры, нет пошлости. В интерпретации отношений мужчины и женщины Л. Ашеко самостоятельна, последовательна, и потому убедительна.

Конечно, читатель может иметь свой, отличный от автора, жизненный опыт в любви и свой ее идеал, потому что мир человеческих связей всегда будет многообразней и богаче любой интерпретации в искусстве. Здесь, мне кажется, важно, насколько автор ответственно относится к тому, каким стремлением заражает читателя. Л. Ашеко не оправдывает отношения, не ведущие к духовной связи между людьми. *В этом смысле роман, к сожалению, актуален, как никогда.* Кстати, представление автора об идеальной человеческой судьбе, как это выражено в произведении, не равен одной любви. Перечитав свою книгу, Альбина испытывает сильное волнение и думает: «Да и вообще я счастливая. Все мне дано: творчество, семья, любовь, любимая работа. Есть свое жилье, своя земля. Мне интересно жить, я люблю людей. Слава Богу!» Вот наш национальный идеал, который не каждому иноземцу может быть понятен. Не карьера, а любимая работа; не деньги, а творчество; не обособление и власть, а любовь к людям; не гордость за достигнутое, а благодарение Богу. *Это состояние русской души.*

4. Углубленность во внутренний мир героев не снижает динамики повествования и читательского интереса к происходящему в романе. В нем есть все:

драматические повороты событий, любовные интриги; переключение авторского внимания с одной сюжетной линии на другую «подогревают» желание узнать, что будет дальше. Серьезнейшая история, связанная с разоблачением почтальоном Петром Плясовым предателя, выдававшего себя за его бывшего боевого товарища, - настоящий детектив. Этот «сюжет в сюжете» написан, на мой взгляд, изумительно. По сравнению с другими историями он довольно лаконичен и при этом глубок по мысли и точен по психологической разработке характеров.

Много дает мистическая линия в сюжете: Интригуют сцены соприкосновения двух миров – реального и потустороннего. Очень интересен образ Ведьмежонка, воплощающий идею стихийной злой силы, вмешивающейся в ведьмежскую жизнь (думаю, он будет неоднозначно оценен читателями). Загадочные сны Ивана, чудесные совпадения, мистическая символика... *Мистическую сторону повествования считаю в целом творческой удачей автора.* Потому что двоемирие в романе представлено все-таки не с развлекательной целью (это так называемый «побочный эффект»), оно выражает идею Божьего промысла в жизни человека. Есть восхитительные эпизоды, которые написаны с профессиональным чувством меры, где авторская мысль балансирует на грани реального и нереального, где случившееся имеет одновременно и реальную, и мистическую мотивировку. Например, эпизод с «вылетевшей птицей» из сумочки умирающей Гали. Она только что связала эту птицу в кружке макраме:

«Та затрепетала на основной нити, мигнула вплетенным глазком-бусинкой, словно ожила и собралась лететь...». Есть тут какое-то предзнаменование, которое и свершается. По ужасной случайности Галя погибает. «Она не успела заметить, как из ее глянцевого пакета вылетела белая нитяная птичка и вспорхнула на ближний куст. Зацепившись за ветки основной нитью, она раскачалась широко, вольно, весело и озорно поблескивая зрачком-бусинкой». Такой же живой кажется она и Сергею: «И тут, у высокого облетевшего куста Сергей встал, как вкопанный. На крайней ветке, зацепившись за нее длинной нитью, раскачивалась белая, вязаная из блестящих капроновых нитей, птичка. Ее выпуклый глаз-бусинка ярко посверкивал время от времени, и это сверкание было настолько необъяснимым, что взгляд казался живым. Сергей не мог двинуться с места, ему стало страшно». Так загадочно и исчезает птичка – то ли «отлетевшая» Галина душа, то ли предвестница беды...

Автор все время напоминает о присутствии «второго мира», и это дает художественный эффект, позволяющий по-иному оценить нам, читателям, свою земную практику. Земные дела героев способны провоцировать вмешательство в жизнь потусторонних сил – либо добрых, либо злых. Уступил низменным желаниям – открыл доступ к себе разрушительным силам; сделал доброе дело – судьба «идет навстречу», обстоятельства сами помогают человеку. Вот почему кажется глубоко оправданным детальное изображение в романе бытовой стороны жизни героев: человек не всегда совершает «особенные» поступки, чаще он

проявляет себя именно в привычной обстановке, в делах обыденных и незаметных. На этом уровне существования человека все не менее важно.

5. Бытовой жизни героев уделено много авторского внимания в романе. Особенность художественного видения Л. Ашеко заключается в ее внимании к подробностям быта. Не только психологическое состояние человека, но и внешнее его окружение описывается подробно: убранство комнат, сервировка стола, домашняя утварь, планировка дома; дело, которым заняты герои – поэтапно и подробно (например, уничтожение шершней в ведьмежском доме и др.); одежда (цвет, фасон, материал и т.д.). Например, описание убранства квартиры Ивана: «Иван, вернувшись вечером из мастерской, остолбенел на пороге. Квартиру было не узнать. Элегантно и уютно выглядело все, что раньше никак не выглядело, просто громоздилось в пространстве. В прихожей часть вешалки скрыла занавеска из темного шелка, под вешалкой появился полочка, застеленная клеенкой, на которой ровненько располагалась обувь, валявшаяся прежде в углу. В комнате – платяной шкаф был выдвинут и развернут так, что широкая тахта оказалась за ним, образовав крохотную спальню с угловым окном. На тыльной стороне шкафа висел доживший до лучших времен нарядный ковер, полностью закрывший неприглядность задней его стенки. Журнальный столик и два кресла на фоне ковра создавали уютное гнездышко для отдыха. А напротив, у стены, удобно разместился передвинутый из угла телевизор. Развернувшись, шкаф открыл всю

целостность росписи на стене, и комната стала похожа на аквариум в синих и желто-зеленых лентах водорослей по периметру... и т.д.».

Не скрою, что эта особенность изображения иногда меня смущает в рассказах Л. Ашеко, некоторые детали картин кажутся лишними. Не то – в романе. Здесь подробности жизни приобретают особый смысл. Конечно, они способствуют созданию зримой, объемной картины, создают устойчивую иллюзию достоверности в произведении. Безусловно, они наполняют роман исключительно ценным познавательным материалом: в далеком будущем по этим картинам можно будет восстановить с большой долей точности то, в каких условиях жили люди нашего исторического времени, как выглядели, что ели, чем занимались... Но интересно другое. Присутствие в романе «второго мира», о котором время от времени напоминает автор, придает всему, что есть в жизни героев, особую значимость. По мере чтения укрепляется мысль о ценности всего, что мы имеем в земной жизни. Автор помогает замечать то, что обычно кажется нам неинтересным, незначительным, к чему мы привыкаем и что делаем автоматически. Писательница как будто говорит: «Умейте замечать все, ловите мгновения жизни, наполненные красками, звуками, формами, тем, что мы считаем мелочами. Жизнь одна, поэтому в ней все важно, все значительно, потому что никогда не повторится. Из мелочей складываются наши индивидуальные судьбы, которые вливаются в общую картину мира. Более того, какой-нибудь незначительный «штрих» жизни может оказаться

знаком Божьего промысла...». *Мистическое в романе оказывается художественным поводом к переоценке земного бытия, к его восприятию как бесценного дара человеку.* Особенно важно это для читателя, по каким-либо причинам разочаровавшегося в жизни, потерявшему к ней интерес. Автор учит вглядываться в жизнь, уметь радоваться каждому проявлению жизни... В изображении писательницы мир вещей кажется значительным, потому что на всем лежит отпечаток характера, настроения человека, его индивидуальности. Тщательно выбирается подарок на день рождения подруги, подбирается платье для встречи в писательской организации, перечисляется то, что друзья принесли в больницу их другу... Много, много подробностей. Они погружают нас в привычные условия нашего существования, «отрезвляют», и вновь на страницах романа появляется Ведьмежонок, уводящий читателя в мир сказочный, таинственный, в котором есть силы, незримо влияющие на нашу жизнь. Все ли мы делаем правильно? Не потворствуем ли силам зла?.. Читатель вместе с автором балансирует «на пороге как бы двойного бытия»; писатель переводит наше восприятие в попытки философского обобщения.

6. В сочетании поэтического пафоса повествования *многие страницы произведения читаются как гимн жизни.* Роман написан поэтом, может быть, поэтому он так лиричен. Повествование пронизано авторским самочувствием. Все видится взглядом эстетическим, что выражается, конечно же, в использовании поэтического языка. Например, пейзажи в романе – это стихотворения

в прозе: «... Осень плескалась в огромной чаше озера Лычина: желто-красные мазки прошлись по глядящему в воду лесу. Пучки рослой травы – то обесцветились до белизны, то расцвелились темно-коричневым по зеленому, зачернели камыши справа в заболоченной низинке. Озеро потемнело от нагрузших в небе серых туч, оно притягивало взгляд, как топаз в золотом ожерелье, но все вокруг – само это ожерелье – поражало вдохновенной красотой великого творения. Приозерный короткотравный луг, отбегая от лесистого дальнего берега, стелился ярким бархатом с вкраплениями краснолистных калиновых кустов, увешанных гроздьями неярких ягод, полосками ивняка вдоль болотистых впадин, рябинами, взобравшимися на пригорки и светящими оранжевыми факелами. Плавно и бережно низина ползла сюда, к обрывистой меловой круче, под которой извивалась быстрой змейкой река, почти скрытая от озера густой щеткой раquit, но обнажаемая под взглядом сверху камнями, мелом и редкими плешинами белого песка у крутого, восходящего прямо к небу, берега». Можно очень много говорить о словесной «живописи» Л. Ашеко. Наверное, так смотрит на мир художник: мысленно переносит увиденное на полотно, определяя цвет, объем, перспективу... Эмоциональный поэтический язык возвышает прозу жизни в романе, озаряет ее пафосом вдохновения. И герои Л. Ашеко – люди талантливые: художники, писатели, рукодельницы... Иван в своих снах говорит стихами (замечателен переход от прозы к поэзии. Опыт такого письма был очень удачно, на мой взгляд, «апробирован» Л. Ашеко

в рассказе «Зеленые плоды»). В литературном смысле очень интересна стихотворная стилизация в третьем сне Ивана. Сочиняет и поет песни Альбина, ее пение настраивает людей меркантильных и прагматичных на «поэтическую волну»: «Она пела негромко, душевно, следуя за изящным гитарным перебором, словно доверительно рассказывала о своем, прочувствованном, сокровенном. И, несмотря на приличное подпитие, ее слушатели прониклись настроением песни, поняли и приняли ее. Затихла гитара, молчали за столом, потом Борис вздохнул: «А-ах... А хорошо! Песня какая-то новая, незнакомая».

Все это – как прорыв из засасывающей повседневности в духовную сферу жизни. Вот почему подробности быта «не засасывают» читателя, повествование не обращается «бытовухой». Обыденное в романе представляется неотъемлемой частью судьбы человека, ищущего высокого, одухотворенного самочувствия. Для Нади, живущей стихийной деревенской жизнью, ярким воспоминанием остаются сеансы у художника, когда он рисовал ее портрет. Альбина, у которой, кажется, самая удачная личная судьба, тянется к творчеству и становится писательницей. Галя, совершенно несчастливая в семейной жизни, ходит в кружок макраме... Интересен мир художников, лучшие из которых заняты активной творческой деятельностью. Кстати, творческая жизнь представляется в романе как дар человеку, позволяющий ощутить себя счастливым. И очень важно, что образ автора, присутствующий в романе, представляется примером способности силой

творческого дара преобразжать мир.

Язык романа Л. Ашеко – изумительно индивидуален. Он богат изобразительно-выразительными средствами, он живописен, свободен, неповторим... Это живой язык. *Не многие романисты сегодня так пишут. Такому языку невозможно подражать. Он крылатый, потому что им говорит автор с окрыленной вдохновением душой. И это результат не романтической оторванности от жизни, а умения в прозе жизни видеть поэзию.*

7. О смысловой значимости романа писать особенно трудно, потому что жизнь представлена в нем многоаспектно: каждая сюжетная линия несет свою идею. Можно рассматривать проблемы творческой интеллигенции в среде писателей и художников (есть интересные характеры, раскрываются типичные отношения, отражено представление, как мне кажется, о положительной творческой личности, прежде всего в образах Альбины и Артема). Можно выделить в романе линию «преступления и наказания» на примере истории Сергея, Гали, Вовы. Есть галерея лиц и ряд ситуаций, раскрывающих специфику моральной атмосферы в среде руководителей-администраторов (здесь очень выразителен образ Елены Рыбаковой). Есть смысловая линия «отцы и дети» (Альбина, ее мать, муж Артем и их дочь Любочка; Наргиз, ее мать и дочь Марина; Галя и ее мать и др.). Очень органично в систему событий вписывается «военный» сюжет... Выделю то, в чем вижу главный смысл романа.

Все сюжетные линии, как малые реки, сливаются в итоге в один сюжет, в котором все герои связаны друг с

другом одной общей и исторической, и личной судьбой. Все идеи сводятся к одной, ведущей и главной, которую я сформулирую так: только один путь – ведущий к Богу в душе – путь, достойный Человека. Только на этом пути человек постигает смысл своего присутствия в мире, своих страданий и радостей. Это путь покаяния и очищения, возвышения над разрушающими страстями, отречения от иллюзорных ценностей. Очень трудно поделить героев романа на «положительных» и «отрицательных». Они отличаются тем, насколько близки к пониманию этой истины. Более симпатичные те, чьи души более открыты Богу, такие, как Альбина – человек добрый, чуткий, отзывчивый, талантливый, умеющий глубоко и верно любить, не способный на обман, хорошая мать и терпеливая дочь... Она вознаграждается умиротворенным состоянием души. Ее подруга с экзотическим именем Наргиз идет путем несправедливым. Она создает себе имидж, добиваясь положения в обществе, предавая дружбу, близких людей. В итоге же оказывается разрушительницей своей души, ее разъедает зависть и чувство напрасно растроченной жизни. Но гуманность автора я вижу в том, что она оставляет каждому герою шанс выйти на иную стезю, начать все заново. Что это возможно, убеждает история Сергея. Сам роман – подсказка таким, как Наргиз и Елена Рыбакова. Путь праведный ни для кого не закрыт. «Елена же сидела в кухне и думала о себе. Теперь, когда ее любви, как головы змея, срубил бестрепетный меч судьбы, тело ее, наболевшее, прошедшее через кромсание скальпелем, через инородные вливания и внедрение

химии, как бы ослабело, утратило бурные желания, опустело. И в этой ничем не засоренной пустоте начала шириться, размещаться растущая на просторе душа. Ей хотелось добра, которое она бы она раздаривала и которое бы могла заслужить...». *Так понимать человека может только тот, кто любит людей.*

Символичен финал романа. В Ведьмеже восстановлен Храм усилиями многих людей, и его колокол звучит для всех. Итоговые сцены воспринимаются как торжество мечты. Иссякли силы зла (Ведьмежонок умер). И пока звучит колокол, пока в душах людей есть чувство Бога – нет места на земле злу.

Стоит ли доказывать, как актуальна идея романа сегодня?..

В романе «Дачный сезон» много художественных достоинств. Концептуальность, глубокий психологизм, богатый, интересный язык, актуальность проблематики, гуманность авторской позиции.

Считаю роман Л. Ашеко незаурядным явлением в брянской литературе. Это то произведение, которые очень нужно современному читателю. В нем столько индивидуального и общечеловеческого опыта, что, думаю, и читателю будущего будет о чем поразмыслить. Но именно сегодня в жизненном пространстве, полном агрессии, роман помогает человеку укрепить веру в душевные ресурсы, ведущие к добру. Он учит отличать истинные ценности от ложных в такое время, когда средства массовой информации и, к сожалению, литература дезориентируют человека, не имеющего четких нравственных установок. Как читатель, на себе

испытала огромное воздействие этого произведения, вдохновляющее и концентрирующее в душе силы, питающие жизнь.

**Опубликовано с небольшими изменениями как
ПОСЛЕСЛОВИЕ в книге:**

Л.Ашеко. Дачный сезон. Роман.—Брянск: Группа компаний «Десяточка» (изд-во «Белобережье»), 2012.

**КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ
В КНИГЕ В. СОРОЧКИНА
«ЗАВТРА И ВЧЕРА»**

Владимир Евгеньевич Сорочкин, автор поэтической книги «Завтра и вчера», – лауреат литературной премии имени Ф.И. Тютчева «Русский путь», член Союза писателей России.

Новый поэтический сборник Владимира Сорочкина произвел на меня глубокое впечатление. По масштабности, общечеловечности переживаемых лирическим героем проблем и адекватности их образного воплощения книга «Завтра и вчера» мне представляется примером высокого уровня художественности в литературе, явлением исключительно значительным в нашей Брянской и российской поэзии. В поэтическом пространстве книги отражено самочувствие человека в трудном, подчас противоречивом, поиске своего места в пределах мироздания... На этом пути каждое открытие в индивидуальном жизненном опыте, приближающее к истине, всегда будет лишь звеном промежуточным, не завершенным вполне, а потому – побуждающим к мысленному диалогу с автором. Идея поэтическая у В. Сорочкина не навязчива, не назидательна. Она метафорична, а смысл поэтических откровений многозначен со свойственной образу

недосказанностью... Вот почему общение читателя с лирическим героем сопровождается радостным ощущением сотворчества. Это умная поэзия, которая не создается наспех, по случаю, на основе спонтанных, неосознанных эмоций... Стихотворение выкристаллизовывается из жизненного опыта сплавом мысли и чувства как результат серьезной работы со словом, озаряющим в итоге жизнь новым светом. Это поэзия, обнадеживающая тем, что постоянная работа души в конце концов обязательно будет вознаграждена, если человек ищет духовных опор в жизни:

Бывают дни пронзительного счастья,
Когда, уже почти сойдя на нет,
Душа не разрывается на части,
Но воедино связывает свет,

За тенью жизни –
 призрачной и длинной –
Скрывает и беверие, и зло,
И трещины замазывает глиной,
Как ласточка – разбитое гнездо. («Бывают дни
пронзительного счастья»).

Интересно название книги. На мой взгляд, оно точно отражает суть авторской концепции «человек и время». Практически в каждом стихотворении я нахожу отголоски этой, как мне представляется, сквозной и главной темы сборника; отдельные произведения – как грани кристалла, укрепляющие впечатление

соразмерности, прочности и красоты целого. Для лирического героя его земное бытие – это краткий миг в вечности: «Средь вечности нам отпускается крохотный миг, // И время уходит, дороги не зная обратной...» В маленьком отрезке времени, называемом жизнью, мы все же успеваем осознать себя в настоящем, прошлом и будущем. В непрерывающемся жизненном цикле, похоже, самое определенное и завершенное – это «вчера», оно – «янтарь, застывший на века» («Капля»). Мне нравится такое сравнение, потому что оно приводит к мысли о ценности всякого человеческого опыта, каждой человеческой судьбы в общем движении жизни, которая не прерывается никогда: «Но когда я вернусь – через множество лет – // Дольним прахом, пылинкой, летящей в эфире, // Оседа на некогда прерванный след, // Ничего – видит Бог – не изменится в мире» («Возвращение»). «Завтра» для лирического героя, наоборот, неясно, неопределенно, таинственно; нам не дано его предугадать. Но оно рождается из нашего «сегодня», которое текуче, неустойчиво, где каждое проживаемое нами мгновение – уже прошлое и одновременно шаг вперед. В этой диалектической связи времен лирический герой переживает свою драму, теряя обретенное, пытаясь безнадежно задержать мгновение: «Это только сейчас, только здесь – // и нигде на помине: // Этот вечер, зовущийся утром, // да час с небольшим // Ты спешишь быть собой, // потому что сейчас и отныне // Есть сегодняшний день, // становящийся завтра чужим...» («Завтра»). И когда я как читатель переживаю вместе с лирическим героем эту, казалось бы, трагическую

тщетность усилий остановить время, необходимы и отрадны поэтические строки, дарующие мне духовное прозрение: «Нам никто не простит ничего – // ни грехи, ни огрехи, // Но – глаза закрывая – // теряют огни, но не свет» (Завтра»). Или вот это: «Зима катит в глаза, но и тем паче // Мне дней не жаль, сгорающих дотла, // Пока у жизни есть еще в запасе // Хотя бы искра Божьего тепла» («Посмотришь вспать...») ... И все же при неуловимости мгновения («Идешь – и оставляешь сзади // Все то, что видишь впереди» («Сумерки»)), именно «сегодня» в поэтическом пространстве книги кажется наиболее реальным, что ли, ощутимым, «живым», а потому и особенно дорогим... Действительно, «... только то, что есть не навсегда – всегда и есть» («Посередине зимы»). Об этом – маленький поэтический шедевр, которым открывается сборник:

Прими все то, что видишь: жизнь мала,
Чтоб ей успеть сложиться по-иному...
Скрипит сосна. По свежему излому
Стекает теплой каплею смола.

Пройдет немало времени, пока
У ног твоих взамен смолы пустячной
Из-под волны, небрежной и прозрачной,
Сверкнет янтарь, застывший на века... («Капля»).

Теплая смола, скрипящая, еще живая сосна – это наше «сейчас»... Еще «сейчас». И мгновение, в котором теплится жизнь, разве не есть самый важный и самый

значительный временной промежуток бытия – момент сотворения «вчера» и «завтра» – момент творчества? Как точно в названии книги автор обозначает этот промежуток не словом, а отсутствием слова... То, что текуче, подвижно, что есть сама жизнь – шире любого словесного определения, не может быть «скреплено» понятием... «Сегодня» представлено автором преимущественно в живых картинах – очень логично. Название книги концептуально, как и все содержание книги.

В. Сорочкину дана способность на языке поэзии выразить чувство времени, драматичное переживание скоротечности человеческой жизни относительно вечности. Его попытка осмыслить место человека в общем мироустройстве невольно обращают нас к тютчевской поэзии. Новая книга убедила меня еще больше, что поэзия В. Сорочкина во многом родственна тютчевской. Например, интересно создается внутреннее напряжение в стихотворном поле борением света и тьмы, где их соотношение отражает философскую мысль автора. Мрак, ночь, тьма у В. Сорочкина – долговременные властители мира, наших дум и эмоциональных состояний: «...круговерть ночного света бесцеремонна и долга...» («Сумерки»). Свет – почти всегда вспышка, блик, мгновенный луч, пронзающий тьму, блеск молнии, после которой вновь воцаряется тьма: «Она // Ушла – и больше не вернется. // Черна у молнии спина...» («Молния»). Но это не уравнивающие друг друга, а качественно различные силы, как различны животворящие и несущие смерть стихии. Они

попеременно сменяются на поле жизни: тьма убивает, свет возрождает. И осуществляется безостановочное движение вперед, а в начале всего – все-таки свет: «Восходит солнце. Пашет плуг. // Невинна наша кровь. // Пройдут года, замкнется круг - // И все начнется вновь...» (Огонь»). «Завтра» – тоже свет: «Брезжит завтрашний свет // Огоньками из мглы». Противостояние тьмы и света есть не только вовне, но и в сердце человека как вечный его выбор между злом и добром: «Всякий выбор – узлом – // Хоть руби топором – // Между небом и злом, // Меж землей и добром» («Брезжит завтрашний свет...»). Перевод категорий философских в плоскость нравственных оценок отвечает цели литературного творчества в целом, и это в русле нашей классической традиции...

Совершенно очевидна в книге философичность пейзажа. Как правило, образы природы передают не только эмоциональное состояние лирического героя, но воплощают логику его мысли:

В прах сухое зерно опустила рука,
И пролился полуденный зной на долину,
Чтоб слышала почва движенье ростка,
Чтоб дыхание жизни пробилось сквозь глину.

И побег появился, сливаясь с травой,
И зеленые стрелы в зенит устремились,
Чтоб вершина на солнце шумела листвою,
Чтобы корни во тьме вековой шевелились.

Классический опыт обогащен наработками интеллекта современного человека, угадывающегося в характере метафор, в поиске новых поэтических форм... Но поэзия В. Сорочкина не умствование, а мыслечувствование; сплав настолько прочен, что совершенно невозможно угадать, что является импульсом к появлению стихотворения – мысль или всплеск эмоций. Лучшие произведения отличаются такой сбалансированностью:

Какой портной в пресветлой горенке
Под шорох ветра и планет
Смог без сучка и без задоринки
Сшить воедино этот свет,

Соединить сиянье месяца
И синеву звенящей мглы...
Посмотришь – жизнь твоя поместится
На острие его иглы.

Классической традицией в современной поэзии является, на мой взгляд, тяготение поэта к сюжетности, которая четко просматривается у В. Сорочкина. Люблю эти стихотворения, потому что живая картина позволяет избежать риторики, которой грешат многие современные поэты, а, главное, живая картина – это, на мой взгляд, прямой путь к сердцу читателя, она способна вызвать непосредственное переживание, без чего я не представляю поэзию. В книге «Завтра и вчера» это «Старушка пыль устала протирать...», «Постирушка»,

«Двое», «Сквозь город», «Всадник», и другие. Конечно, «Пылающий камень». Вообще умение «разлить» мысль философскую в живой картине – всегда признак высокого поэтического мастерства. Риторика убивает поэзию. Вот, на мой взгляд, восхитительное:

Безмолвны лес и сжатые поля.
Легко брести по желтому безлюдью.
Река стремится к устью, а земля
Уже вдыхает осень полной грудью.

И в тишине, над лепетом раки
Летит по небу крошечная стая, –
Так нестерпимо медленно летит,
В пронзительную точку вырастая.

Обращение В. Сорочкина к фольклорным мотивам уже давно отмечено критиками, в новой книге оно тоже подчеркивает его индивидуальность как художника. В поэтический мир книги «Завтра и вчера» органично вписываются волхвы, витязи, Жар-птица, чудесная рыбка, Иван-царевич... Я вижу здесь не всего лишь удачные попытки стилизации, а результат коренного родства мироощущения лирического героя с народным сознанием, переданным нам из глубины веков посредством образного слова. Сегодня такое обращение к фольклору осуществляет связь времен, приобщает читателя к духовно-нравственному опыту наших предков. (Как не вспомнить слова А.С. Пушкина: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая

образованность от дикости»). Но что интересно: с помощью фольклорных образов поэту удастся передать «болевы́е точки» нашего современного бытия; фольклорные сюжеты не кажутся архаичными, они становятся выразительной метафорой проблем общечеловеческих и потому всегда современных. В этом смысле изумительно стихотворение «Звезды светятся в колодце» – одно из моих любимых. Как точно указание на наше долготерпение, ожидание перемен в надежде на чудо... Вот образное выражение российской ментальности... Замечательны «Два витязя»:

Сузилось небо, как сеть.
Сжалась звенящая высь.
Там и сошлись, где не грех умереть.
Только на том и сошлись.

Накрепко сшиты копьем и мечом
Жизни и смерти края.
Первый спросил у второго: «А в чем
Верная правда твоя?»

И он услышал в ответ тетиву
Жгучую, как суховей:
«Правда моя – что пока я живу –
Правды не будет твоей».

Любовная лирика... Мне кажется, сегодня это самое «слабое звено» в современной поэзии. О любви пишут все (какая же поэзия без любви!), но... За редкими

исключениями, в этой лирике нет главного – духовного начала. Наши поэты, кажется, наперебой спешат поведать читателю о своих страстях, поражая при этом пошлостью, интимными подробностями отношений, примитивизмом чувств, изображением телесного и т.п. Смакуются болезненные, извращенные состояния и желания... Лирика мужчин (впрочем, и многих женщин тоже) исключительно эгоистична, потому что автор забывает об объекте обожания, его интересуется только «я», свое собственное переживание... Исчезла традиция воссоздавать образ Любимой, вдохновляющий и наполняющий жизнь содержанием... Печально, что и в смысле художественных средств любовная лирика, как правило, бедна новациями, а сплошь состоит из штампов. Уже приелись выражения «безумная, роковая страсть», «безумная любовь», «шальные ночи» и т.п. Опорные слова «безумие» и «ночь» варьируются всевозможно, а смысл не меняется...

Писать о любви, конечно, трудно. Это чувство сколь общечеловечно, столь и индивидуально. Мне кажется, поэту недостаточно только любить, нужно иметь представление о культуре выражения чувства, быть действительно художником, чтобы найти слова, адекватные переживанию, соблюсти меру и такт, быть искренним и не оскорбить чувства другого... Не перейти грань, за которой чувство любви превращается в бахвальство и самолюбование...

Я делаю такое длинное отступление от темы, потому что с особым пристрастием оцениваю всегда так называемую любовную лирику. Ведь мы передаем

свой опыт молодым читателям, которые, сопереживая лирическому герою, усваивают тип предлагаемых отношений, часто принимая их за образец... Что ни говорите, а наши читатели привыкли доверять литературному слову.

С нескрываемым восхищением читала цикл стихотворений В. Сорочкина, посвященных женщине. Практически все, что есть в книге «Завтра и вчера», отвечает моему литературному вкусу.

Чувство лирического героя по-мужски благородно, потому что его «я» всегда на втором плане. Во всем видно стремление возвысить Женщину: она – немеркнущий свет среди мрака, ее образ наполняет смыслом жизнь... Она – единственная. Думаю, и глубокое чувство, и художественное чутье не позволило автору снизить до банальных описаний подробностей портрета (волосы, руки, шея, одежда и т. д.). Образ Любимой загадочен, таинственен, она не может быть ни с чем сравнима – то есть уравнена с чем-либо материальным, конкретно-предметным: «Избавь меня от муки – обрывать // Словами твой забытый силуэт» («Что отыщу в тебе...»). Там же: «Слова – ничто, какому бы огню // Они ни присягали во плоти. // Любою будь, – тебя я не сравню // Ни с чем, чтоб ложь не тронула черты». При чтении мне не раз вспоминалась Прекрасная Дама А.Блока. Любимая лирического героя В. Сорочкина так же вольна приходить и уходить в реальности, исчезать и появляться в воображении, воспоминаниях, и в этом есть какая-то особенная, неразгаданная логика. Она не подчинена мужчине, но тем не менее выполняет

свое, женское предназначение – быть рядом, когда ему нужна поддержка, духовная опора в жизни: «Лучом приходишь, жаждою, волной, // Исчезнешь если, кажется – на миг // Всего ушла – и снова ты со мной, // Тем ближе, чем потерянное мир» («Что отыщу в тебе...»); «Только ты принуждаешь меня оставаться собою, // Чтоб не в землю, а выше мои устремлялись глаза» («Только ты...»). Отметим: женщина создает не уютный домашний мирок – она способна уравновесить целый мир. Слова «люблю», кстати, в цитируемых стихотворениях нет, оно, действительно, было бы недостаточным. Поэту удастся обойти употребление привычных слов, бытовой конкретики, от этого образ лишь выигрывает: «Где взять мне столько высоты, // Огня, эфира, // Чтоб вновь связать твои черты // С чертами мира? // Как мне со словом совладать // И со строкою...» (Сполох)). Лишь одно сравнение способно передать и значение Любимой в жизни героя, и ее суть. Женщина – несущая свет. Ее появление уподобляется радуге, лучу, огоньку, световому блику; там, где она, всегда есть противовес тьме: «В мгновения, рисующие светом // Твои черты штрихами беглых дней, // Я знаю, что ничто на свете этом // Тебя не будет ближе и родней» («Время»). Стихи, возвышающие женщину, не унижают мужчину. Он не способен довольствоваться «крохами» ее внимания, лишь остатками угасающей любви, превратившейся из «всплеска молний» в маленький лучик. Жизнь наполняет только ответное, такое же сильное чувство: «Я за всплеском молний вижу тьму, // Холод сна, тоски оцепененье... // Огоньку не хватит

твоему // Сил, чтоб удержать мое паденье» («Огонек царапнул по стене...»). Как психологически убедительно представлены в книге взаимоотношения мужчины и женщины, на каждом из которых лежит ответственность за состояние наших душ, а, значит, и всего мира: «Я – один. Я падаю, круша // Лживые подпорки. Вечность – мимо» («Огонек царапнул по стене...»). Возвращение Любимой «из тайны далекой» не пробуждает «безумные страсти», наоборот: «...от наважденья губ и глаз – // Светлей рассудок» («Сполох»).... Отношения мужчины и женщины неоднозначны, как и в жизни, не упрощены поэтом: «Нам жить с тобою – навсегда – // На грани сбоя...» («Сполох»). Психологически наполнена любовная в лирика Ф.И. Тютчева, А.К. Толстого; здесь у нас, в брянской литературе, есть своя традиция. Посвоему и очень достойно продолжается она в книге «Завтра и вчера»... В ней много строк прекрасных, удивляющих логической последовательностью изображения, убедительностью художественного слова, адекватного духовному содержанию ситуации: «И, если даже мы разрушим // Границы, вехи и мосты, – // Устам сойтись быстрее, чем душам // Впотьмах друг друга обрести...» («Новолунье»). Наконец, отраднo то, что, оказывается, не перевелись у нас высокие чувства, истытывая которые, человек способен, как лирический герой В. Сорочкина, на отречение от эгоистических претензий, от мстительных желаний: «Всегда пусть будет лик твой светел, // Но коль помыслю я о зле – Сорви мне самый горький стебель, // Какой отыщешь на земле» («Дар»). И какая женщина не мечтает о такой

беспредельной верности чувству: «Все, что дальше – за мной... // И поэтому, что б ни сказала // Ты – хотя бы о смерти, // о том, что уже никогда // Мы не свидимся, – // но ты услышишь сквозь шорох вокзала // Неизменное тихое «да», только тихое «да» («Только ты принуждаешь меня оставаться собою...»).

Мне хочется, чтобы читатель, уже привыкший доверять рекламной шумихе на книжном рынке, не обошел вниманием книгу В. Сорочкина, прочитал ее не спешно, а углубляясь в ее метафорический смысл, и чтобы к его жизненному опыту добавилось понимание любви как стихии чувства, возвышающей человека над обыденностью, заполняющей наше существование вдохновением на бескорыстные порывы, подвигающей к духовному росту. Замечательная лирика.

Отметим, что В. Сорочкин не делает конкретных посвящений, не называет имя, фамилию... Он оставляет право женщины на тайну и неразгаданность... От этого стихотворения лишь выигрывают, на первом плане в них – художественное обобщение.

В поисках образности В. Сорочкин обращается к природным стихиям: есть вода, огонь, грозы, метели.... Лирический герой проживает свой жизненный цикл во всех временах года. Мне очень интересным показалось обращение поэта к зимнему пейзажу. В литературе существует известный стереотип в изображении зимы: либо «буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя...», либо «мороз и солнце! День чудесный...». Конечно, все разнообразие поэтических находок в литературе нельзя очертить этими рамками, но в целом, мне кажется, общая

тенденция остается. В. Сорочкин совершенно ломает этот стереотип, потому что его зима – другая. Он как будто избегает изображения контрастных состояний в это время года. Цвет белый, но состоит из полутонов: «Нет ни души среди пустых аллей – // Скамейки в ряд, как из одной обоймы // Положенные в сумрак, но белей // Полутона ложатся на объемы» («Снег в парке»). Часто это вечерний, ночной пейзаж: «Выйду в снежную глушь, // на поля за излучины старицы, // И останусь один – среди них, среди ночи – на свете...» («Снега»).

Зимний пейзаж неярок, скорее, пасмурен, в нем размыты очертания предметного мира: «Темнеет – выпукло и круто, // Сплетая вместе, заодно // Деревья, стены... и округа // В сплошное сходится пятно» («Сумерки»). Не везде – так, конечно, но я замечаю тенденцию: «И метет, и метет... Тлеет утро – // И теряет остатки примет...» («Белые улицы»).

Размеренный ход времени делает сбой: оно становится неуловимым, неопределенным, как будто останавливается совсем:

Протяжны сутки. День короток.
Зима глядит из пелены,
И в окнах сумрачных коробок
Зажглись горчичные огни.

Снега надраены до меди,
Петляют улицы вразброд,
И время замершее медлит
И медлит стронуться вперед.

И свет размыт и зыбок, словно
Кругом лишь призраки и мгла,
Как будто загнан день – и злобно
Косит огнями из угла.

Зима у В. Сорочкина – олицетворение какого-то смутного времени: «Не узнаешь – // куда эта вьюга метет и метет...» («Вьюга»). Может быть, поэтому зимний пейзаж холодный, «белый», «стылый»... Вьюга замечает следы, стирает все границы, «поменяв местами твердь и небо» («Январь»). «Предзимье», «Снега», «Сумерки», «Захолустье»... – Очень похожие стихотворения по настроению, тональности. Исключением является «Безмолвие», в котором обозначена картина умиротворения в природе, состояние «неповторимой тишины»: «И воздух свеж, и синь дрожит...». Но и в эту картину врывается мысль о близкой непогоде: «Вот-вот – и вьюга закружит // Прочь кружева пустого снега»... В то же время, когда над землей куролесит вьюга, метель замечает землю, холодом сковывает все живое – человек испытывает особенное состояние, которое можно назвать каким-то томлением, полным непонятных предчувствий... Тепло и свет напоминают о себе отдельными бликами, огоньками, световыми пятнами, но его мало, и человек, чувствуя себя одиноким, потерянным во времени и теряющем границы пространстве, ищет мыслью опоры, а душа направляет его к Богу: «И уже кругом – ни тени, // Ни тропинок, ни

дорог: // Только ты, да эти стены, // А вокруг – простор и Бог» («Средь заснеженного края...»). Не потерять Бога в душе – значит выстоять в смутное время: «Зима катит в глаза, но и тем паче // Мне дней не жаль, сторающих дотла, // Пока у жизни есть еще в запасе // Хотя бы искра Божьего тепла» («Посмотришь вспать...»).

О Родине. Согласно с Л.С. Ашеко, которая в первом отзыве о книге «Завтра и вчера» написала: «Владимир Сорочкин нашел свое неподражаемое СЛОВО для выражения отношения к Отечеству. Очень по-мужски, без слезно-льстивого тона, свойственного одним, без пафосного гнева, присущего другим, он просто, проникновенно, глубоко-ответственно подходит к этой теме» («Добрый день, Брянщина», 30 ноября 2005 года). Для меня лучшим стихотворением на эту тему является «Предзимье». Образ Родины вписан в зимний пейзаж. Художественное решение, позволяющее прочувствовать наше неоднозначное самочувствие в переходное историческое время; аллегория, дающая повод к раздумьям о судьбе России, о своем предназначении в ее судьбе...

Закрыв книгу, я не ощутила в конце точку, хотя художественная завершенность сборника очевидна. Остается впечатление, что поэтический потенциал автора не исчерпан... Неудивительно, если поэзия – поиск смысла жизни. Каждая находка на этом пути в лучших стихотворениях автора – духовное озарение, укрепляющее наши силы в мире вечного противостояния света и тьмы, добра и зла, жизни и смерти. Уверена, что книге «Завтра и вчера» предстоит долгая жизнь

в литературе. Она как связующее звено между уже свершившимся и будущим раскрывает красоту, уникальность, неповторимость нашего «сегодня», которым мы должны дорожить...

Опубликовано с небольшими изменениями: Л. Семенищенкова. Концептуальность художественной реальности в книге В. Сорочкина «Завтра и вчера». – «Вестник БГУ», № 2, 2007.

То же в сокращении: Л. Семенищенкова. Воспитание словом // Педагогика искусства: сборник научных трудов преподавателей кафедры художественного образования. – Брянск: РИО БГУ, 2007.

**«НА СЕРДЦЕ – ВЕСЕННИЕ ЛИВНИ...»
ИЛЬЯ АНДРЕЕВИЧ ШВЕЦ
(1917 – 1991)**

В 2017 году исполняется сто лет со дня рождения замечательного брянского писателя Ильи Андреевича Швеца.

Он родился 2 августа 1917 года в селе Белый Колодезь Новозыбковского района Брянской области. Мать, Анастасия Германовна, крестьянка, родила его в поле, под пение жаворонков, когда жали рожь, и женщины в фартуке принесли новорожденного домой. Спустя много лет И.А. Швец написал: «... *Не потому ль я к этим птицам // равнодушен до сих пор? // Не потому ль мне жатва снится – // хлебами пахнувший простор?*» («Меня тропинка увела...»).

Поэт прожил долгую жизнь, в которой были и радости, и горести: сиротское детство, бедность, тяжелый крестьянский труд; школьные мечты о литературе и студенческая юность; страшные дороги войны и радость победы; творческие озарения и народное признание таланта; огромная любовь к женщине... Это жизнь, наполненная событиями и переживаниями и спаянная с народной судьбой.

Биография И.А. Швеца – в его исповедальной поэзии. В ней запечатлелись наиболее значимые, «узловые» моменты судьбы писателя: «*Мои стихи, мои поэмы – // вот это настоящий я...*» («По логике

иль по ошибке...»). В образном слове отразилась жизнь души человека искреннего, отзывчивого на все доброе и непримиримого к несправедливости; человека светлого, умевшего «за тенью жизни» видеть свет, верящего в торжество правды и добра. Таким был Илья Андреевич Шве́ц. И все-таки стержневым качеством его творческой личности является народность. В этом понятии сфокусировано все: и своеобразие таланта, и достоинство гражданина, и гарантия востребованности написанного им во все времена.

Все, что волновало писателя, о чем он думал, неизменно соотносится с мыслью о судьбе народа в России, на Брянщине, на отчей земле. Детство, юность, тяготы войны, любовь – все вписано в контекст многотрудной и великой истории народа. Стихотворения в разделе новой книги «Край родной» – «... большая и единая песня о природе и людях родного края» (В.П. Парыгин). Это «Родной мой край! Березняки...», «Тысячелетняя молодость», «Отчие места», «Есть у меня приют в природе...», «Кипит за моторкой волна...», «Брянские соловьи», «Белые Берега» и другие. Сам автор признается: *«Во всем здесь есть душа моя – // И мысль, и чувство, и забота»* («Родной мой край! Березняки...»).

Любимые герои И. Шве́ца – те, кто свой труд и подвиг посвятили Родине. Это, конечно же, труженики-крестьяне в поэме «Жаворонки», вдохновенно творящие жизнь. Тракторист Ваня пашет землю, будто создает картину: *«В краску солнце он кладет, // добавляет в краску дождик»*. Стихотворение «Юбилейный тост» посвящено Н.Е. Мосину. Бывший колхозник, рабочий

совхоза, пенсионер, «руками крепкими своими» он «много сделал на Руси». Таких людей уважает автор, трудовой подвиг таких воспекает: *«Но ты из самых рядовых, // из самых-самых неприметных, // тебя – ни в списках наградных, // ни даже в новостях газетных».*

Не думает о наградах и безымянный герой в стихотворении «Ему еще идти в солдаты»: «хороший парень-паренек», который пашет, сеет, убирает хлеб... Зато люди по праву называют его «генералом», «орлом».

Крестьяне у И.А. Швеца – великие труженики, они даже в горе не замыкаются в себе, их труд вливается в общее дело, как, например, в стихотворении «Вдова». Женщина и в горе приносит пользу людям – ухаживает в колхозе за телятами. Сергей Ефимович («Бюро добрых услуг») – на все руки мастер: и печку сложит, и лодку смастерит. Его золотые руки нужны людям. Шофер Анатолий («Анатолий»), который осилит любую дорогу. Все это люди талантливые, отдающие свои силы земле, другим людям ради будущего. Дед Егор Кузьмич («Дятел»), над которым посмеиваются, – мечтатель, он отвечает на шутки: *«... я стучусь в свой день грядущий».* И даже девочка Иринка («Иринка»), которая еще играет в куклы, уже помогает в хозяйстве: полет огород, рвет крапиву для поросенка. Растет хорошая смена. Автор выражает свое жизненное кредо: *«Жизнь – это дело, // жизнь – работа»* («Жизнь человеческая»). И.А. Швец всегда верил в созидательную силу общего, коллективного труда. Об этом много произведений. В стихотворении «Намек» он показывает, как *«село в союзе с городом // работает с утра».* Поэма «Слеза

на граните» – гимн трудовому и военному подвигу «разнорабочих войны». Иван Демидыч и его сын Виктор до войны вместе стоят у мартеновской печи в литейном цехе. Их радостный труд вдохновлен тем, что он значим для страны, всех людей. Такие люди, нестигаемые в труде, способны одолеть любые трудности. И сам автор – душой вместе со своими героями: *«С вами я душой богаче, // с вами –// трудное легко, // крепче верится в удачу // средь друзей и земляков»* («Друзья и земляки»).

И.А. Швец имел право сказать о своем поколении: *«Зовут нас гвардией железной, // и есть тут доля правоты:// Мы не тепличные цветы, // и в глыбу века след наш врезан»* («Мы не тепличные цветы»).

Конечно, важнейшая тема в творчестве И.А. Швеца – Великая Победа народа над фашизмом. В войну И. Швец служил в войсках ПВО. Эти годы навсегда определили военно-патриотическую тему его поэзии. В армейских газетах «На страже», «За Отечество», «Боец РККА» печатались его стихи, на его тексты писались песни, которые тогда входили в репертуар ансамбля песни и пляски Закавказского фронта. В последние годы войны И. Швец был ответственным секретарем армейской газеты «На страже». В это трудное время для всей страны И. Швец как поэт осмыслил истоки народного героизма, и лучшие его произведения военного цикла составили впоследствии сборник стихотворений и поэм «Ракеты и сердца», который вышел в Военном издательстве Министерства обороны СССР (Москва) в 1974 г.

В нынешний юбилейный сборник вошли

замечательные произведения: «Память», «В ветвях шумели дебри...», «Брянский лес», «Идешь – окопы и траншеи...», «У Волги, на ветвях смертей...», «Нас поднимали в рост, как гимном...», «Слеза на граните» и другие. Поэтические строчки проросли из сердца, потому они и врезаются в сердце читателя, становятся зарубками памяти на всю жизнь. Искренность – качество поэзии, которое не поддается логическому анализу, искренность можно только почувствовать. И лучшее доказательство ее – когда строчки становятся «крылатыми», идут «в народ»: *«Все дальше от войны уходим, // но в памяти она всегда. // Нам снятся выжженные годы // и выжженные города...»*

Счастье для писателя – ощущать свою причастность к исторической судьбе своей страны, к великим победам народа, поэтому так убедителен голос автора:

*У Волги, на ветрах смертей,
держали трудный мы экзамен
перед страной,
планетой всей,
перед грядущими веками.*

*И выдержали.
И неплохо.
И больше сделаем еще.
И опирается эпоха
на наше крепкое плечо.*

Из многотрудного опыта жизни поэт вынес

убеждение: только любовь способна противостоять разрушающим, смертоносным силам; торжество жизни – в любви: «*Любовь – // и только лишь любовь! – // единственное в мире чудо!*» («Твердят, что в мире семь чудес...»). И сам поэт, и его герои пронесли через все испытания любовь к жизни, к своей земле; любовь прибавляла сил, окрыляла, указывала цель; любовь вела к Победе. Поэт выстрадал строки: «... *сестра и брат – // любовь и подвиг, // у них одна дорога!*» («Слеза на граните»). Тема любви у И.А. Швеца концептуальна, как все в его поэзии. Любовь к женщине – животворящая сила, бесценный дар, наполняющий жизнь светоносным смыслом. Здесь нет случайных, неосмысленных озарений. Все существенно.

Раздел книги «К чему скрывать?» – это мир высоких чувств, наполненный вдохновением и радостью. Отношения мужчины и женщины подкупают целомудрием, чистотой, ощущением радости бытия. В лучших традициях классической литературы создается образ Любимой, Единственной, Неповторимой. При этом чувство к женщине не эфемерно. Она земная. «... *Ты не очень идеал*» («Из всех Марий тебя я выбрал...»), – признается лирический герой. И мечта поэта – о земной женщине: «*Будь просто доброю женой, // заботой женской чаще радуй...*» Отношения не всегда идеальны. Есть размолвки, ревность, сомнения. Это стихотворения «И спорим мы, и конфликтуем...», «Всегда ль я чист? Порой лукавил», «Говорю о себе: не святой»... Но нигде нет приземленности. Все разрешается силой чувства – долгожданного, осмысленного, глубокого,

искреннего... Автор сравнивает чувство с природной стихией, просветляющей, обновляющей: *«Я жду тебя, как ждут весны...» «На сердце – // Весенние ливни, // И радуги, // И цветы...»* («На сердце»). *«... Бьют с кустов серебряные ливни, // над рекой – хрустальный перезвон»* («Соловьиной радостью интимной...»). *«Ты мне нужна, как соль, и хлеб, // как май в году, // как солнце в небе...»* («Любя...»).

В лирике И.А. Швеца мы находим теряющуюся, к сожалению, в современной поэзии традицию находить в женщине друга, разделяющего трудности и радости; искать взаимопонимания; видеть идеал любви в слиянии душ:

«... Мой друг – единственный на свете, // мой критик – два моих крыла» («Пусть поздно, но тебя я встретил»);

«... хочу, чтоб шла ты как соавтор // моих удач и неудач. // Хочу и жду, // чтоб наши души, // как два ручья – в один ручей...» («Я говорю тебе у старта»);

«Будь другом мне. Не надо выше» («Из всех Марий тебя я выбрал...»).

И как не вспомнить любимого героя А.К. Толстого, князя Серебряного Никиту Романовича, для которого чувство к женщине соперничало с любовью к Отечеству. Так умеют любить мужчины в России. Это – наше, русское: *«Да, я живу всегда любя // Россию – больше всех на свете, // в России – больше всех тебя»* («Скажу, зачем держать в секрете?»)

В целом поэзия И. А. Швеца привлекает светлой тональностью. Во всем чувствуется желание

показать доброе – в людях, жизнеутверждающее – в событиях. И.А. Швец – советский поэт в лучшем смысле этого слова. Самочувствие его лирического героя – это самочувствие человека, который за все в ответе, для которого все, что происходит с людьми и страной – его личная судьба.

В последний раздел юбилейной книги вошли стихотворения из поэтического сборника И.А. Швеца – «Вечерняя дорога». Сборник вышел в 1990 году, в нем есть предчувствие близкого ухода:

*На юг, к морям и за моря,
березы птиц провожали
и, желтые накинув шали,
грустят на зорях сентября.*

*И я грущу. Но мне грустней:
и я сегодня провожаю –
не стаю птиц, а стаю дней,
Последнюю, быть может, стаю...*

Безусловно, книга итоговая. В ней поэтически отмечены главные вехи большого жизненного пути. И неровно настроение лирического героя. Грустные первые лирические откровения сменяются попыткой взбодриться, думая о хорошем («Поэт до черта получает...», «Мне ль, рожденному в светлой России...»). И снова: «Больничная койка – увы, // не лучшая точка опоры...» Как спасение от грустных мыслей возникают в памяти картины родного

села, босоногого детства. Память воскрешает детские впечатления от общения с природой, радостные и безоблачные. Дальше – стихотворения «Уходит в город паренек...», «Новозыбков! Здравствуй, Новозыбков...» Они о юности, полной надежд, планов, веры в свое предназначение. Конечно, стихотворение о военном суровом времени («Нас поднимали в рост, как гимном...») и из военного времени, написанное в 1942 году, – «Две малых песчинки в пустыне песчаной...» И снова накатывающаяся грусть в стихотворении «Не день рожденья отмечаю...»: *«Моя вечерняя дорога // уже сошла почти на нет...»*

И очень характерно для И. Швеца завершается цикл стихотворений мыслью о малой родине, в чувстве к которой сошлись поиски душевного пристанища поэта:

*... И край, где довелось родиться,
край детства,
край моей весны,
какой ни есть – он будет сниться,
пока могу я видеть сны.*

Удивительная книга. В ней грустная тема ухода постепенно сменяется гимном юности, жизни. Главы поэмы «Моя весна» – это аккорд радости роста. В композиции сборника отразилась черта характера И.А. Швеца – умение преодолевать трудности, неудачи, находить душевные силы противостоять им. «Вечерняя дорога» – пример преодоления неизбежного, утверждения светлых начал в жизни человека как главных в становлении личности. Именно эта книга показала, что поэт имел еще большой запас творческой

энергии, который он не успел реализовать.

Илья Андреевич Шве́ц умер весной, 4 апреля 1991 года, оставив о себе память как о добром человеке и глубоко искреннем поэте, преданном сыне своей родины. Он оказался из тех учителей в литературе, которые при жизни не получают высоких наград, но для которых высшей наградой всегда остается признание читателей:

*... Я хотел, чтоб тот, кто дальше едет,
глядя в мир, мелькающий в окне,
как о бывшем неплохом соседе,
с теплотою вспомнил обо мне* («Только время
дефицитно в мире...»).

В лирических откровениях поэта раскрывается созидательная сущность советского человека, его устремленность в будущее, окрыленность мечтой. Он напоминает о том, чем красив человек: трудом, добротой, любовью... И в завещании потомку он сказал о самом главном: *«Смотри, мой сын, – не растеряй // соковищ мужества и чести!»; «И лучшая из лучших стран // тебе завещана в наследство»* («Наследнику»).

Это поэзия, нужная сегодня, как никогда

Опубликовано с небольшими изменениями как послесловие в книге: Шве́ц И.А. Стихи и поэмы. – Брянск: БИО ГАУ ДПО «БИПКРО», 2017

О РОМАНЕ И.А. ШВЕЦА «БЕГЛЕЦЫ»

Есть множество примеров, когда писатель обнаруживает свой талант в разных литературных жанрах: романисты пишут стихи, а поэты – рассказы, повести, романы, пьесы. На Брянщине это М. Атаманенко, Л. Ашеко, В. Динабургский, А. Козин, С. Кузькин, Г. Метельский, Н. Родичев, А. Якушенко и другие. Илья Андреевич Шве́ц не исключение. В представлении большинства читателей он, конечно, остается прежде всего поэтом, автором стихотворений, которые получили общенародную известность, как, например, стихотворение «Наш Брянск». Однако при жизни в различных издательствах вышло шестнадцать книг стихотворений, поэм, а также рассказов И. Шве́ца. О его творчестве писали Н. Грибачев, Е. Дронников, М. Лисянский, Л. Мирошин, В. Парыгин, О. Самочатова. Внимание критиков привлекали разные жанры в творчестве нашего земляка, поэтому удивительно не то, что в последние годы жизни он писал роман под названием «Беглецы». Прецедент в том, что произведение выходит в свет спустя тридцать лет со времени его написания. За четверть века изменились жизненные реалии, история преподнесла сюрпризы, мир изменился так, как никто не мог предполагать. Меняется сознание людей. Актуально ли сегодня то, что волновало автора в уже далекие от нас 70-е годы прошлого века? Произведение, написанное в советскую эпоху и отражающее ставший прошлым уклад

жизни, конечно, должен быть интересен читателям, которые равнодушны к истории своего народа, кто хочет понять истоки наших сегодняшних радостей и беды кому безразлично, что теряем мы в духовном развитии и что приобретаем. Осмысление прошлого опыта необходимо для движения вперед, поэтому историко-литературное значение романа очевидно. Безусловно, он дополняет характеристику художественного дарования И.А. Швеца и наше представление о личности писателя, ведь произведение отражает образ мысли и чувства его создателя. Что определит жизнеспособность произведения? Поразмышляем об этом.

В самом начале романа говорится о мечте одного из главных его героев Ивана Мокича Клыпы написать роман. Конечно, это автобиографично: так автор мотивирует свое обращение к прозе: «... *Иван Мокич мечтал написать свою главную книгу – и не написал. В те два тонюсеньких сборничка стихов, которые он напечатал, так мало перелилось из накопившегося в душе! Хотелось написать книгу прозы, которая бы вобрала если не все, то хотя бы значительную часть душевных накоплений*». К мысли о романе герой книги возвращается не один раз, и создается интересное впечатление: читаем-то мы уже законченное сочинение, но для героя все, что проживается им – лишь материал к будущему роману. Для чего писателю такая игра с читателем? Может быть, он хочет напомнить нам, что книги, конечно же, пишутся «за столом», но сначала они проживаются; впечатления должны накопиться, события – отложиться в памяти. Жизненная правда –

основа правды художественной. Так всегда было в творчестве И.А. Швеца. По мере развития сюжета романа «Беглецы» мы в который раз убеждаемся, что сила слова автора – именно в знании жизни. Как в поэзии, так и в прозе. Радостно убедиться, что И.А. Швец-художник верен себе.

Действие романа относится к 1976 году. Два друга (они и есть главные герои), Иван Мокич Клыпа и Тарас Петрович Верстахлеб, решают удалиться от городской суеты, «убежать» от болезней и отдохнуть на природе, в деревенской тиши, порыбачить, набраться новых впечатлений, посетить места, где они бывали раньше, в молодые годы. Им обоим уже по семьдесят, это люди с богатым жизненным опытом, оба интеллигенты: Иван Мокич имеет педагогическое образование, Тарас Петрович в прошлом – врач-хирург. Их поездка на природу оборачивается настоящим путешествием по сельским дорогам. Происходит много непредвиденного, что заставляет друзей менять маршрут, делать незапланированные остановки, совершать неожиданные поступки. Удачно найденный сюжет позволяет нарисовать широкую панораму сельской жизни в конце семидесятых. Идея «побега» органично вписывается в канву судеб героев романа. Тяга к путешествию, странничеству – характерная черта русского человека. При этом писатель сумел находчиво расширить содержательные возможности путешествия как литературной формы. Во-первых, его герои оказываются в местах, где они бывали в первые послевоенные годы. Вместе с ними мы узнаем, что изменилось за прошедшие

тридцать лет, и это важно для оценки происходящего в русской деревне. А, во-вторых, вслед за беглецами по этому же маршруту проходят молодые люди – их племянники в поисках пропавших дядюшек. Автор показывает, как воспринимают деревенскую жизнь люди нового поколения, которое выросло не зная войны. На пересечении впечатлений героев разных поколений и создается объективная картина народной жизни. Такая художественная задача не просто интересная, ее решение под силу не каждому писателю. И, как всегда, И.А. Швецу помогает знание крестьянского быта и характера сельского жителя, потому что он сам родился и вырос в деревне, жил со своим народом одной судьбой. И.А. Швец прекрасно знал и настроения нашей интеллигенции, ее проблемы и чаяния. Он всматривается в своих героев под особым углом зрения, отвечая на актуальнейший, судьбоносный для нашей истории вопрос: насколько близка интеллигенция к деревенскому миру. Кажется, – вечная проблема, поднимаемая всегда русской литературой. Забегая вперед, отметим: И.А. Швец настроен оптимистично. Иван Мокич и Тарас Петрович на протяжении действия своими поступками, общением с простыми людьми должны показать пример тесной связи интеллигенции и крестьянства.

Хорошо понимает писатель и молодежь. Пытается разглядеть у молодых тот здоровый настрой на созидание, который вселяет нам уверенность в будущем. «Беглецы» – это роман-мечта. Автор во всем старается найти положительные приметы времени, которые приближают общество к социальному и нравственному

идеалу. И.А. Шве́ц – светлый писатель.

С какой радостью, уважением к человеку-труженику описывает он перемены к лучшему, произошедшие за тридцать лет в деревне! Он создает галерею образов, и постепенно, ненавязчиво раскрывается красота души русского человека, способного превозмочь все тяготы жизни ради будущего.

В главе «Третий костер» герои посещают деревню Плетневку. Иван Мокич вспоминает, какой была деревня в 1946 году. Здесь каждая деталь картины говорит о многом. Непроезжая дорога. Ветхое жилище. Иван Мокич помнит дырявый пол в избе, дверь, светившуюся от дыр. На столе – картошка в мундирах, сваренная на керогазе. Соленые огурцы, кочан капусты. В доме ни одной книги... В памяти возникает картина весенней садки картофеля: шесть женщин тянут плуг, седьмая пашет... Пустые полки в сельской лавке... И страшная статистика: на войну из Плетневки ушло девяносто три мужчины, а вернулись – только восемь. Кажется, нет ничего отрадного в этой многотрудной жизни. Вдобавок – председатель колхоза Халюстиков – «отпетый жулик», ведущий колхоз к разорению... Есть начальная школа и ее директор с говорящей фамилией Убогов... Но как узнаваем Илья Шве́ц в понимании советского человека! Он высвечивает из общей картины такие детали, которые помогают нам понять, почему выдержали люди послевоенную разруху и почему ее победили. Например, автор подробно описывает убранство бедного жилища. В нем много самодельной «живописи»: красные вышитые петухи на полотенцах; по стенам

– картины на ткани: южные пальмы, чайки и море, северные олени, лебеди и сказочный замок... Вышивки аккуратно прибиты гвоздиками к стенам. Люди моего поколения еще помнят этих лебедей и оленей. Теперь все это называют признаком мещанства, безвкусицей и т.п. Но я сама много лет берегу настенный коврик из маминого дома, храню и вышивки с цветами и петухами. В этом смешном для многих современных людей украшательстве точно обозначилась исконная черта русского человека: он мечтатель. В нем нельзя убить жизнелюбие, жажду красоты и веру в хорошее. Это подчеркивается автором и в другой картине. В почти пустой школе, куда заходит Иван Мокич, он слышит, как читается стихотворение Ф.И. Тютчева: «Еще в полях белеет снег, а воды уж весной шумят...» Это предвестие новой жизни.

И вот какой стала деревня в 1976 году. Сменился председатель. Он честный человек. «Колхоз при нем воскрес». Герои романа видят новую, большую, из кирпича, школу. Сын Убогова, Женька, которому в 1946 было всего пять лет, уже сам директор школы. Он выучился, «и уважение к нему, как к попу». Его жена – учитель-биолог. В их доме много книг, на столе – журналы: «Новый мир», «Крестьянка», «Здоровье»... Есть в деревне большая библиотека, в отдельном доме. Настольные лампы, стеллажи книг... И жизнь теперь людям «раем кажется». Но мечта зовет дальше. Герои верят в то, «что на планете наступит полная победа коммунизма». Вот сказано слово, которое в наше время пытаются нередко представить «страшилкой» или

«пугалкой» для новых людей. Но роман пишет советский человек о людях своего времени. Он-то доподлинно знает, что вера в победу коммунизма выражала надежду, которая воодушевляла на созидание, на добрые дела, на труд во имя будущего... Только окрыленный мечтой человек способен к созиданию. Такие у И.А. Швеца люди, работающие на земле.

Страницы романа заставляют задуматься. Что мы знаем о послевоенной жизни? Как создавались те блага, которыми мы пользуемся сегодня? Какие мы и похожи ли на тех, о ком забываем? Чем отличаемся? Какие нравственные и духовные ценности храним и утверждаем? К чему стремимся?.. Разделяем ли мы понимание счастья героев романа: *«... мы все счастливы, потому что нет войны. Значит, надо понимать свое счастье, ценить его и, значит, беречь!»* Очень полезные вопросы, и не так просто современному человеку на них ответить.

Вектор художественного изображения жизни направлен на человека. В этом смысле И.А. Швец тоже узнаваем. Человек – вот для него главное мерило всего, что происходит в стране, ему даны сила и ум на добрые дела. Но писатель не рисует идеальные картины. Произведение написано в традициях классического реализма: типичные обстоятельства, типичные характеры. Жизнь меняется, проблемы решаются, но появляются новые. Автор представляет целую галерею образов людей разных, непохожих, и создающих, и разрушающих. В создании человеческих типов ярко проявилось мастерство писателя, думается, в этом –

самая привлекательная сторона романа. Среди героев книги есть люди положительные, честные, добрые, увлеченные, но есть и приспособленцы, бесчестные, перевертыши, негодяи. Так, как это бывает в жизни. Все они выписаны ярко, убедительно, с пониманием психологии человека в соответствии с его социально-нравственным статусом.

«Профессиональным негодяем» называет Тарас Петрович чиновника, который делает вид, что служит народу, а на самом деле в рабочее время отдыхает на рыбалке и развлекается с секретаршей. Очень узнаваемый тип.

Агей Карпович, прикидывающийся бескорыстным радетелем природы, – настоящий расхититель народного добра, браконьер по прозвищу Паук.

Хозяин молитвенного дома Коршун-птичка Божия, спекулирующий на религиозных чувствах крестьян. Дезертир-«оборотень», ворующий в колхозе овощи, фрукты – все, что плохо лежит. А богомольные люди на него работают. «Огнем бы выжечь это дурманное гнездо!» – восклицает Тарас Петрович.

Намечена писателями проблема пьянства. Хорошая, работающая женщина Нина Семеновна разошлась с мужем, который был отличным механизатором, но стал алкоголиком. Нерадостное впечатление оставляет встреча главных героев с пьяными туристами у реки...

Очень впечатляет образ стража порядка, сержанта милиции Головоножка, по ошибке принявшего Ивана Мокича и Тараса Петровича за уголовников и не принимающего меры к пресечению деятельности

настоящего вора-расхитителя Мурашова. В сценах с Головоножкой много юмора, но это, конечно, смех сквозь слезы...

Но не был бы И.А. Швец художником, если бы, вглядываясь в человека, не вскрывал тенденцию жизни, ее перспективу. Система образов выстроена так, что на каждого антигероя есть положительный герой или герои. Автор не показывает открытого противостояния сил, но он убеждает нас в том, что люди честные, добрые, работающие не сразу, но постепенно преображают жизнь.

Вот колхозный лесник, смелый и рачительный хозяин, защищает природу от разорителей.

Умный хозяйственник Сорокин, председатель совхоза.

Сельские учителя, которые «крохотный клочок пространства превратили в рай. Живой пример воспитания любви к земле».

Братья Савелий по прозвищу Мичурин и Парфен-философ сажают деревья. Савелий говорит: *«Настоящий человек не только людям, а должен помогать и земле, на которой живет. Пашне, которой грозит овраг. Мелеющей и усыхающей речке, посадив возле нее кусты и деревья. Он должен помогать муравьям и птицам, бобрам и рыбам»*. И многие так думают, потому все трудятся. Работают даже пенсионеры.

В романе созданы прекрасные народные типы. Они запоминаются каждый своей «чудинкой», а все вместе создают собирательный образ народа-труженика, народа-созидателя. Изумительно выписан образ сторожа

Митрия Степановича, напоминающего деда Щукаря. В его остроумной, образной речи много своеобразного достоинства, житейской мудрости... Запоминается образ Ивана, который начитался Льва Толстого и «заболел добротой». Все, что у него было, раздал своим родственникам... Когда читаешь о таких людях, чувствуешь любовь и уважение автора к деревенским жителям, для которых главное в жизни – это труд. И у всех есть одна общая черта, характерная для советских людей: умение болеть за общее дело.

Совершенно очевидно, что именно с развитием села связывает писатель историческую перспективу. Шестилетний мальчик Миша, живущий в деревне у бабушки, хочет стать либо космонавтом, либо трактористом. Все-таки решает стать трактористом, при этом мечтает о таком тракторе, чтобы был с крыльями!..

А что же наши герои-беглецы? Иван Мокич и Тарас Петрович тоже разные. Взрывной, эмоциональный, бескомпромиссный Тарас Петрович и более уравновешенный, рассудительный, лояльный к другим Иван Мокич. И все же не случайно они друзья. Оба – люди неравнодушные, деятельные и тоже мечтатели. За многие годы жизненных испытаний они не очерствели душой. Сцены рыбалки в романе наполнены азартом, друзья как будто молодеют у нас на глазах. Отношения с природой всегда характеризуют человека. И.А. Швец любит своих героями, которые находят отдохновение в общении с природой. Как бывает в романах, автор выписывает и так называемые любовные линии. Всю жизнь Тарас Петрович хранит в сердце большую любовь

к единственной женщине... Все вызывает симпатию к главным героям. Они приходят в деревню не как сторонние наблюдатели. Нужно – оказали помощь женщине: построили крыльцо. Увидели беспорядок на дороге – проложили мостик по своей инициативе. Они подключаются к работе, где требуется помощь. Тарас Петрович говорит: *«У нас с Иваном Мокичем, и не только у нас, а у многих наших людей еще и свой есть принцип: всегда и всюду делать добрые дела, не за деньги, не за какую-нибудь плату, а просто так – из душевной потребности... И с каждым новым днем этот самый прекрасный принцип расширяет свою прописку!.. Это главный принцип будущего!»* Вот пример интеллигенции деятельной, не оторвавшейся от своих корней, живущей одними настроениями со своим народом. Именно этим героям писатель доверяет высказать свою точку зрения по проблемным моментам нашего бытия. В романе много концептуальных диалогов: о положении в стране, о капитализме и коммунизме, о борьбе с недостатками, о будущем... Это люди закаленные, несломленные, способные еще своим примером вдохновить молодых. Высказывания Ивана Мокича и Тараса Петровича во многом определяют пафос произведения, заражающий энергией и верой в человека:

«Неправда, что Земля мала! Для всего хорошего и прекрасного она бесконечна! Неправда, что иссякают богатства нашей планеты! Для добрых дел, для благородных поступков она неисчерпаема! И уж совершенно злая неправда, что скудеют на Земле

человеческие души!..»

«У нас много в жизни неуютностей, несправедливостей, безобразий и даже преступлений. Значит, вывод один: в атаку за лучшее будущее! Больше энергии, злости!»

Своя, отдельная сюжетная линия в романе у молодых. Во-первых, это племянники «беглецов» Юра и Вера. В поисках дядюшек они идут по тем же дорогам, но общаются с молодыми людьми, комсомольцами, своими ровесниками. И.А. Швец показывает нам то поколение, которое идет на смену старикам, которому принадлежит будущее.

У молодых свои проблемы. Но главное – они неравнодушные люди. Юрий и Вера, как их дядюшки, включаются в общее дело активно, с душой, с желанием. Так они меняют настроение на комсомольском собрании с повесткой «О борьбе с равнодушием». Их вмешательство в заорганизованную обстановку на собрании привело к реальному доброму делу. Навестили заболевшего комсомольца Шурика, извинились за свое равнодушие... Юрий и Вера помогают колхозникам копнить сено в поле и умеют это делать... Юрий спасает тонущего ребенка – совершает настоящий подвиг. Значит, растет достойная смена. Не случайно Вера и Юра находят друг друга. Читатель понимает, что в них зарождается чувство большой любви.

Произведение написано. Сюжет продуман и завершен. А роман Ивана Мокича – все еще где-то в будущем. Этот литературный прием прибавляет нам

радости за героя: у него впереди еще большая творческая жизнь.

В романе «Беглецы» есть очень интересный образ, прекрасная художественная находка И.А. Швеца, – образ костра. Он скрепляет эпизоды повествования, создает особенное, романтическое настроение. Костер – это горение, свет во тьме. У костра собираются друзья, единомышленники. Ведутся душевные разговоры, поются песни... Костер объединяет людей в едином настроении, настраивает на мечту... Так и в произведении: рыбалка, костер, встречи и разговоры у огня. Главы имеют названия: «Первый костер», «Второй костер»... Всего семь костров. Этот поэтический образ врывается в повествование, создавая приподнятую атмосферу, настраивая на доверительный разговор с читателем. И в этом хорошо узнается И. А. Швец–поэт, любящий природу, людей, жизнь.

Читая роман, мы убеждаемся, что языком поэзии невозможно было передать всего, что думал И. Швец о русской деревне, о русском человеке. Проза дает ему возможность показать жизнь в бытовых подробностях, раскрыть особенности психологии советского человека, показать многообразие характеров, дать волю размышлениям о смысле человеческого существования... Закрываю роман «Беглецы» с отрядным и одновременно беспокойным чувством. Как поймут сегодняшние читатели то, что рассказано нам о людях той эпохи, которую уже по-разному трактуют новые историки, политики и писатели? Поверят ли они в правду о советском человеке-мечтателе, которая есть

в произведении И.А. Швеца? Не будут ли напрасными его творческие усилия передать нам свою веру в созидательную силу русского народа?

В одном убеждена. Роман «Беглецы» должен быть опубликован. Он имеет непреходящее историко-литературное значение как художественное полотно, представляющее панораму советской действительности и образ человека, своим трудом создававшего лучшее, что есть в нашем мире. Это произведение написано художником, который жил с народом одной судьбой, верил в людей и умел высветить силой художественного слова лучшие, перспективные стороны нашей жизни. Произведение напоминает о задаче писателя показывать не случайные факты, а существенные, типичные проявления жизни, вдохновляя читателя на добро. Это то, что востребовано в жизни и литературе во все времена.

**Опубликовано с небольшими изменениями как
предисловие в книге: Швец И.А. Беглецы / Повесть.
– Брянск: БИО ГАУ ДПО «БИПКРО», 2017**

ДРАМАТУРГИЯ НА БРЯНЩИНЕ

Экскурс в историю

Драматургия - род литературы, специфика произведений которого состоит в ориентации на театральное зрелище. Именно связь с театральным искусством существенно влияет на развитие драматургических жанров. Драматургия востребована, как правило, в городах с активной театральной жизнью, постепенно исчезает из контекста литературы в местах, где нет театральных традиций, и вот уже, в представлении провинциальных читателей, является исключительно «столичным» занятием. Появление серьезной драматургии в отдаленном от театра географическом месте представляется сегодня почти невозможным, и даже ненужным, по общему мнению, фактом. Автор, принеший редактору какого-либо провинциального издательства пьесу, непременно услышит: «Что вы! Это же для театра. Мы пьес не печатаем». Таково наиболее распространенное мнение о драматургии в литературных и театральных кругах и на Брянщине, где существует всего три государственных театра (драматический, кукольный и юного зрителя в Брянске), а, стало быть, драматургу, родившемуся в «глубинке», идти некуда. К счастью, наши мнения, хотя и влияют, но не могут остановить объективный литературный

процесс, в том числе развитие драматургии, по праву называемой «венцом искусства». История литературы и театра в России имеет множество примеров, когда литературный успех предшествовал театральному успеху и даже определял направление в развитии театрального дела. Здесь уместно вспомнить пьесы А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, А.Н. Островского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, которые прежде получили жизнь в литературе. Примером является драматургическая трилогия нашего земляка А.К. Толстого: «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис».

Постановка «Смерти Иоанна Грозного» в Александринском театре в 1867 году стала главным событием сезона. Как утверждает театральная хроника того времени, премьера была подготовлена «громкой литературной известностью автора» (См.: Д. Жуков. Алексей Константинович Толстой. - М., 1982, с. 325 - 330). С другой стороны, постановка обнаружила несостоятельность театра в попытке сценического воплощения идейно-художественного богатства произведения. Очевидной оказалась неподготовленность актеров к воплощению искренних человеческих переживаний, глубоких внутренних противоречий личности. Для многих исполнителей эта пьеса стала первой школой реалистической игры. Постановочный опыт приводил к мысли о необходимости реформирования театральной эстетики. Отметим, что до сих пор драматургическая трилогия А.К. Толстого остается в классическом репертуаре наших лучших театров страны.

«Смерть Иоанна Грозного» и «Царь Федор Иоаннович» шли на сцене Брянского драматического театра. И независимо от театральной жизни произведений, пьесы остаются в активе читательской аудитории, являя собой художественные образцы литературной исторической драмы.

Немалую роль в развитии русского театра в конце 19 - начале 20 века сыграл другой наш земляк, прозаик, драматург, режиссер Е.П. Карпов, родившийся в г. Карачеве. За участие в кружке студентов-народников он был арестован, находился в ссылке и свою первую пьесу «Тяжкая доля» написал во время заключения в Вышневолоцкой тюрьме. Показательно, что вначале пьеса приобрела литературную известность. Автор получил премию имени Вучины историко-филологического факультета Новороссийского университета. Уже потом Е.П. Карповым были написаны другие пьесы, посвященные идейным исканиям интеллигенции и поднимающие проблемы народной жизни: «Житье привольное», «Рабочая слободка», «Шахта «Георгий» и др. Литературное творчество привело Е.П. Карпова к театральной деятельности. В 1889 - 1892 годах он ставит спектакли для крестьян в селе Рождествино под Петербургом, а также для рабочих в Невском обществе для устройства народных развлечений в Петербурге. Подвижническая деятельность Е.П. Карпова способствовала внедрению театрального искусства в самые глубины народной жизни. В 1896 - 1900 годах, до конца своей жизни, Е.П. Карпов - главный режиссер Александринского театра (См.: Русские писатели.

1800 - 1917. Биографический словарь.- Т.2. - М., 1992, с.496 - 497). К сожалению, мы не имеем доступного литературного издания пьес этого драматурга. Может быть, поэтому они и для театра сегодня стали историей?

Напрашивается вывод: публикация драматургии - не только стимул к литературному творчеству писателей, но важнейшее условие создания репертуарного фонда для театра. То, что современные театры испытывают репертуарный голод - факт очевидный. Не потому ли и на сцене Брянских театров ставится все больше зарубежных пьес? Не потому ли в нынешней столичной периодике сегодня стали охотнее публиковать пьесы? Состояние литературной драматургии - вопрос, поставленный временем.

Драматургия на Брянщине. XX век

Прежде всего следует отметить, что повышенный интерес общественности на Брянщине к местным драматургам приходится на 50 - 70-е годы XX века. В эти десятилетия Брянский драматический театр активно сотрудничает с брянскими авторами. С 1960 года афишу театра украшает спектакль «Эхо Брянского леса», поставленный по пьесе журналиста С. Шарова. Это волнующий рассказ о героической странице истории нашего края, о мужестве земляков-партизан в годы Великой Отечественной войны. Спектакль не сходил со сцены в течение двадцати лет и пользовался неизменным успехом у зрителей.

Героическая тема стала основной в творчестве

брянских драматургов.

В 1962 году ставится спектакль «Шумел сурово Брянский лес» по пьесе А.Ф. Семенова. Он тоже долгое время находился в активном репертуаре театра.

В 1967 году поставлена пьеса В. Навроцкого «Гроза над Десной», а в 1975 году - пьеса П.А. Лучина «Господин бургомистр».

1980 год - время постановки героической драмы Н. Витарского «Дмитрий Донской».

Отдельно нужно сказать о драматургическом творчестве А.С. Козина. В прошлом актер, он написал не одну пьесу для театра, а в репертуаре Брянского драматического театра было несколько его пьес. Первая постановка осуществилась в 1955 году - «О самом дорогом». Наиболее известной стала пьеса «Если в сердце весна», она обошла многие театры страны. В отличие от других, произведения А.С. Козина были опубликованы в популярных изданиях, и мы сегодня можем судить об их литературных достоинствах. Последняя публикация осуществлена в 2003 году, в недавно вышедшей антологии «Брянские писатели» (Брянск, 2003). Это комедия в одном действии «Будет ли спектакль?» Последняя прижизненная публикация относится к 1974 году. («Рождаются вновь». - М.: Современник, 1974).

Драматургия А.С. Козина вызывает противоречивое отношение. Изначально сориентированный на сценическое воплощение, текст большинства пьес литературно недостаточен. Например, автор детально описывает сценическую декорацию с указанием

материалов, из которых она изготавливается; указывает на способ перемещения героев по сцене с театральными подробностями; приводятся целиком тексты песен, которые удачно вписывались в ритмику спектакля, но совершенно выбиваются из ритма литературного текста и т.д. Технические возможности современного театра за последние десятилетия существенно изменились, и указания автора на то, как высветить актеров, на каком материале изобразить элемент пейзажа (например, на марле), кажутся архаичными. Опыт публикации драматургии А.С. Козина очень поучителен для современных авторов. Настоящая, полнокровная пьеса должна быть ч и т а е м о й, - в этом залог ее жизнеспособности и в литературе, и в театре. В чем опять же для нас примером является классическая русская драма 19 века. Но что самое печальное - произведения А.С. Козина были последними, опубликованными на Брянщине. Дальше в истории развития брянской драматургии обозначилась пауза, затянувшаяся на многие годы. Это, а также отсутствие внимания театра к местным авторам, привело многих ценителей драматургического искусства к убеждению, что в общем контексте разножанровой брянской литературы драматургия вовсе отсутствует.

Образование при Брянской писательской организации семинара драматургов в 2001 году показало, что это не так. Семинар объединил тех писателей, которых всегда привлекали возможности драматургии в раскрытии человеческих характеров и проблем народной жизни, а также неравнодушных к репертуарной

политике театра. Оказалось, что литературный процесс не прерывался, и «в столе» наших писателей лежат десятки пьес, невостребованных издателями и режиссерами. Это произведения Л.С. Ашеко, Е.К. Кирюшиной, Б.Н. Соколова, автора данной статьи. Некоторые авторы находили возможности обнародовать свои сочинения. Например, Е.К. Кирюшина в течение многих лет ставит спектакли по своим пьесам в театре, которым и руководит, «Взрослые и дети». М.А. Пискунов предпринимал попытки создать свой молодежный театр-студию «Стиль». Л.С. Ашеко осуществляла постановки по своим сценариям в школьной театральной студии... Анализируя материалы семинара драматургов, приходишь к выводу, что у современной брянской драматургии есть свое лицо, выражающееся в приоритетных темах, способах художественного изображения жизни. Здесь заметно следование классической реалистической традиции. Например, совершенно очевиден интерес наших драматургов к исторической тематике. Пьесы Б.Н. Соколова «Зеленое золото», «Последняя встреча, или 36 ступеней в ад» воскрешают картины прошлого в жизни нашего народа. Первая - о варварском уничтожении брянских лесов до революции; вторая - о времени сталинских репрессий. Последняя пьеса, над которой работает автор, «Черные яблоки», - о том, как отразилась на психологическом и физическом состоянии людей Чернобыльская катастрофа. В пьесах Л. Семенищенковой воссоздаются образы русских писателей 19 века: А.К. Толстого, А.А. Григорьева, Н.С. Лескова, И.С. Тургенева, Ф.И. Тютчева,

Ф.М. Достоевского. Л.С. Ашеко написала для театра пьесу «Прерванная песня», в которой раскрывается сложная, драматичная судьба великой певицы Анастасии Вяльцевой. Вспомним и пьесы недавно ушедшего из жизни В. Сеницына о М. Цветаевой, А.К. Толстом и Ф.И. Тютчеве... В этом списке четко обозначается краеведческое направление художественных поисков. Думается, не каждая региональная литература может гордиться такой привязанностью к родному краю своих драматургов.

Конечно, интересуют наших писателей и проблемы современной жизни. Здесь у каждого свои приоритетные темы. Е.К. Кирюшину интересуют проблемы подросткового возраста («Сашенька»). Л.С. Ашеко волнует судьба женщины в нашем обществе, психология человека в угнетающем его социуме, вопрос об ответственности людей, делающих свой нравственный выбор, перед другими («Ее осенняя судьба», «День города», «Гнездо под монстерой» и др.). Поднимаются проблемы алкоголизма и наркомании в драматургических опытах Б.Н. Соколова и М.А. Пискунова. В.С. Пасин стремится показать пример чистых отношений в любви...

Есть у наших авторов экспериментальные и по форме, и по содержанию произведения. Например, М.А. Пискунов представлял спорную, но очень интересную в стилистическом отношении пьесу по евангельскому сюжету «Лазарь и Иисус». Серьезный разговор вызвала пьеса Л. Ашеко «Терра - Букашия». Это попытка передать через систему аллегорических образов свою

модель мироустройства. В этом же ряду - либретто к рок-опере по рассказу Р. Брэдли «Смерть и дева» Г. Карташов.

Нельзя сказать, чтобы все опыты были удачны. На то и существует семинар, чтобы, обсуждая и обсуждаясь, совершенствовать мастерство. Опять подчеркну - в этом непрерывающемся процессе накопления литературного опыта огромную роль играет публикация. Для автора это всегда ощущение высокой ответственности за каждое пущенное в мир слово. При работе «в стол» такое чувство нередко притупляется.

Что касается публикаций, с чувством удовлетворения отмечаю: сегодня ситуация изменилась. Нынешнее руководство Брянского отделения Союза писателей России оказалось способным сломать стереотипное представление о драматургии как о литературе лишь для театра и создать условия, равные для развития всех литературных жанров на Брянщине.

«Первой ласточкой» оказалась книга «Открываем занавес». Пьесы брянских авторов. (Брянск, 2002). Вышедшая небольшим тиражом в издательстве «Брянск сегодня», она не осталась незамеченной. Е.В. Потупов в «Брянской учительской газете» начал статью о пьесах В. Синециной фразой: «Похоже, на Брянщине литераторы вновь стали проявлять интерес к одному из сложнейших жанров - драматургии...» (Брянская учительская газета, № 3 от 24.01.2003). При этом отметил выход в свет упомянутой книги. Большое общелитературное значение имеет, на мой взгляд, публикация пьесы об А.К. Толстом «Браво, господа!» автора данной

статьи в областном литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Пересвет» (№ 1, 2003), которая тоже вызвала определенный резонанс у читателей и критиков. И еще раз отмечу публикацию пьесы А. Козина в авторитетном издании, указанном выше. Всего в период с 2002 года по 2004 год увидели свет 6 пьес брянских драматургов. После перерыва в несколько десятилетий - цифра, говорящая о многом. Намеренно не называю отдельные книги, изданные авторами на свои средства. Они тоже есть, но речь идет об официальной издательской политике по отношению к существующей драматургии на Брянщине. Сегодняшняя ситуация обнадеживает. Не потому ли Брянский драматический театр возобновил диалог с местными авторами и в проекте театра - сценическая реализация такого диалога? И не потому ли в семинар драматургов приходят молодые авторы?..

Творчество молодых

Во-первых, молодой автор, в нашем понимании, - писатель начинающий, пробующий свои силы в литературном творчестве. Такие драматурги в Брянске есть. Большинство из них - студенты филологического факультета Брянского государственного университета. За несколько лет существования секции драматургов в ней было представлено и обсуждено несколько десятков пьес, написанных молодыми. Лучшие работы рекомендованы к печати.

Конечно, в большинстве это художественно

неполноценные пьесы, требующие доработки, тщательной отделки и более глубокого осмысления жизненного материала. Но в то же время они свидетельствуют о безусловном наличии литературного дарования. Есть у молодых авторов чувство стиля, сценическое видение картины, умение выстроить убедительный диалог, придумать динамичный сюжет. Есть у них литературная дерзость, которая при благоприятных условиях развития таланта могла бы разрешиться творческими новациями.

Проблемы, интересующие молодых, весьма разнообразны. Обращает на себя внимание настойчивое обращение к историческим сюжетам, хотя для осмысления исторических фактов требуются особые творческие усилия. Необходимо тщательное изучение, как правило, огромного документального материала. Тем не менее, такие пьесы создаются. Например, Е. Васюк в одноактной драме «Кровавые ромашки» пытается передать сложный характер взаимоотношений деревенских жителей в период коллективизации. Ей удаются диалоги, убедителен стиль речи персонажей. Молодые авторы ищут оригинальные художественные решения. Пьеса-шутка А. Гомоновой и Д. Петренко «Неизвестный Пушкин» объединяет в одном сюжете Пушкина, Гоголя, Державина, Лермонтова и Дантеса. Спорно, дерзко, но остроумно. В текущем году интересную работу представила О. Хайрулина. В пьесе «Обычный разговор» автор воссоздает атмосферу последнего дня в жизни царской семьи Романовых, действие происходит в Екатеринбурге, в доме купца Ипатьева. Автор трагедии

очень проникновенно, с необходимым тактом передает разговор взрослых и детей, в котором раскрывается ум, благородство, умение понимать друг друга членов семьи, их готовность мужественно встретить беду. Последняя сцена переносит нас в сегодняшний день. Молодые люди пытаются осмыслить события далекого прошлого. Автор утверждает мысль о том, что память связывает поколения людей и прошлое помогает понять то, что происходит с нами сегодня.

Похожая идея раскрывается в пьесе Н. Вовк «Исторический снимок». Ожившая на глазах зрителей фотография (сценический прием) убеждает нас, что судьбы оставшихся в прошлом людей, их жизненный опыт были необходимым звеном в общем, поступательном, ходе истории.

Многих авторов интересует психология современного человека, психологическая пьеса представлена разнообразными сюжетами и художественными решениями. Например, лирическая драма М. Дюковой «Девушка. Мечта. Ситуация» - о плодотворности в практике человеческих отношений романтического мироощущения, в противоположность эгоистическому рационализму, сужающему человеческий потенциал личности. Одноактная пьеса Т. Фокиной «Черно - белое» - художественное решение вопроса о предопределении в судьбе человека, о том, что человек не безгранично свободен в выборе поступков. Поднимаются и актуальные молодежные проблемы. В пьесе Е. Зарубиной «Мы вместе!» изображается несколько эпизодов из жизни рок-музыканта К. Кинчева

и его фанов...

Очень интересная пьеса «Мой катехезис» написана Л. Высоцкой. Сюжет произведения фантастичен. Он переносит нас в будущее и заставляет размышлять о возможностях человеческого разума, приводит к мысли, что нельзя построить жизнь по математическим расчетам. Человек всегда будет стремиться реализовать даную ему способность чувствовать, - что наполняет жизнь смыслом и делает ее полноценной. Убедительность авторской концепции, владение литературным словом, художественная завершенность отличают эту пьесу от других. Думается, ее постановка могла бы состояться в условном театре.

Наконец, еще одна творческая работа убеждает в том, что у брянской драматургии есть перспектива. Речь идет о пьесе С. Романенкова «Несовершеннолетние», которая совсем недавно обсуждалась участниками семинара драматургов. Произведение о поисках своего места в жизни, о том, как нелегко складываются отношения между родителями и детьми, о любви. Герои пьесы - современные студенты, далеко не такие идеальные, какими хотели бы видеть их преподаватели и родители. Авторское отношение к героям неоднозначно, очевидно стремление высветить «болевые» точки в обществе и человеческих контактах. Во всем угадывается наша, отечественная, литературная традиция - рассмотреть явление глубоко, всесторонне, учитывая его социальную и психологическую обусловленность.

Конечно, в драматургических опытах молодых далеко не все достойно публикации или сценического

воплощения, но есть материал, с которым можно плодотворно работать. Очень важно, чтобы у молодых были доброжелательные наставники, помогающие идти вперед в литературном поиске. Хорошо, если такие наставники есть и от литературы, и от театра, и от издателей, ибо для развития драматургических жанров необходим такой обоюдный интерес. Помню, как мои личные скромные опыты неожиданно для меня впервые оценил В.П. Парыгин, который умел смотреть на литературу в перспективе. Эстафета наставничества передается. Есть сегодня в писательской организации люди, болеющие душой за брянскую драматургию. Есть преподаватели-филологи в Брянском государственном университете, которые стремятся поддержать талантливую молодежь. Наставничество - это незаметная и кропотливая работа, которая обязательно когда-нибудь дает плоды. Нужно помнить, что развитие в региональной литературе всех литературных жанров - важнейший показатель ее полноценности и устремленности в будущее.

Опубликовано: В сб.: «Парыгинские чтения». Материалы второй научно-практической конференции. – Брянск, 2004 г.

**БРЯНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ
ПИСАТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ.
ГОД ЛИТЕРАТУРЫ**

В полувековой истории Брянской областной общественной писательской организации Союза писателей России 2015 год поистине знаковый: 65-летний юбилей Областного литературного объединения совпал со всенародно памятной датой 70-летия Великой Победы. Писатели Брянского края сражались на фронтах Великой Отечественной войны, работали в тылу под девизом «Все для фронта, все для победы!» Они отразили в своих произведениях правду военных лет и событий послевоенной жизни. Тема торжества героического духа человека-победителя в борьбе с варварской силой захватчиков – важнейшая в литературе нашего края. Другой знаменательный факт для писателей – объявление 2015 года Годом литературы. Это хороший повод к тому, чтобы подвести итоги многолетней деятельности писательской организации, осмыслить достижения и проблемы, скорректировать планы на будущее. Собственно, это и составляет содержание данной статьи. Учитывая то, что обширный анализ литературной жизни Брянского края представлен в предыдущем издании книги «Брянские писатели – 2008. Антология» (Белые Берега, 2008), сосредоточим свое внимание на том, что изменилось в

жизни организации за прошедшие семь лет, с какими успехами и проблемами вошли мы в Год литературы, с какими надеждами идем в будущее.

Напомним читателям, что Брянская областная общественная писательская организация Союза писателей России – самая многочисленная из существующих на Брянщине литературных сообществ. Она имеет богатую историю, свои традиции, поддерживает все начинания, укрепляющие духовно-нравственные основы общества. Возникла организация на основе литературного объединения, которое было официально зарегистрировано в 1950 году. Первым ответственным секретарем Брянской писательской организации был **А.С. Козин** – известный на Брянщине и за ее пределами талантливейший писатель-драматург. В последующие годы организацию возглавляли **В.К. Соколов, В.С. Козырев, Н.И. Поснов, А.К. Якушенко**; каждый внес свой заметный вклад в формирование ее структуры и укрепление объединяющих начал. С 2007 года председателем правления организации избран **В.Е. Сорочкин**, член Союза писателей России, член международной общественной организации «Союз писателей и мастеров искусств», член Союза писателей Союзного государства, поэт, лауреат Всероссийской премии им. Ф.И. Тютчева «Русский путь», лауреат премии им. А.К. Толстого «Серебряная лира», дипломант поэтического конкурса им. С. Есенина (г. Москва), дважды лауреат Московского международного конкурса «Золотое перо», финалист и победитель многих Интернет-конкурсов, главный редактор альманаха «Литературный

Брянск». Коллектив писателей доверил ему руководство организацией в сложнейшей литературной ситуации, отражающей процессы нашего трудного исторического времени.

От начала создания Брянской писательской организации всего в ней на учете состояло более пятидесяти писателей, сегодня состоит более тридцати. Это поэты, прозаики, драматурги.

Помимо авторских книг, изданных общим тиражом более 5 миллионов экземпляров, произведения наших писателей опубликованы и продолжают публиковаться в центральной печати, сборниках и журналах других регионов, например, в «Литературной газете», журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Воин России», «Смена», «Литературная учеба», «Южная звезда», «Колокол», «Русская провинция», «Форум», «Палессе», «Днипро», «Подъем», «Ставрополье», «Ока», «Приокские зори», «Берега» и др.

Много сил отдают писатели общественной деятельности. Они принимают самое активное участие в литературных и других культурных мероприятиях, проходящих в городе, области и за ее пределами. Это встречи с читателями в библиотеках и школах, в писательской организации и музеях, выступления на открытых площадках. Только с января по июнь 2015 года состоялось более 80 таких выступлений, а сколько их было в течение семи лет!

На Брянщине есть традиционные мероприятия, которые объединяют все литературные силы, имеют

вдохновляющее значение для писателей, дают возможность приобщаться к истокам отечественной национальной культуры, предоставляют условия для широкого общения с культурной интеллигенцией нашего края, столицы и ближнего зарубежья. В них Брянская писательская организация неизменно принимает самое активное участие.

Традиционным праздником для всех любителей поэзии с 1985 года является **Тютчевский праздник в с. Овстуг** (Брянская обл., Жуковский р-н), инициаторами которого выступили брянские писатели А.С. Козин и В.Д. Динабургский. Родовое имение Ф.И. Тютчева в Овстуге является одним из заповедных мест России. Ежегодно в начале июня здесь собираются литераторы из различных регионов, столицы, крупных городов России. Раз в два года на празднике вручается Всероссийская премия имени Ф.И. Тютчева «Русский путь». Членам нашей организации она вручалась много раз. 2015 году лауреатами премии стали члены Союза писателей России, поэт **Г. В. Карташова** и краевед **В. Г. Деханов**, члены нашей писательской организации.

Начиная с 1966 года, в конце августа – начале сентября, ежегодно в с. Красный Рог (Брянская обл., Почепский р-н) проходит **День Поэзии**, приуроченный ко дню рождения другого нашего замечательного писателя-земляка А.К. Толстого. На этом празднике раз в два года вручается премия имени А.К. Толстого «Серебряная лира». Нашим писателям она вручалась много раз. В 2014 году премия вручена **В. Е. Сорочкину**.

В с. Тюнино Рогнединского р-на Брянской обл.,

где учился в школе замечательный поэт Н.И. Рыленков, проводится **поэтический праздник**, посвященный его памяти. Обычно праздник проходит в первой половине июня, на нем вручается премия имени Н.И. Рыленкова (Рыленковская премия). Лауреатами этой премии неоднократно были члены нашей организации. В 2015 году она вручена **Ю.А. Сальникову**, члену Союза писателей России.

Заметным событием в литературной жизни Брянщины стал литературный **праздник «Липовый цвет»**, связанный с именем К.Г. Паустовского, в п. Ревны Навлинского района Брянской области. Любовь к К.Г. Паустовскому влечет сегодня на Брянщину творческую интеллигенцию. Наши писатели – постоянные участники этого праздника.

Широко известен за пределами Брянщины **праздник «На земле Бояна»**, который проводится с 1986 года в г. Трубчевске ежегодно в последнее воскресенье мая. В нем принимают участие представители культуры соседних областей России, Украины и Белоруссии. Идеей праздника является сохранение и развитие самобытной культуры и художественных традиций славянства, духовное единение славянских народов. Писатель **С.П. Кузькин**, член Союза писателей России, – родоначальник этого праздника. Символом духовного единения братских славянских народов является премия Бояна, одна из ее номинаций – «литературное творчество». Премия неоднократно вручалась членам Брянской областной писательской организации. В рамках праздника вручается литературная премия им.

Н.А. Мельникова. В 2015 году ее получили члены нашей организации **Н.П. Рылько** и **А.В Ронжин**. К празднику приурочен выпуск альманаха славянской литературы «На земле Бояна».

Брянские писатели стояли у истоков более десятка литературных праздников.

Вне рамок официальных мероприятий на Брянщине наша писательская организация делает много для укрепления межнациональных, межрегиональных литературных связей. Взаимный обмен публикациями, участие в периодических изданиях, международных фестивалях, литературных конкурсах, переводческая деятельность... Только с начала Года литературы прошли творческие встречи в Брянске: с орловскими писателями «Время мчится сквозь нас...»; с представителями национальных диаспор в Брянской области «Мы победили вместе»; с делегацией из Малороссии, представителями Изборского клуба. Наши писатели выезжали: в г. Орел для работы в жюри Всероссийского конкурса-фестиваля «Хрустальный Родник – 2015»; в Хотимль-Кузменскую школу Хотынецкого района Орловской области для участия в литературном вечере, посвященном памяти писателя Н.И. Поснова; в Неклиновский район Ростовской области для участия в Международном поэтическом фестивале «Берега дружбы»; в Брестскую область для участия в Международном фестивале «Славянский венок». Особого внимания заслуживают литературные переводы наших писателей (**В. Сорочкина, Е. Леоновой, В. Володина** и др.) с белорусского, украинского и других

национальных языков.

В работе Брянской областной писательской организации есть свои традиции. При организации работают два семинара: прозы и поэзии. Семинаром прозы руководит член Союза писателей России **Л.Л. Семенищенкова**. Семинар поэзии ведет руководитель Брянского областного литературного объединения **В.Е. Сорочкин**. Главная задача литературных семинаров – объединить творческие усилия профессиональных писателей, собирать вокруг профессионалов-наставников талантливую молодежь, помогать ей приобретать творческий опыт, навыки литературного труда.

В писательской организации периодически проводятся встречи творческой интеллигенции: литераторов, художников и музыкантов (**«Клуб трех муз»**). На вернисажах представляются работы художников, выступают брянские певцы и композиторы, поэты читают стихи, ведутся дискуссии о проблемах искусства. Это открытое мероприятие, которое обогащает каждого участника духовным общением и дает стимул к творчеству. Благодаря вернисажам, не только профессиональные художники, но и молодежь получает возможность показать свои работы, услышать их оценку. В помещении писательской организации выставляли свои картины студенты Брянского художественного училища, профессиональные художники; представлялись работы мастеров художественной фотографии, мастериц-вышивальщиц. На встречах не раз звучала музыка бардов, солистов филармонии и фольклорных коллективов.

Здесь периодически проходят творческие отчеты писателей; проводятся встречи с делегациями писательских организаций из соседних регионов и ближнего зарубежья. Частыми гостями у нас бывают москвичи, орловчане, белорусы. **Брянская писательская организация в последнее десятилетие превратилась в один из заметных культурных центров нашего региона.**

К сожалению, есть и потери. Только за последние годы ушли из жизни замечательные писатели, которые и в творчестве, и в жизни подавали нам пример бескорыстного служения литературе, сохраняли верность отечественной реалистической традиции в искусстве, были прекрасными наставниками молодежи, в художественных поисках опирались на народную правду, с высокой ответственностью и любовью относились к родному языку. Это **С.П. Кузькин (1937 – 2012)** , **А.Г. Мехедов (1929 – 2012)**, **А.Н. Саввин (1923 – 2015)**, **М.М. Атаманенко (1936 – 2015)**, **А.К. Якушенко (1938 – 2012)**, **В.В. Потапов...** Но писатель живет в своих книгах. Интерес к творческому наследию этих художников слова сегодня у читателей – лучшее тому доказательство. Их произведения изучаются в брянских школах, они представлены в учебных книгах по литературному краеведению, выпущенных на Брянщине для студентов, преподавателей, учителей и учащихся:

БРЯНЩИНА ЛИТЕРАТУРНАЯ: С 18 века до наших дней. Учебное пособие для старших классов общеобразовательных учреждений / Под общей

редакцией А.В. Шаравина. – Брянск: Курсив, 2012.

Литературная Брянщина: учебник-хрестоматия для 7 класса: в 2-х частях / авторы-составители О.В. Вороничева, Е.Э. Горяинова, Л.Л. Семенищенкова. – Брянск: Курсив, 2013.

Печальным фактом для нас является закрытие в Брянске Литературного музея. Он вносил заметную лепту в литературную жизнь на Брянщине. Одна из задач музея как раз и состояла в том, чтобы сохранять и пропагандировать лучшее, что есть в брянской литературе. Сотрудниками музея была разработана интересная тематика экскурсий, представлялась экспозиция рабочего кабинета П.Л. Проскурина. Раз в два года в музее проводились Парыгинские краеведческие чтения, посвященные памяти брянского писателя-краеведа Владимира Петровича Парыгина. Идея Чтений принадлежит нашей писательской организации, которая активно сотрудничала с музеем. К сожалению, с его закрытием утратилась эта плодотворная и необходимая связь.

Безусловно, важнейшей проблемой для Брянской областной писательской организации является существование собственного печатного органа, так как журнал сокращает путь наших писателей к читателям, живущим на Брянщине. Периодическим изданием Брянской областной писательской организации является **альманах «Литературный Брянск»**. С 2007 года его главный редактор – В.Е. Сорочкин. Альманах отражает перемены, происходящие в писательской организации: приход в литературу молодых сил, все более

проявляющуюся многоликость брянского литературного сообщества, разнообразие художественных поисков брянских авторов. К сожалению, возможности выпуска альманаха сегодня не являются стабильными, зависят от случайных спонсорских пожертвований. Хочется надеяться, что не утерится окончательно многолетняя традиция поддержки нашего издания со стороны Администрации области. Писательский труд всегда являлся органичной составляющей общекультурного пространства нашего региона, а потребность в издании, координирующем творческие усилия писателей Брянщины, со временем лишь возрастает. Следует учесть то, что в состав организации входят **литературные объединения: «Горизонт» (Трубчевск), «Парус» (Сельцо), «Стожары» (Жуковка), «Волшебное перо» (Стародуб)** и др. И в каждом городе, во многих населенных пунктах Брянщины есть энтузиасты литературного дела, благодаря которым талантливые люди получают стимул к творческому росту. Областное литературное объединение насчитывает более 300 человек. Чтобы адекватно отражать весь спектр литературной жизни на Брянщине, общественную деятельность брянских писателей, **периодическое издание для писательской организации – первейшая необходимость.**

Есть сегодня в жизни писательской организации и другие проблемы. Мы надеемся на их решение. Вдохновляет внимание к литературе, проявляемое на разных уровнях государственной власти в Год литературы. Вдохновляет прилив новых сил в писательскую организацию. За несколько последних лет

в Союз писателей России приняты: **Галина Карташова, Наталья Мишина, Ирина Пенюкова, Александр Ронжин, Сергей Непша, Елена Леонова, Анатолий Остроухов и др.** У каждого из них своя, неповторимая творческая судьба, но все они полны желания творить и активно участвовать в литературной жизни Брянщины. Сегодня писательская организация заметно помолодела, а значит, прибавилось у нас творческих сил и оптимизма. Молодежь идет в литературу со своими темами и своим восприятием жизни. И очень важно создать для нее условия для творчества. Это наша смена.

Мы понимаем, что главный показатель работы писательской организации, безусловно, творческие достижения, художественное качество сочинений, оценка их читателями. Чем порадовали нас писатели в юбилейный год, как изменилась общая картина литературной жизни в Брянской областной общественной организации Союза писателей России? Попробуем оценить наш собственно литературный труд.

Брянская литература разнообразна по темам, жанрам, авторскому видению исторических процессов и проблем современной жизни. Так должно быть в литературе. Тем не менее, у наших писателей есть приоритетные, «магистральные» темы, которые на протяжении всей истории писательской организации определяли ее почетное место в контексте отечественной литературы. В мозаичной картине литературных явлений разных лет неизменно проступает историко-героическая, патриотическая тема и в прозе, и в поэзии, и в драматургии.

Интерес к истории родного края не иссякает, а 70-летие Великой Победы актуализировало все, что было написано брянскими писателями о Великой Отечественной войне, стало мощным стимулом к созданию новых произведений. Написано много. Время убеждает, что всегда востребованными будут произведения о войне **Петра Лукича Проскурина, Николая Ивановича Родичева, Владимира Константиновича Соколова, Ивана Васильевича Абрамова, Виктора Николаевича Белоусова, Николая Егоровича Бораненкова, Бориса Антоновича Пластинина, Александра Николаевич Саввина**, других прозаиков, а также брянских поэтов всех поколений. Среди членов организации сейчас – известные писатели-фронтовики **Валентин Давыдович Динабургский и Яков Дмитриевич Соколов**.

Показательна судьба книг **Валентина Давыдовича Динабургского**, члена Союза писателей России, лауреата премии им. А.К. Толстого «Серебряная лира», лауреата Всероссийской премии им. Ф.И. Тютчева «Русский путь», заслуженного работника культуры РФ, Почетного гражданина г. Брянска. Кажется, время не властно над произведениями этого замечательного писателя, к ним вновь и вновь возвращаются читатели разных поколений, равнодушные к истории Отечества, обращаются сценаристы и режиссеры кино и театра, композиторы. Например, в 2004 году В.Д. Динабургский опубликовал **рассказ «Соната ля-минор»** в сборнике «В полях почернели ромашки...» Писатель рассказывает реальную историю, произошедшую с ним самим в годы

войны. Затерявшийся среди русских снегов итальянский солдат был обречен на смерть, но наши воины спасли его, потому что, как пишет автор, «враг, сложивший оружие, – бывший враг...» Музыка пленного итальянца, который оказался прекрасным музыкантом, объединяет солдат в едином настроении: «Солдаты слушали скрипку молчаливо, сосредоточенно, и волны музыки уносили их куда-то далеко-далеко, причем каждого в отдельности, рождая вместе с тем в их душах общую уверенность в том, что добро сильнее зла, а жизнь сильнее смерти...» В этих строчках – пафос всей военной прозы и поэзии В.Д. Динабургского, который семнадцатилетним юношей оказался на фронте и прошел дорогами войны от Старой Руссы до Праги. Он вынес из страшного жизненного опыта убеждение: война закаляет, ожесточает, вызывает к ненависти, но **ничто не может искоренить в человеке способности сострадать, любить, чувствовать прекрасное, желание жить.** Авторские лирические отступления в рассказе «Соната ля минор» – гимн русскому солдату, не потерявшему человеческое лицо в суровых жизненных испытаниях: «Отходчива душа твоя, русский солдат! Отходчива и добра. Не держишь ты зла в ее глубинах, не носишь камней за пазухой, хотя есть тебе за что мстить врагу, есть за что ненавидеть лютой ненавистью. Ох, есть за что! За спаленные села наши, за города, в руинах лежащие, за поруганную землю. За миллионы душ, замученных, расстрелянных, полоненных. За тех, кто пал на поле брани и кому пасть в грядущих боях сподобится. За материнское горе, за вдовьи слезы. Природа наделила тебя разумом трезвым

и рассудительным, а душой мягкой, незлобливой. В бою к врагам ты беспощаден и неистов. Храбрости тебе не занимать. Ради победы живота своего не пожалеешь, ради свободы Родины ни перед чем не остановишься. Весь мир твоей доблести дивится, стойкостью и мужеством поражается...»

Прошло четыре года, и рассказ стал хрестоматийным, он включен в учебные книги по литературному краеведению для студентов и педагогов в 2008, а затем в 2012 году. И вот еще через три года, в 2015 году, произведение вдохновило съемочную группу (режиссер Галина Вереина) на создание документально-художественного фильма «Соната ля-минор», презентация которого состоялась в областной библиотеке им. Ф.И. Тютчева 30 июня 2015 года. В этом фильме оживают герои рассказа, которых играют артисты Брянского драматического театра, а автор, Валентин Давыдович Динабургский, ведет неторопливый рассказ о событиях тех далеких военных лет. Писатель так объясняет неугасающий интерес читателей к произведению: «Думаю, все это потому, что есть в рассказанной истории капля добра, вот она и трогает сердце человека».

Произведения о Великой Отечественной войне этого замечательного писателя, как и все его творчество в целом, – гордость нашей литературы.

70-летие Великой Победы актуализировало произведения, опубликованные в разные годы другими брянскими писателями. Среди них рассказы **Н.И. Родичева**, книга «Сильнее смерти» **А.Н. Саввина**,

«Партизанские были» В.К. Соколова, «Хацунская исповедь» Е.П. Кузина и другие. Появились также новые книги прозы, пополнилась прекрасными произведениями поэзия. Написано и пишется много. Нужно отметить, что все меньше остается писателей – непосредственных участников военных действий. Эстафета передается детям войны и молодым авторам, знающим о событиях военного времени по архивным документам, книгам, фильмам, воспоминаниям свидетелей. Становится все более очевидной непреходящая историческая ценность документальной литературы. Отметим наиболее значительные из книг, вышедших в 2014 – 2015 годах.

Очередную серьезную книгу написала **Н.П. Рылько**, член Союза писателей России. В 2014 году вышла в свет ее книга **«Дети войны»** (Брянск, 2014). В книгу вошли три повести, два рассказа о событиях военных лет, а также воспоминания очевидцев тех трагических событий – детей войны. Писательницей собран богатый фактический материал о событиях военных лет, увиденных глазами детей. Своими воспоминаниями поделились с автором люди самые разные, но всех их объединило одно чувство – ненависть к врагам – фашистским захватчикам, желание видеть мир на земле. Впечатляет география воспоминаний. Их авторы – уроженцы Брянска и Бежицы, Смоленска, Санкт-Петербурга, деревень Выгоничского, Жирятинского, Дубровского районов Брянской области, Новозыбкова, Клинцов... Люди, разделенные огромным расстоянием друг от друга, сумевшие пережить страшные испытания, не сломленные духом,

сегодня доносят до нас суровую правду войны. И сама Нина Петровна вспоминает время своей эвакуации в городок Грязовец Вологодской области. Вот почему она хорошо понимает своих собеседников, оттого документальное повествование окрашивается пафосом неподдельного сочувствия и глубокого уважения к тем, кто вынес на своих плечах ужасы оккупации. Пафос протеста против всего, что несет смерть и разрушение, характеризует стиль повествования и имеет большой воспитательный смысл. Он прорывается в лирических отступлениях писательницы. «Когда я размышляю о своей писательской деятельности, – пишет Н.П. Рылько, – думаю, что истоки ее уходят в далекие годы Отечественной войны, когда я, еще совсем маленькая девочка, не умеющая толком и писать, внимательно следя за происходящими событиями, думала: «Все это обязательно нужно запомнить! Запомнить, чтобы когда-нибудь потом рассказать об этом своим близким. Может быть, детям, а, может, и внукам!» Пришло время, когда каждый штрих летописи всенародной беды и всенародного героизма неизмеримо дорог нам, чтобы никогда не была искажена история нашей Великой Победы. Такие книги с течением лет будут все более востребованы.

Совершенно справедливо Н.П. Рылько стала в Год литературы обладательницей патриотической литературной премии им. Н.А. Мельникова, а ее книга «Дети войны» отмечена Дипломом на ежегодной выставке «Брянская книга – 2014 – 2015» в Брянской областной научной универсальной библиотеке им. Ф.И.

Тютчева.

Из поэтических книг хочется отметить книгу стихотворений члена Союза писателей России **Александра Буряченко «Озаренный любовью»** (Брянск–2015). Эта третья книга из числа подготовленных к печати женой поэта Н.Ф. Буряченко является юбилейным изданием, посвященным 75-летию автора. Александр Леонидович – бывший малолетний узник фашистских лагерей, став писателем, был неоднократно награжден Почетными грамотами администрации Брянской области за пропаганду патриотизма и любви к родному краю. Он знал об ужасах войны не по книгам, поэтому так пронзительны его искренние строки, посвященные героям-освободителям. В новой книге целый раздел посвящен павшим и живым героям Великой Отечественной войны. Это стихотворения «Дай Бог прийти ему домой», «Твои солдаты павшие, Россия», «Огненные песни», «Стихи о пехоте 1941 года», «Песня о полковой разведке», «Песня последних ветеранов войны», «Молодецкая русская сеча», «Рассказ» и другие. Каждое стихотворение воскрешает в памяти какие-то конкретные эпизоды военного времени, а вместе они создают общую картину, в которой на первом плане – человек, победивший смерть. Эти стихи о Родине, в которую верит поэт:

*Память... И сигнальные ракеты
Высветят бессмертия слова:
Да, покуда жив солдат Победы –
Родина победная жива» («Покуда жив солдат
Победы»)*

Трудно назвать брянского поэта, в творчестве которого была бы не представлена тема Великой Отечественной войны, шире – поэзия памяти. Анализ такой поэзии есть в предыдущей книге «Брянские писатели. Антология – 2008» (Белые Берега, 2008). Не буду повторяться. В большинстве это проникновенные, взволнованные, глубоко патриотические стихотворения о подвиге на фронте и в тылу, о военном детстве, о послевоенных трудностях. Есть строчки наших авторов, которые врезались в память навсегда:

«Я последний солдат Второй мировой, // ощущаю солдатские души...» (В.Д. Динабургский. «Я последний солдат...»). Или: «Все дальше от войны уходим, // Но в памяти она всегда. // Нам снятся выжженные годы // И выжженные города» (И.А. Швец. «Все дальше от войны уходим...»); «Как мы выжили, дети войны? / Лихолетьем обожжены / И согреты у сердца России...» (А.Л. Буряченко); «В Брянском лесу тишина, тишина. / В Брянском лесу отгремела война...» (Н. Грибачев. «Тишина»)...

Прозаик оперирует фактами, поэт прежде всего выражает отношение к фактам. Но и поэты, и прозаики исключительно единодушны в оценке войны. Это очень важно, потому что понятие *патриотизм* входит в систему воспитания подрастающего поколения, а литература всегда осуществляет в обществе свою воспитательную миссию. Показательный факт: писатели нашей организации постоянно принимают участие в престижном на Брянщине литературном конкурсе среди учащихся и учителей «Верю в Россию и верю

в народ», проводимом по инициативе Департамента образования Брянской области и Брянского городского информационно-методического центра. Неоднократно на конкурсе побеждают поэты, члены писательской организации, педагоги по профессии **Ю.И. Кравцов и Н. В. Мишина**. В их жизни объединились литературное и педагогическое творчество. Стихотворения наших поэтов в который раз не оставляют равнодушными жюри конкурса.

Естественным итогом творческого воплощения писателями героико-патриотической темы в литературе станет сборник лучших произведений наших классиков и современников, членов Союза писателей России и Брянского областного литобъединения, посвященных памяти Великой Победы. Он готовится к печати. Сегодня наши писатели достойно представляют брянскую литературу в год 70-летия Победы.

С военной темой тесно слита тема «малой родины» в брянской литературе. Выражение привязанности к отчим местам, земле, где родился. «Милая моя родина – // Родинка на ладони. // Улицей Детства бродим мы, // В Памяти-речке тонем» (К.В. Асеева. «Милая моя родина»). По-прежнему актуальной остается тема российской глубинки. «Деревенскую» тему разрабатывали и разрабатывают писатели-профессионалы в разных жанрах. Примечательно, что судьба деревни, шире – российской провинции, интересует сегодня и молодых авторов, если судить по тому, какие произведения приносят на обсуждение члены семинаров прозы и поэзии. Эти темы неисчерпаемы, так

как неисчерпаема для художника историческая судьба народа. Подтверждение тому – новый поэтический сборник члена Союза писателей России, лауреата премии им. Ф.И. Тютчева «Русский путь» и премии им. Н.И. Рыленкова, **Николая Алексеенкова «Избранные стихотворения» (Брянск, 2015)**. В предисловии к книге Е.В. Потупов, член Союза российских писателей, справедливо написал: «Ощущение жизни, как чуда, верность отчему краю, искренняя сыновняя любовь к земле, на которой родился и вырос, делают поэзию Н. Алексеенкова понятной и близкой каждому, кто не очерствел душой, помнит свои истоки и дорожит историей, как бы тяжела и порожиста она ни была. Если попытаться кратко охарактеризовать сущность его лирики, можно сказать:

Алексеенков – певец русской деревни, разоренной и покинутой, трудно борющейся за жизнь, за свое существование...»

Искренность, душевность лирики Н. Алексеенкова всегда отзывается в сердце читателя. Его любовь к родным местам не декларативна, она питается непрерывающейся связью с родиной – Дубровкой. Новая книга, в которой автор представил лучшее, что написано им за сорок с лишним лет, убеждает в том, что слово любви и добра, адресованное отчей земле, отцу, матери, людям далеким и близким, непременно отзовется признанием на Родине, а разве это не самое важное в судьбе поэта? Об этом он и сам говорит в стихотворении «Наказ»:

*Когда меня коснулась боль утраты,
Тогда и сам я понял, наконец,*

*Значенье слов, которые когда-то
Мне не однажды говорил отец.*

*Мне не забыть его слова простые,
Их, как святыню, память сберегла:
«Ты заслужи, чтоб и тебя Россия
Не пасынком, а сыном назвала».*

Поздравляем Н. Алексеенкова с новой книгой!

Отметим другие позитивные моменты в непрекращающемся литературном процессе на Брянщине, имеющие знаковый смысл.

Редким жанром в прозе длительное время в брянской литературе оставался роман. Не удивительно. Роман – наиболее трудоемкий жанр, требующий большей затраты времени и для написания, и для чтения. В наш скоростной век читатели реже тянутся к объемным книгам, которые требуют значительного напряжения ума и души. Такова тенденция. Появление романа **Людмилы Станиславовны Ашеко** «Дачный сезон» (Брянск: Группа компаний «Десяточка», изд-во «Белобережье», 2012) стало знаковым событием в брянской литературе. Романы, конечно, пишутся, но популярными становятся единицы. Произведение Л.С. Ашеко приобрело необычайную популярность и сразу умножила почитателей многогранного таланта писательницы.

Действие романа происходит в постперестроечное время. Но автора интересуют не столько события сложного периода в жизни страны, сколько психологическое состояние человека, переживающего

переломный момент истории.

В романе показаны судьбы людей, разных по профессии, социальному статусу, интеллектуальному уровню. Учительница, художники, писатели, администраторы-руководители, «челноки», городские и деревенские жители, взрослые и их дети, перевертыши-приспособленцы и люди честные, открытые, принципиальные; люди из военного времени – предатели и незамеченные герои... Нет смысла перечислять всех, их много, как и должно быть в романе. Каждый со своей судьбой, доведенной автором до логического завершения. Все герои – люди, пережившие и переживающие перестроечные процессы, то есть наши современники. В выборе героев и отборе жизненного материала реализуется эстетическое кредо автора: писатель должен жить одной жизнью со своими героями, он призван талантом запечатлеть облик своего времени. Каждая судьба убедительна до мельчайших подробностей, но Л. Ашеко – не бытописатель-натуралист. Уже в создании системы образов она – художник. Это выражается в умении типизировать характеры. В каждом персонаже мы как будто узнаем своего соседа, герой как будто «списан» с него, но есть в нем что-то и от другого знакомого, и от третьего... И есть в нем «изюминка», отличающая от всех. Так оживают в созданном писательницей мире знакомые незнакомцы, но не для того, чтобы мы испытали радость узнавания (признак не художественной правды, а правдоподобия). В хитросплетении судеб обнаруживается авторская концепция: в жизни нет ничего случайного, все

человеческое сообщество – единый организм, здоровье которого зависит от нравственного состояния каждого из нас. В начале романа повествование напоминает мозаичную конструкцию. Истории Альбины и Артема Смолиных, Сергея и Гали, Ивана, Нади и других начинаются автономно. Но вот намечаются пути их сближения. И что важно – под пером автора путь к дачному месту – Ведьмежу – не кажется случайностью, этот сюжетный факт обнаруживает глубокую закономерность движения людей друг к другу, неизбежность такого сближения. О смысловой значимости романа писать особенно трудно, потому что жизнь представлена в нем многоаспектно: каждая сюжетная линия несет свою идею. Можно рассматривать проблемы творческой интеллигенции в среде писателей и художников (есть интересные характеры, раскрываются типичные отношения, отражено представление, как мне кажется, о положительной творческой личности, прежде всего в образах Альбины и Артема). Можно выделить в романе линию «преступления и наказания» на примере истории Сергея, Гали, Вовы. Есть галерея лиц и ряд ситуаций, раскрывающих специфику моральной атмосферы в среде руководителей-администраторов (здесь очень выразителен образ Елены Рыбаковой). Есть смысловая линия «отцы и дети» (Альбина, ее мать, муж Артем и их дочь Любочка; Наргиз, ее мать и дочь Марина; Галя и ее мать и др.). Очень органично в систему событий вписывается военный сюжет...

Все линии, как малые реки, сливаются в итоге в один сюжет, в котором все герои связаны друг с другом одной

общей и исторической, и личной судьбой. Все идеи сводятся к одной, ведущей и главной, которую можно сформулировать так: только один путь – ведущий к Богу в душе – путь, достойный Человека. Только на этом пути человек постигает смысл своего присутствия в мире, своих страданий и радостей. Это путь покаяния и очищения, возвышения над разрушающими страстями, отречения от иллюзорных ценностей. Очень трудно поделить героев романа на «положительных» и «отрицательных». Они отличаются тем, насколько близки к пониманию этой истины. Гуманность позиции автора в том, что она утверждает: путь праведный ни для кого не закрыт. Символичен финал романа. В Ведьмеже восстановлен Храм усилиями многих людей, и его колокол звучит для всех. Итоговые сцены воспринимаются как торжество мечты. Пока звучит колокол, пока в душах людей есть чувство Бога – нет места на земле злу.

Стоит ли доказывать, как своевременна идея романа сегодня?

В романе «Дачный сезон» много художественных достоинств. Концептуальность, глубокий психологизм, богатый, интересный язык, актуальность проблематики, гуманность авторской позиции. Он учит отличать истинные ценности от ложных в такое время, когда средства массовой информации и, к сожалению, литература дезориентируют человека, не имеющего четких нравственных установок. Это произведение, вдохновляющее и концентрирующее в душе силы, питающие жизнь.

В свой юбилейный год, совпавший с юбилеем

Брянского областного литобъединения, **Л.С. Ашеко** порадовала читателей новой поэтической книгой: **«Код жизни»**. Стихотворения. (Избранное из неизданного) (Брянск, 2015). Она вместила более 500 произведений, ранее не публиковавшихся. И это всего лишь малая часть того, что написано писательницей за многие годы творческой жизни. О темах поэзии Л.С. Ашеко говорят названия разделов: «Мы Родины дети» (гражданская лирика), «Линии судьбы» (о главном, что определило жизненный путь), «От снега до снега» (жизнь человека в соотнесенности с жизнью природы), «Явление любви», «Имена» (о людях, кто оставил след в душе и судьбе), «Искусство», «Философия», «Наедине с собой», «С Богом» (о смысле бытия и о перспективе духовного роста личности). В этой поэзии есть все: прекрасное владение богатыми художественными ресурсами родного языка; осмысленный жизненный и творческий опыт; четкая нравственная позиция; осознание высокой цели писательского труда: «Есть назначенье у поэтов: // Сложив из слов особый код, // Внушать стремление к жизни, к свету // За шагом шаг, за годом год»... Еще не улеглись впечатления от прочитанного, но совершенно очевидно: книга получила уже признание читателей, а Людмила Станиславовна Ашеко опять высоко подняла планку художественного мастерства, напомнила о том, что русский поэтический язык имеет безграничные ресурсы:

*О, русский, искристый, народный,
Богатый, праведный язык,
То яростный, то благородный!..*

*К тебе, к воде твоей приник
Любой, тобой обогащенный
От мига кровного родства,
Твоею сутью напоенный
В привычной форме естества.
Не замечая, не слагая
Слова в слова – так говоря –
Как дети малые, играя,
Глядим в картинки букваря.
Но, проникая в глуби, в шири
Твоих богатств, твоих пластов,
Вдруг постигаешь – в бренном мире
Ты – связь потомков и отцов,
Ты – многомерное пространство
Всех мыслей, замыслов, идей...
И, сколько по земле ни странствуя,
Ты лучший из поводырей.
Слова слегка щекочут небо:
Нет речи слаще и родней,
Чем та, что подарило небо,
Родив меня в стране моей. («Родной язык»)*

Книга «Код жизни» уже отмечена Дипломом выставки «Брянская книга 2014 – 2015», проходившей в Брянской областной научной универсальной библиотеке им. Ф.И. Тютчева в мае 2015 года. Поздравляем Людмилу Станиславовну с юбилеем и выходом новой книги!

Из поэтических новинок отметим книгу стихотворений члена Союза писателей России **Виктора Васильевича Володина «После дождя»** (Брянск, 2014). В.В. Володин – поэт непредсказуемый по своеобразному

взгляду на привычные явления жизни. Темы, как у других: любовь, жизнь – смерть, мир, война, счастье, природа, Родина... Но обо всем – по-своему, озадачивая и удивляя. Он разный: открытый, весь нараспашку, и уходящий в себя; склонный драматизировать, сгущать краски, и ироничный; ранимый и по-рыцарски защищающий человеческие ценности... Для тех, кто воспринимает лишь поверхностный смысл слова, его ассоциативная метафора будет непонятна. Тем, кто стремится постичь глубинную суть вещей, эта поэзия доставит наслаждение. Он беспокойный, его напряженная строка подобна натянутой струне. Это поэт, задающий вопросы и не всегда дающий ответы. Его сложная метафора отражает сложное внутреннее состояние современного человека. Но есть в этой поэзии стержень – желание того, чтобы не зло, а добро правило человеком и миром. Поэтому художественное слово В.В. Володина органично вписывается в контекст духовной поэзии:

*Коровушка-муравушка,
Лети на небо.
Там твои детки
Кушают котлетки
(детская приговорка)*

*Мы каждый миг – у Бога на свидании.
Мы – плоть Его и Дух, и Естество,
И часть, и целое. И это волшебство,
Которое зовется Рождество.
Бог – милостив сверх всяких ожиданий!
Он – совести досадливый укор*

*И знания законченный узор.
Он – выше бесконечности. И сил
Не хватит докричаться до светил,
Где Он сады Эдемов распустил.
В них, подвязав крахмальные салфетки,
Коровушки-муровушкины детки
Картофельные кушают котлетки.
А значит – ты не зря в далеком детстве
Ее с ладони в небо отпустил.
(«Рождественское стихотворение»)*

Лучшие произведения наших поэтов отличает духовность, вера в нравственные силы человека. Эта направленность объединяет авторов разных и определяет жизнеспособность их поэтического слова. Вот почему в творчестве брянских поэтов много произведений, которые могут быть включены в круг детского чтения. «Сегодня – дети, завтра – народ». Эту мысль Сергея Михалкова разделяют наши писатели. Отрадно заметить, что все больше произведений и поэтов, и прозаиков ориентируется на детское восприятие. **Внимание к детскому чтению характеризует сегодня творчество писателей нашей организации.**

Укрепил свои позиции брянский литературный сказ, жизнь которому дал член Союза писателей России **Юрий Евгеньевич Лодкин**. Две его книги «Хрустальная радуга» (Тула, 1980) и «Литые кружева» (Тула, 1988) адресованы детям среднего и старшего школьного возраста. Брянские сказы – это жемчужины брянской литературы. Оригинальнейший национальный жанр, с

которым мы знакомы прежде всего по произведениям «Малахитовой шкатулки» П.П. Бажова, представлен в брянской литературе ярко, значительно. В книге «Хрустальная радуга» объединены дятьковские сказы о народных мастерах хрустального дела. Сказы книги «Литые кружева» – о брянских сталелитейщиках и чугунолитейщиках. Сказ, имеющий фольклорную природу, преобразенный авторской фантазией, не потерял главного. Он доносит до нас мысль, что все самое дорогое и прекрасное на земле создано трудом и талантом рабочего человека, русского народа. Дятьковские мастера, труд которых эксплуатировался угнетателями, создавали сказочно прекрасные поделки – свидетельство таланта и духовного величия простого человека. Читая сказы из книги «Литые кружева», убеждаешься, что для творчества нет предела; брянские мастера способны сотворить красоту из самого, казалось бы, неэстетичного материала – чугуна и стали. Автор раскрывает мысль о том, что труд творческий всегда был органической потребностью человека, а источником вдохновения для мастеров своего дела издавна были красота родной земли, чувство любви и глубокий патриотизм. Сказы Ю.Е. Лодкина известны далеко за пределами Брянщины.

Ю.Е. Лодкин порадовал читателей новой книгой **«Брянские сказы» (Брянск, 2012)**. В эту книгу он включил все написанные им произведения, всего 32 сказа, адресованных «детям и их родителям». Красивое издание с интересными иллюстрациями художника **В.О. Херувимова**. Писатель подчеркнул,

что сказ создается не только для детей. Его глубинный патриотический смысл может быть понят вполне человеком, умудренным жизненным опытом, знающим историю своего народа. Но и взрослым, и детям близка и понятна идея сказа как воплощение народной мечты о торжестве справедливости и добра. Отвечая критикам, скептически относящимся к литературной перспективе жанра, с уверенностью скажем: пока человек мечтает о справедливости, сказ будет всегда востребован.

Свой вклад в популяризацию брянского сказа вносит **Лариса Леонидовна Семенищенкова**, член Союза писателей России. В 2014 году она выпустила книгу сказов «**Анюта-Узорница**» (Брянск, 2014), а в 2015 – «**Волшебный лес**» (Брянск, 2015). Анюта-Узорница в этих книгах – заступница, покровительнице мастериц-вышивальщиц, наделенная волшебными свойствами. Она помогает людям мастеровым, честным и наказывает тех, кто посягает на красоту и хочет разрушить наш мир. Об этой книге написала Е.Э. Горяинова, кандидат филологических наук, в статье о брянских сказах: «...следует отметить, что брянская литература с выходом книги Л.Л. Семенищенковой «Анюта-Узорница» обогатилась великолепными сказами, побуждающими читателей задуматься о вдохновенном творческом труде женщин-рукодельниц, о красоте родной земли и необходимости ее защиты. И как героиня сказов обладала необыкновенным умением создавать волшебные узоры на полотне, так и автору «Анюты-Узорницы» присуще тонкое чувство стиля и способность поэтичным языком передать красоту

в слове». Нужно отметить замечательную работу брянской художницы Т.Л. Массаровой, сделавшей эту книгу привлекательной и для детей. В 2013 году Л.Л. Семенищенкова стала лауреатом Международного конкурса «Национальная литературная премия «Золотое Перо Руси» в номинации «Сказка», а в 2014 году книга «Анюта-Узорница» отмечена дипломом в конкурсе «Брянская книга» в номинации «Взрослые писатели – маленьким читателям». Вторая книга «Волшебный лес» включает три сказа о Великой Отечественной войне и посвящена памяти Великой Победы.

Продолжая характеристику литературы для детей, нужно обратить внимание на творческие успехи **Евгении Янкелевны Шапиро**, члена Брянского областного литературного объединения, члена международного Союза писателей и мастеров искусств. Ее сказки и рассказы для детей получили известность через Интернет-публикации, а книжную популярность – благодаря Международному творческому проекту «День сказки», который стартовал в 2012 году после обращения инициативной группы к Президентам России, Украины, Белоруссии. В коллективных сборниках сказок, издаваемых в Ужгороде, опубликованы произведения для детей десятков авторов. Только за 2013 – 2015 гг. в них включено более 70 сказок и рассказов брянской писательницы. Ее сказки вводят маленького читателя в светлую атмосферу детства, но при этом включают ребенка в решение сложных проблем общения, дают представление о ценностях жизни, среди которых главные – дружба, любовь, бескорыстие, доброта. Ее

сказки дают полет мечте ребенка. Об этом говорят даже названия: «Как победить Сердинку», «Раздели со мной радость», «Букет радужного счастья», «Исполнение мечты», «Всему надо учиться», «Когда проходит страх», «Подарок для Сони» и др. Е.Я. Шапиро является победительницей престижных литературных конкурсов. Она дипломант конкурса, посвященного памяти С. Козлова. Лауреат международного конкурса детской книги «Сказка 21 века». Член Международного творческого объединения детских авторов (МТО ДА). Надеемся, что **в брянской литературе наконец появился детский писатель.**

Становится все более заметным в контексте литературной жизни Брянщины такой жанр, как фэнтези, благодаря творчеству писательницы **Елены Анатольевны Ларичевой**. Еще недавно мы писали о ней как о начинающем авторе. Ее литературное творчество отмечалось стипендией им. П.Л. Проскурина. Сегодня Елена Анатольевна Ларичева (литературный псевдоним Дорофея Ларичева) – победительница престижнейшего всероссийского конкурса издательства РОСМЭН, автор популярных книг из серии «Пилигримы»: «Искры и зеркала» (Москва: РОСМЭН, 2014), «Искры и химеры» (Москва: РОСМЭН, 2015). Эти книги можно увидеть на полках книжных магазинов в одном ряду с книгами известнейших отечественных и зарубежных фантастов. Издательством наша писательница представлена так: «Мир будущего – суперспособности людей и связанные с ними суперопасности... Клонирование тел и переселение душ... Мгновенные перемещения

в пространстве и времени... Все это – на страницах «Пилигримов». Но не только это. Ведь средневековые пилигримы, чье имя позаимствовали герои серии, – это не просто путешественники, это паломники: странники, идущие по опасному пути к священной цели. Автор «Пилигримов» Дорофея Ларичева – человек уникальный. Она профессионально занимается литературой, экономикой, статистикой, философией и футурологией. Как может человек совмещать в себе столько разных знаний и умений? Как знать, может быть, неспроста молодая писательница оказалась тезкой девочки из супертехнологичного будущего – Дорофеи?» («Искры и зеркала»). Ученый, преподаватель одного из вузов Брянска, она пишет много. Е.А. Ларичева наделена удивительной способностью фантазировать, находя при этом национальную «опору» для своих фантазий. Ее произведения привлекают не только интригующим сюжетом, но глубокой мыслью, постановкой общечеловеческих проблем сохранения жизни на земле и в пределах Вселенной, сохранения статуса человека в условиях технического прогресса.

Сегодня в творчестве Елены Ларичевой возрождается жанр фантастики, всегда присутствовавший и на время забытый в брянской литературе. Сегодня она – член международного Союза писателей и мастеров искусств, член Брянского областного литературного объединения.

Очень важно создавать на Брянщине книжный детский мир, который противостоял бы агрессивной, безнравственной экранной продукции.

Картину литературной жизни на Брянщине нельзя

представит без творчества драматургов. Отрадно отметить в юбилейный год их успехи. Во-первых, это публикации последних лет. В 2010 – 2011 годах появились книги пьес члена Союза писателей России **В.К. Пипченко**: «Свет угасших звезд» (Брянск, 2010) и «От великого до смешного» (Брянск, 2011). В. Пипченко очень интересный писатель. Он автор семи поэтических и трех прозаических сборников. Его приверженность к драматургии постоянна, а произведения весьма оригинальны. По-видимому, сказывается большой жизненный опыт и литературная эрудиция автора. Герои его пьес, как правило, люди выдающиеся, оставившие свой след в мировой истории и культуре, например: норвежский путешественник Амудсен, римский император Нерон, древнегреческий философ Сократ, Чингисхан, художник Верещагин и др. Действие происходит соответственно в Древней Греции, Бухаре, Риме, Афинах, в России... Автор пытается найти в жизни своих персонажей такие события, в которых высвечиваются общечеловеческие проблемы. Удастся это ему или нет – судить читателям.

В серии «Брянские писатели» вышла книга **Л. Семенищенковой** «Мой театр» (Брянск, 2013), в ней три пьесы о русских писателях: А.К. Толстом, И.С. Тургеневе, Н.С. Лескове и А. Григорьеве. В 2014 году пьеса «Лесков (Портрет писателя)» была опубликована в журнале «Приокские зори» (г. Тула) и признана лучшей публикацией года в номинации «Проза». Как результат – Л. Семенищенкова стала лауреатом Всероссийской премии «Левша» им. Н.С. Лескова.

Л.С. Ашеко, опубликованные пьесы которой читателям известны, в 2014 году стала победителем (первое место) в международном литературном конкурсе «Славянская лира» в номинации «Драматургия» (г. Полоцк, Белоруссия).

С.И. Непша, член Союза писателей России, победитель многих литературных конкурсов, в том числе драматургических, успешно работает как драматург в кино, по его сценариям сняты фильмы из серии «Детективы» (5-й телеканал).

Сегодня брянские драматурги принимают участие в реализации проекта, объединяющего театральные деятели и писатели. Как начало проекта 29 мая 2015 года в помещении Брянского ТЮЗа прошел мастер-класс для драматургов «Слово и образ» с участием режиссеров брянских театров и писателей Брянска и Орла. Надеемся, что реализация идеи будет плодотворной для нашей литературы.

Конечно же, наше литературное богатство – работы брянских краеведов, членов Союза писателей России, В.П. Алексеева, В.С Пасина и других. **Владимир Григорьевич Деханов**, член Союза писателей России, лауреат премии им. А.К. Толстого «Серебряная лира», ведет многолетнюю, поистине подвижническую работу по собиранию материалов из истории нашего города, искусства, литературы. Его публикации характеризуются всегда научной добросовестностью, фактической содержательностью, убедительностью выводов. В 2015 году он выпустил давно задуманный сборник «**Венок Тютчеву**» (Брянск, 2015). В книгу

вошли поэтические и прозаические посвящения поэту-земляку, отрывки из статей, писем, литературоведческих работ. В сборник включены произведения брянских авторов, посвященные Ф.И Тютчеву. Это знакомые нам имена: В. Парыгин, К. Асеева, Н. Поснов, Л. Мирошин, Г. Метельский, В. Козырев и др. Книга «Венок Тютчеву» – подарок всем любителям поэзии Ф.И. Тютчева. Книга отмечена дипломом на выставке «Брянская книга 2014 – 2015» в Брянской областной научной универсальной библиотеке им. Ф.И. Тютчева. В.Г. Деханов в 2015 году стал лауреатом Всесоюзной литературной премии им. Ф.И. Тютчева «Русский путь».

Объемную картину литературных поисков и достижений писателей Брянской областной писательской организации дает представление серия книг «Брянские писатели», выпущенная при поддержке администрации Брянской области в 2012 году. В этой серии представлены произведения почти всех членов нашей писательской организации, это пестрое собрание книг, разнообразных по жанрам и тематике: «Прощеное воскресенье» М. Атаманенко (поэзия и проза), «Стрела» Г. Карташовой (стихи), «Неизбежность дюбви» И. Пенюковой (стихи), «Жизнь бывает жестока» П. Любестовского (повести и рассказы), «Во Владимире и Вщиже» А. Ронжина (исторический роман), «Селедка под шубой» С. Непши (рассказы), книга рассказов Д. Стахорского и др. и другие.

Но вот прошло всего три года, а как обновилось литературное пространство!

Сегодня громко заявили о себе члены Брянского

областного литературного объединения. Назовем **Эдуарда Павловича Киреева (г. Брянск)**, автора двух книг «Дедовы байки» (2008) и «Мозаика жизни» (2015). Заинтересованный читатель заметит, как совершенствуется мастерство этого писателя, появляется все больше поклонников его творческого дара. В книге «Мозаика жизни» раскрываются судьбы людей послевоенного времени. Взрослых и детей, горожан и деревенских жителей. И как это бывает в жизни, судьбы пересекаются, потому что люди живут в одной стране, связаны одной историей, они же сами творят эту историю. Герои многих рассказов Э. Киреева – дети, как, например, в произведении «Ленька». Писатель вглядывается в их характеры, стараясь увидеть ростки достоинства, доброты, способности к сопротивлению обстоятельствам, того, что помогает им вырасти настоящими людьми. Много мудрости, знания народной жизни, любви к простому человеку в произведениях этого автора. В то же время в них нет назидательности. Пафос сочувствия человеку с трудной судьбой – лучший воспитатель нашего чувства. Писатель владеет художественным словом, его эпизоды зрительно убедительны, но главное – он умеет достучаться до сердца читателей правдой жизни, иногда горькой, нерадостной, драматичной, но каждый раз убеждающей в том, что у человека всегда есть возможность нравственного выбора.

В 2014 году Э.П. Киреев принят в Международный Союз писателей и мастеров искусств.

Плодотворно работает **Галина Алексеевна**

Солонова (г. Сельцо). Она является автором четырех книг прозы, многочисленных рассказов, опубликованных в брянской и центральной периодической печати, журналах «Воин России» и др. В ее рассказах поднимаются злободневные проблемы нашего бытия, они актуальны и поэтому вызывают неравнодушное отношение читателей. Высокую оценку получили военные рассказы писательницы. Г.А. Солонова пишет и для детей. Ее познавательные рассказы печатались в журнале для детей «Муравейник». Книжка «Чудеса природы» (Брянск, 2014) получила одобрение в городском объединении учителей естественно-научного цикла г. Сельцо и рекомендована для внеклассного чтения учащимся начальных классов.

Г.А. Солонова принята в Международный Союз писателей и мастеров искусств.

В поэзии засветились имена О. Шаблаковой, О. Гориславской. И еще много книг интересных, произведений замечательных появилось в книжном пространстве брянской литературы. Их невозможно представить в рамках одной статьи. Подвижнический труд совершают руководители литературных объединений. Это **П. Любестовский (Кузнецов)**, член Союза писателей России, член Правления писательской организации, основатель и руководитель Сельцовского литературного объединения «Парус». Это **В.П. Берзин**, член международного Союза писателей и мастеров искусств, руководитель литобъединения «Стожары» в Жуковке. Они находят спонсорские средства для выпуска коллективных сборников. Пользуясь случаем,

благодарим всех спонсоров, болеющих за состояние брянской литературы и поддерживающих наших писателей.

Подводя итог, еще раз отметим: брянская литература многообразна, богата жанрами, темами, идеями и образами. Брянская областная общественная организация Союза писателей России под руководством В.Е. Сорочкина живет полнокровной жизнью. Сегодня здесь царит атмосфера доверия и творческой радости. Мы участвуем в новых проектах и становимся их инициаторами. Участвуем в телевизионном литературном проекте «Стихи над городом», новом проекте «Литературные пятницы» в парке им. А.К. Толстого, сотрудничаем со школами и библиотеками области, поддерживаем все начинания, соответствующие высокому званию писатель и несущие в мир слово добра, красоты и мира. Надеемся, что 2015 год станет для организации не только итоговым, но и стартом в будущее.

**Поздравляем Брянскую областную
общественную писательскую организацию Союза
писателей России с юбилеем!**

**Опубликовано как послесловие в книге:
Брянские писатели – 2015. Антология /Редактор-
составитель В.Е. Сорочкин/. – Брянск: типография
СРП ВОГ, 2015.**

«И ВЕРНОСТИ ИЩЕТ ДУША...»

В.Е. Сорочкин. Потаенное небо. – Москва, 2016.

(Серия: Лауреаты премии «Народный поэт»)

Показательна история появления книги. Она вышла в столичном издательстве в соответствии с Положением о литературной премии «Народный поэт», лауреатом которой стал В.Е. Сорочкин в 2015 году. Тем самым В.Е. Сорочкин еще раз подтвердил высокий уровень своего поэтического мастерства, его признание огромной аудиторией любителей поэтического слова.

1

Поэзия В. Сорочкина концептуальна, философична по сути, отражает системное восприятие мира. Вопросы, волнующие лирического героя, связаны с поиском смысла человеческого бытия, потому даже личные чувства, как правило, перерастают в рамках стихотворения в размышление о мгновении и вечности, о жизни и смерти, о значении любви и красоты в планетарном масштабе. Мир только для двоих существует, но он впаян в поток времени, в общую картину мироздания:

*Средь вечности нам отпускается крохотный миг,
И время уходит, дороги не зная обратной,
И, вновь расставаясь, мы бездной ладоней своих*

Спешим зачерпнуть быстротечную воду объятий.
(«Средь вечности»)

Философское содержание лирики В. Сорочкина не выражается, как правило, сентенцией-аксиомой, выхватить из контекста четко очерченную формулировку непросто. Чтобы понять глубину смысла отдельных строчек, нужно понять их место в тексте-метафоре всего произведения. Здесь уместно вспомнить, что мысль философская, научная, отличается от мысли художественной формой выражения, к тому же в стихотворении она заряжена эмоционально. Об этом очень точно написал А. Фет в статье «О стихотворениях Тютчева»: «Чем резче, точнее философская мысль, чем вернее обозначена ее сфера, чем ближе подходит она к незыблемой аксиоме, тем выше ее достоинство. *В мире поэзии наоборот.* Чем общей поэтическая мысль, при всей своей яркости и силе, чем шире, тоньше и неуловимей расходитя круг ее, тем она поэтичней... В произведении истинно прекрасном есть и мысль; она тут, но нельзя, не имея пред глазами самого произведения, определить, где именно надо ее искать: на первом плане, на втором, третьем и т.д. или в нескончаемой дали?..»

Лирический герой В. Сорочкина – в широком и многоликом мире беспокойный странник, чья «верности ищет душа, как магнитная стрелка» («Средь вечности»). Странничество следует понимать не в буквальном смысле, как путешествие по городам и весям, а состояние души, ее неуспокоенность, потребность понять цель своего присутствия на Земле. Чем глубже лирический герой

постигает смысл бытия, тем больше возникает вопросов, тем сложнее его самочувствие. Может быть, поэтому в книге много стихотворных циклов или произведений, состоящих из нескольких частей, – диптихов, триптихов и т.д.: «Черное и белое», «Озеро», «Облака», «Зеркало», «Строки травы», «Часы», «Дождливая ночь», «Первая осень», «Воробы», «Вечерняя стража», «Январь», «Безмолвие», «Посвящение», «Сумерки», «Слово», «В уголке», «Астра-мастер», «Бумажная кровь», «Три дня июля»... Это не все. Много. Потому что невозможно заключить процесс духовного поиска в рамки одного стихотворения. Не получается. Жизнь бесконечна в своем течении; так и мысль автора стремится в бесконечность, к новым впечатлениям, новым открытиям и духовным озарениям. Каждый новый опыт приводит к переосмыслению прежнего, и на этом пути не может быть остановки, пока живёт человек. Вот в чём особенность поэзии В. Сорочкина. Его стихи могут быть сложны для читателя, который ищет в произведении четко и окончательно сформулированный вывод, неоспоримый совет умного наставника; который понимает литературу как своеобразный учебник готовых жизненных правил, собрание мудрых наставлений... Назидательность всегда на поверхности. Другое дело – когда твою мысль обращают к вечным вопросам бытия, на которые всё человечество ищет ответы. Вместе с лирическим героем тебе предлагают совершить путешествие по лабиринтам беспокойной мысли, осуществляя труд души.

Конечно, непрерывное странничество лирического героя все же имеет промежуточные точки

отсчета, которыми завершается один виток поиска и начинается другой. По закону искусства, произведению свойственна смысловая завершенность. Каждое стихотворение – творчески озаренное обобщение приобретенного опыта, которое становится вехой в движении пытливого сознания и опорой для беспокойного сердца. Центры притяжения человеческих и творческих сил лирического героя В. Сорочкина, а также источники его вдохновения – зов Родины, любовь, природа, духовные истины. В них обозначен нравственный посыл его странствий, как, например: *«Да не совет змея гнездо // В душе, где Божий знак, // Пусть даже если ты никто // И звать тебя никак»* («Судьба завяжет в узел нить...»). Вот она – «точка отсчета», «веха», обобщение, вектор движения, увиденный внутренним зрением. Какой бы поворот ни случился, как бы ни сложилась жизнь, главное – не изменить добру, сохранить в душе «тепло Божьей искры» («Посмотришь вспять...»). Значит, не изменить человеческой сути. Не эта ли цель и смысл нашего душевного труда на Земле?..

Много драматизма, много потерь переживает лирический герой; все явственнее ощущение неизбежного: *«Посмотришь вспять – а все уже пропето. // Ткет паучок одежду тишине»* («Посмотришь вспять...»); *«Можно прочь уходить, ничего за собою // Не спасти, непослушную дверь затворя...»* («Можно прочь уходить...»); *«Что-то время летит, как из пушки шрапнель, – // И не осень уже на дворе, а метель...»* («Общежитие»); *«Что осталось мне? – пыль улетающих дней, // Слабый, солнечный свет, не обретший зенита...»*

(«Собирай...»)... Но выстраданным итогом жизненного опыта становятся все новые поэтические откровения, приобретающие нередко афористическое звучание: «Прими все то, что видишь: жизнь мала, // Чтоб ей успеть сложиться по-иному...» («Капля»); «Нам никто не простит ничего – ни грехи, ни огрехи, // Но – глаза закрывая – теряют огни, но не свет» («Завтра»)...

Отметим: «магнитная стрелка» души странника указывает на СВЕТ.

Гармонично вписывается в картину поэтической реальности В. Сорочкина образ-символ бабочки – сквозной в книге «Потаенное небо». В этом образе сфокусирована мысль о нетленной красоте жизни на земле и одновременно ее хрупкости, сиюминутности во времени. Бабочка – мельчайшая частица мира, но это одно из воплощений прекрасных мгновений жизни, она носительница тайного смысла бытия, потому подобна явлению чуда и притягательна, как чудо:

*И в создании хрупком, на лист резеды
Разомкнувшем свой контур с рисунком размытым,
Будет столько же чуда, души, красоты,
Как и в озере, светлой слезою пролитом. («Озеро»)*

Бабочка в земных пределах, как и человек в бесконечном космосе, – песчинки мироздания. Но взмах слабых крылышек – связующее звено во времени и пространстве, потому что это – **живое**; оно придает смысл всему и связывает все:

*Казалось, жар сейчас сомкнется, завладев
И всем и вся окрест – потерянно и слепо...
Но дрогнули крыла, и бабочка, взлетев,
Вернула на круги своя и твердь, и небо... («Зной»)*

Жизнь – вот главная ценность на Земле, главная сила, препятствующая разрушению миропорядка; она суть таинства возрождения и развития. Поэтическое зрение автора подмечает в природе непрерывную борьбу за жизнь. Как, например, в стихотворении «Строки травы» – о травах: *«И палит солнце их огнем, // И путник давит под пятою. – // Но спорит лист с небытием, // И стебель спорит с пустою...»* Природа подает человеку пример устремленности к жизни.

«Огонек-мотылек», мечущийся «в толще ночной», не случайно назван «путеводной звездой» для заблудшей души. Когда *«Ночь прозрачна в своей черноте, как обман», «жизнь превращается в хлам», «ты идешь, ты течешь, как вода...»*, вдруг увидишь, как *«летит путеводной звездой мотылек...»*, увлекая за собой... («След мотылька»).

И человек, и мотылек – воплощения жизни, потому они нужны друг другу и тянутся друг к другу, а вместе – к свету.

Заканчивается сборник стихотворением «Три дня июля», многозначной метафорой последних строчек:

*Лишь облака плывут по срезу бирюзы,
Ища в своем пути не пристани, но – края,
И бабочка летит, как вестница грозы,*

В сухой песок пылицу по капле отряхая...

Бабочка, – мизерное воплощение жизни, – пока летит, есть гарант возрождения, вестница перемен. Так все настойчивее утверждаются доминанты авторской концепции бытия: **ЖИЗНЬ – СВЕТ.**

Расширяет эту концепцию смысл стихотворений «Капля», «Какой портной...», «Светлячок», «Жар-птица» и других. Наша жизнь – то, из чего ткётся многоцветная картина мира:

*Какой портной в пресветлой горенке
Под шорох ветра и планет
Смог без сучка и без задоринки
Сшить воедино этот свет,*

*Соединить сиянье месяца
И синеву звенящей мглы...
Посмотришь – жизнь твоя поместится
На острие его иглы. («Какой портной...»)*

Логическим развитием темы воспринимается мысль о том, что мы в ответе за прочность миропорядка, а значит, важно идти на свет, искать света, своей жизненной практикой умножать свет. Оправданием наших ошибок может быть только стремление к свету, жажда «искать ослепляющих молний // Посреди беспросветных небес» («Жар-птица»). И – отметим – нигде нет назидательности; ее побеждает метафора, которая у В. Сорочкина, кажется, достигает совершенства. Владение поэтическими

средствами языка в высшей степени профессионально. Тропы нацелены только на «сверхзадачу», что позволяет избежать словословья. Обобщения и конкретика в большинстве случаев идеально сбалансированы: мысль и чувство лирического героя передаются через образ-картинку, всегда знакомую читателю. Вот муравей, строящий муравейник, «свой дом и Божий храм» («Муравей»); вот сломанное дерево-сосна со стекающей смолой по стволу («Капля»); осиротевшим родной дом и наша нетленная память о нем («Жар-птица»)… Все – знакомая реальность, преображенная светом поэтической души. Как заманчиво, интересно прочитывать эти метафоры, домысливать недосказанное, ощущать эмоциональный строй стиха… Один из примеров многомерной метафоры поэта – стихотворение «Жар-птица». Оно о пронзительной, обжигающей душу памяти об отчем крове; также о том, что суть жизни человека – в поиске ослепляющего света вопреки гнетущей тьме; о живущих в нас образах чудо-сказки из далекого детства; это драматическое переживание опустошающей утраты и преодоление рефлексии… Смысл так широк, как сама жизнь. Из сложного мыслечувствования лирического героя читатель уловит то, что ближе его жизненному опыту.

Опять приходит на ум замечание А.А. Фета из упоминаемой выше статьи: «Образ своей замкнутостью, а мысль своей общностью и безграничностью вызывают душу созерцателя на восполнение недосказанного, – на новое творчество, и таким образом гармонически содействуют его соучастником художественного

наслаждения».

2

Очень интересно и своеобразно звучит в книге «Потаенное небо» тема «Слово и жизнь» (или «Творчество и жизнь»). Поэта не может не волновать возможность поэзии адекватно отражать бесконечные грани поиска смыслов. В. Сорочкин не раз обращался к этой теме, но представление о значении творчества углубляется, уточняется, в новом сборнике оно обогащено новыми открытиями. Попробуем увидеть в поэтическом контексте автора смысловые акценты.

Во-первых, для лирического героя В. Сорочкина жизнь мира шире личного опыта каждого из нас, потому что век человека «короче глотка воды» («Седой родник...»). Одному не успеть понять смысла всего, что дает нам существование на Земле:

*И колышется бабочка, воздух, вода,
Как все то, что не в силах умолкнуть, утихнуть,
Замереть; то, что есть, но чего никогда
И душой не понять, и умом не постигнуть...
(«Озеро»)*

Кажется, литературное творчество как один из путей познания мира бессильно нам помочь. Поэзия – лишь слабое отражение живой картины бытия:

*Природа создает, не покладая рук,
Саму себя, и слаб язык, пытаюсь снова*

*Изобразить хоть часть того, что есть вокруг,
Не избежав пустых речей и многословья...*(«Три
дня июля»)

Лишь «ворох бумаги» – вот то, что остается от
живого восприятия картины, неизбежно становящейся
нашим прошлым:

*Мир почти неизменен, но зыбок, и –глядь –
Уходящее как бы почует во прахе.
Взгляд, когда-то смотревший на водную гладь,
Ныне видит исписанный ворох бумаги.*

Рефлектирующая мысль лирического героя
приводит к неутешительным выводам. Мир существует
и будет существовать независимо от наших ответов на
наши вопросы, и « *даже малую беду // Предотвратить
не может слово* » («Слово»). Природа живет по своим
законам:

*Всяк свое разумеет, берясь по уму
Толковать бытие и прикидывать строки.
Никакое «зачем», «отчего», «почему»
Не нужны тишине, берегам и осоке. («Озеро»)*

В этом контексте логично завершается
стихотворение «Поэты»: «*Рождаются в мире поэты. //*
Зачем, для чего, для кого...»

Но мы и не заметили, как **вовлечены в поиск**

ответа. Наша мысль разбужена, мы уже с чем-то согласились, с чем-то нет.

Ведь поэт все равно трудится, «марая белые страницы», оставляя «исписанный ворох бумаги», пытаюсь создать словесное отражение того, что мы видим и слышим, о чем мы думаем и что нас волнует... И талант зачем-то дается ему, при этом поэтическое слово рождается, «дабы идти из сердца человека...» («Слово»), оно – «душа языка...» («Бумажная кровь»). Значит, творчество чего-то стоит. И лирический герой находит этому все новые аргументы. Они разбросаны по стихотворениям, как вспышки-прозрения.

Творчество – путешествие мысли туда и обратно: из настоящего в прошлое, из прошлого опять в сегодня, или – в будущее... Слово – связующее звено в нашем опыте. В стихотворных строчках «былое сойдется // С грядущим...» («Поэты»). Поэтическое слово способно играть со временем, и в этом искусство имеет свое преимущество перед жизнью. **Слово – это след, по которому мы можем вернуться в былое: вспомнить, воскресить, остановить пережитые мгновения.** Оно дает обратный отсчет времени, и вот уже «возвращает» нам картину: *«И оттуда, из памяти, издалека // Проступает, собой подменяя реченье, озерная гладь, берега и осока; «вновь появится бабочка, близко к воде...»; высокое небо.* И мы уже слышим тишину гармонии и красоты... («Озеро»). Слово – *«как предчувствие судьбы, / Иль потревоженное эхо».* («Слово»). Оно – проводник памяти, позволяющей нам **понять себя в прошлом и настоящем. Без этого нет будущего.**

В то же время творчество – не только путь к себе. Срок существования запечатленного на бумаге речения дольше человеческой жизни, поэтому мы можем **драгоценным даром передать обретенный опыт другим**, дабы не канул он в вечность как бессмысленный и ненужный:

*«Когда мгновенное звено
Связует век, и как посыльных
На Божий свет – хранит зерно
В коротких бороздах чернильных. («Слово»)*

И постепенно вместе с автором мы приходим к итоговому прозрению, которое приводит читателя к пониманию своей значимости во вселенском течении времени и напоминает о нашей ответственности перед грядущими веками. Это **мысль о великом значении слова, если, конечно, оно озарено светом духовности**: «Воздав и победам и бедам, // Лишь Слово – сильнее меча. // И новым затеплится светом // Спасенного мира свеча» («Поэты»). Обратим внимание, как снимается кажущееся противоречие: с одной стороны, «даже малую беду предотвратить не может слово» («Слово»), а, с другой, – «лишь Слово – сильнее меча» («Поэты»). Заметим, что в последнем утверждении Слово – с заглавной буквы.

От сомнения, рефлексии – к открытию жизнеутверждающего смысла душевного труда Поэта. Если, конечно, «не совет змея гнездо в душе...» Так смыслы отдаленных строк смыкаются, не противореча

друг другу. В цепи доминантных понятий появилось новое: ЖИЗНЬ – СВЕТ – СЛОВО. А как же – ЛЮБОВЬ?

3

В новой книге много любовной лирики, пожалуй, больше, чем в других. Из безграничного спектра чувств одного человека к другому соткано все художественное пространство. В каждом отдельном стихотворении проживается свой сюжет, разыгрывается своя драма или, наоборот, поймано счастливое мгновение. Но все без исключения, как пазлы, сцепленные друг с другом. Создается образная картина с общей тональностью, настроением, которое можно определить как **ощущение быстротечности времени**. Чувства предельно обострены, откровенны, они – как в последний раз. Лирический герой предвидит драматический итог, и потому он жадно ловит «миг, пронзенный светом» («Запомни все...»), чтобы запечатлеть его в памяти, ибо наша память неподвластна времени, пока мы живем:

*Не хочу ничего забывать и менять.
Не прервется горящая память живая.
Как легко каждый миг о тебе вспоминать,
Нити солнца в волшебный клубочек свивая.*
(«Пусть холодная тень...»)

Мысль о кратковременности человеческой жизни и счастливых ее мгновений приводит лирического героя к драматическому восприятию всего, что вокруг.

Вместе с ним мы начинаем понимать значительность, уникальность, ценность каждого человеческого переживания. И что интересно: именно в любви лирический герой обретает силу сопротивления отчаянию и грусти. – Вот то притягательное, что составляет, на мой взгляд, суть любовной лирики В. Сорочкина.

Высокое, одухотворяющее чувство любви не позволяет рефлексии завладеть сознанием лирического героя, не дает ему впасть в уныние и прийти вообще к отрицанию смысла жизни. Сила любви, составляющая позитивную энергию стиха, – как сила света в противостоянии тьме.

У В. Сорочкина **любовь – всегда свет**. Даже в минуты роковые, когда рушится мир души, она для него как «сияющий след надежды» («Пусть холодная тень...»). Такой угол зрения очень важен для современного читателя, дезориентированного в проблемах личных отношений. Сегодня важно направить юношеское чувство, раскрывая красоту и лучезарность, животворящую суть любви, делающей человека человеком. Не разрушающая страсть, а светоносное чувство, его возвышающий смысл – вот то прекрасное, что дарует нам жизнь. Такое понимание любви – это пушкинское, толстовское, тютчевское духовное наследие.

Любовь – высшая ценность человеческой жизни. Ее преобразующая власть безгранична:

Ни тепла не прошу, ни покоя.

Пусть и холод наступит, но – твой.

*Пусть ненастье твое всеблагое
Над моей прошумит головой.*

*Реют тучи, как хищные птицы.
Дождь стучит и стучит по окну, –
Но ненастье твое – как затишье,
И твой холод подобен огню... («Не прошу»)*

Вот, на мой взгляд, апофеоз любовной лирики В. Сорочкина. Поэтическая магия парадоксальных строк поразительна и убедительна. В них запечатлена мысль о всепобеждающей силе любви. Любовь способна преобразить мир: холод, ненастье, хищное зло – побеждены силой огня любви, они претерпевают метаморфозу, изменяя своей сути. Чтобы понять этот поэтический парадокс, нужно глубоко и безгранично любить.

Любовная лирика в книге «Потаенное небо» – неподражаема, как неподражаем каждый индивидуальный опыт чувствования. Она являет собой образец высокоодухотворенного переживания и культуры выражения чувства.

Трудно связать название книги с одним только стихотворением «Потаенное небо...», хотя оно и открывает сборник. Прочитав всю книгу, думаешь о том, что поэт приоткрыл перед тобой **тайник своей души, в котором хранится небесный свет, тепло Божьей искры (потаенное небо)**, готовой вспыхнуть, умножая свет в вечном борении света и тьмы. Вот почему душа

лирического героя так чувствительна к свету. Он замечает его, даже если свет всего лишь подобен угольку сигареты... Свет в художественном пространстве книги то прорывается и освещает все вокруг, то теплится искрой в глубине сознания, то горит во тьме светлячком, вспыхивает пламенем в камельке, то напомним о себе во сне или осветит мир светом звезды, прорвется «живым огнем», сжигающим шкуру Гада... Лирический герой ловит свет «отовсюду, где даже и не было света» («Собирай...»). И жизнь понимается, как поиск света, дается для того, чтобы искать «ослепляющих молний // Посреди беспросветных небес» («Жар-птица»). И тогда даруется человеку последним даром вера в вечное торжество жизни, обновляющейся и возрождающейся после нас:

*Но останусь я там, где последние ноты звучат
Уходящего времени, пьющего вечности воду, –
Там, где падают птицы, летя на кровавый закат,
Пропадая в высокой траве, обращенной к восходу.*

(«Этот день неподвижен...»)

Наконец, итогом странствий лирического героя и смысловым итогом книги представляется утверждение нерасторжимости и взаимообусловленности таких понятий, как **ЛЮБОВЬ – СВЕТ – ЖИЗНЬ – СЛОВО**. Где **ЛЮБОВЬ** – там свет. Где свет – там **ЖИЗНЬ**. Где жизнь – там творческое начало, воплощенное в **СЛОВЕ**. И есть скрепляющее эту связь понятие. Его

можно обозначить словом **РОДИНА**. Она – и **любовь**, и **жизнь**, и **свет** и **творчество**. Духовный поиск героя немислим вне Родины, невозможен без того, чтобы сверять свои потери и открытия с ее судьбой:

Просторам нет числа – и, затаясь, под ними

Лежит стихия. –

И это – мы ... Единое дано нам имя,

И мы – Россия... («Предзимье»)

Даже если не найдены ответы, остается вера в бессмертие Родины:

И мне, земля моя, в твоих исчезнуть даях,

Но как знаменье

Бессмертья твоего – возьму последним даром

Иное зренье. («Предзимье»)

Изумительным художественным завершением книги является поэтический цикл «Три дня июля», навеянный стихотворениями Даниила Андреева. В нем самочувствие странника растворено в природе, где есть все: покой, тишина, умиротворение, гармония, красота и предвестие грозы как неизбежного обновления. Нельзя не любить эту загадочную, непрерывающуюся жизнь, потому что все это – родная земля. И невозможно не сострадать ей:

... И нет ответа... Но – спаси и сохрани,

Земля моя, свои урочища и сини. –

Есть Непорень, Смелиж, Нерусса, Чухраи –

Глубинка, глухомань, слеза к слезе России... («Три дня июля...»)

Закрывая книгу, понимаешь, что странствие оказалось плодотворным. И лирический герой, и читатель, каждый по-своему, приблизились к ответу на главный вопрос: «Для чего жить?»

А. Карева, преподаватель БСК, справедливо написала в заметке «В этом мире ты не одинок»: *«Поэзия В. Сорочкина многогранна. Она учит противостоять трудностям, понимать мудрость и справедливость мироздания. В ней проявляется ответственность за судьбу мира, в котором мы живем, милосердие к каждому человеку. В воспитании души нет мелочей. В книгах Владимира Сорочкина силы природы – наши друзья, наши защитники, только нужно научиться их замечать. Солнце, снег, трава, дождь – все одухотворено. И, конечно, в стихах о любви, разочаровании и даже расставании царит гармония».* (Брянский рабочий, № 49 (21.772) от 14 декабря 2017 г.).

В поэзии В. Сорочкина есть энергия противостояния пошлости, злу, разочарованию и бездуховности. Это чувствуют читатели или слушатели. Прекрасно по своей гуманности стихотворение «Светлячок». Смешной счастливец, «маячок», свет которого подобен маленькому огоньку окурка, – делает, сам не ведая того, великое дело – умножает свет:

*Спят во мраке города и веси,
Но на перекрестках всех годин*

*Тьмы не существует, даже если
В мире он останется один.*

Поэзия В. Сорочкина – гордость нашей литературы. Сегодня он наставник молодежи, руководитель семинаров поэзии при Брянской писательской организации Союза писателей России. Очень важно, когда есть на кого равняться в работе над словом, в постижении его литературных возможностей. А они безграничны, в чем убеждает В. Сорочкин каждой новой книгой.

2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

• Образ Ф.И. Тютчева в творчестве брянских писателей.....	3
• Моя работа над образом Ф.И. Тютчева (Комментарии к пьесе «Душа России»).....	32
• Образ А.К. Толстого в современной брянской поэзии.....	41
• А.К. Толстой и театр (Задачи изучения).....	60
• Семенищенкова Л.Л., Семенищенков Ю.А. Лирический пейзаж А.К. Толстого в представлении филологов и натуралистов.....	76
• В.П. Парыгин и детская литература.....	87
• Алексей Семенович Козин (1913 – 1984) (штрихи к портрету).....	98
• Елена Алексеевна Иванова. Литературные опыты.....	116
• Александр Саввин. «Сильнее смерти».....	128
• «Золотая тропа» Степана Кузькина (О новой книге трубчевского поэта).....	140
• «Учувствую сердцем зерно...» (Заметки о лирике Александра Мехедова).....	160
• Людмила Ашеко. Под вечным небом (стихи).....	172
• О романе Л.С. Ашеко «дачный сезон».....	186
• Концептуальность художественной реальности в книге В. Сорочкина «Завтра и вчера».....	210
• «На сердце – весенние ливни...» Илья Андреевич Швец (1917 – 1991).....	228

	
• О романе И.А. Швеца «Беглецы».....	238
• Драматургия на Брянщине.....	252
• Брянская областная общественная писательская организация Союза писателей России.	
Год литературы.....	266
•«И верности ищет душа...»	
(В.Е. Сорочкин. Потаенное небо. – Москва, 2016.	
(Серия: Лауреаты премии «Народный поэт»).....	302

Подписано в печать 14.05.2018 г. Формат 60х84 1/16.

Печать цифровая. Бумага офсетная.

Усл. п. л. 20,5. Тираж 100 экз.

Отпечатано ООО «Аверс»

241050, г. Брянск, ул. Софьи Перовской, 83

www.аверс32.рф

